

№11
Ноябрь 2011

Т **УССКИЙ КЛУБ**

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДОО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Banco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Кандаваки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Компьютерная графика и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга, Нино Цитланадзе

№11 (73)
Ноябрь 2011

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЕНДАРЬ	ОТ А ДО Я	4
ФЕСТИВАЛЬ	DIXI	6
	СОРОК ГРАДУСОВ В ТЕНИ	13
	ПАМЯТЬ ОСТАЕТСЯ В КНИГЕ	16
ТРАДИЦИЯ	«АДСКАЯ КОМЕДИЯ» С МАЛКОВИЧЕМ И МОЦАРТОМ	20
	ГРУЗИЯ В ЗЕРКАЛЕ СЦЕНЫ	24
О, СПОРТ!	ЦЕНА МГНОВЕНИЯ	28
НАСЛЕДИЕ	«ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ. . .»	32
ЮБИЛЕЙ	НЕЗАМЕНИМЫЙ	36
РУССКИЙ МИР	ПОГРУЖЕНИЕ В СЛОВО	38
АРХИВ	В РУСЛЕ ВСТРЕЧНЫХ ПОТОКОВ	40
ТВОРЧЕСТВО	АРЧИЛ МАНДЖГАЛАДЗЕ	42
ПАЛИТРА	УМЕЕШЬ ТЫ РИСОВАТЬ?	46
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ОН РОЖДЕН ДЛЯ РИГОЛЕТТО	50
СВЕРХЗАДАЧА	РЕАНИМИРОВАТЬ РЕАНИМАЦИЮ	52
ПРОЩАНИЕ	УШЕЛ ВЕЛИКИЙ ЛИЦЕДЕЙ	54
ОБЪЕКТИВ	ТБИЛИСОБА - 2011	

На обложке - Николай СВЕНТИЦКИЙ
Фото Гога ЧАНАДИРИ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвалдзе, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торалдзе, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуахуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбанюдзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Полканина (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

от до

«ПОЕДЕМ В ЦАРСКОЕ СЕЛО...»

1 ноября 1811 года в Царском Селе, что неподалеку от блистательного Петербурга, среди парков и дворцов, состоялось торжественное открытие уникального высшего учебного заведения - знаменитого Царскосельского лицея. Он был создан для того, чтобы там учились дворянские недоросли из самых значительных российских семей. Император Александр I собирался обучать там своих малолетних братьев Николая и Михаила. Но этого не произошло, так как создание лицея и его учебная программа было начинанием знаменитого вольнодумца Мишеля Сперанского, которого к 1811 году оттеснили консерваторы. И Царскосельский лицей стал хоть и весьма уважаемым, но чуточку неприличным. Однако в истории России он остался как школа, воспитавшая «наше все» - Александра Сергеевича Пушкина и еще как минимум пару десятков блестящих молодых людей, оставивших свой след в истории отечества. Но почему «в октябре багрянолистном девятнадцатого дня» состоялось открытие? Да просто Россия тогда жила по Юлианскому календарю, и нынешнее 1 ноября и есть знаменитый день лицея - 19 октября.

КОРОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

2 ноября 1721 года Россия, побывавшая к тому времени и Золотой Киевской Русью, и Третьим Римом, стала еще и империей. Неугомонный Петр I решил, что ему мало трех строчек титулов, прибавленных за жизнь, и решил возложить на себя императорскую корону, т.е. стать «монархом над монархами». Может быть, ему не нравились незамкнутые окружности - как известно, царская корона представляла собой венец, а императорская - кольцо. Любил человек совершенство форм. Кстати, императорский статус рассорил великого российского реформатора со всеми венценосными соседями. Но Петр I только небрежно бросил по этому поводу - «перетопчутся», - и, как всегда, оказался прав.

«МЕТРО» ОТ «МЕТРОПОЛИТЕН»

4 ноября 1848 года на свете появилось новое транспортное средство - метро. Эта подземная железная дорога была открыта в столице Англии, и поначалу связала два лондонских вокзала. Очевидно, назначение ее было в том, чтобы транзитным пассажирам с объемным багажом не приходилось мучиться на тесных лондонских улицах. Назвали новое транспортное средство «Metropolitan Railway». Откуда, соответственно, и пошел сокращенный вариант «метро».

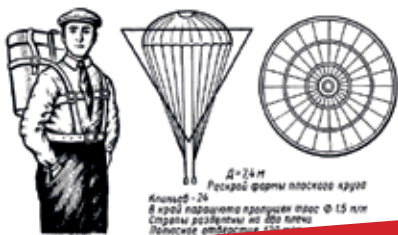
ВСТРЕЧА В «ПЕЩЕРЕ»

А ровно 50 лет назад все тем же дождливым 9 ноября молодой ливерпульский предприниматель Брайан Эпстайн оделся поскромнее и отправился в один малоизвестный подвальчик послушать модную среди молодежи группу под названием «Битлз». Так все и началось.

«И ЮНЫЙ ОКТЯБРЬ ВПЕРЕДИ»

7 ноября 1917 года в Петрограде произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Большевики штурмом взяли Зимний дворец и объявили Временное правительство низложенным, а его министров арестованными. Эта историческая дата считается днем основания уже ушедшего в историю государства под названием Советский Союз. Мы все помним кадры из фильма «Октябрь» Сергея Эйзенштейна, где революционные матросы под огнем пересекали Дворцовую площадь и карабкались на узорчатые решетки ворот. Но жертв при штурме Зимнего было немного - один человек. Да и сам захват Временного правительства был акцией скорее символической, столица и так перешла в руки большевиков и их союзников без лишнего шума. Великий русский бас Федор Шаляпин, который в этот день пел в Александринке, вообще не заметил никакой революции. Да сказать по чести, и сами большевики до 1928 года именовали сие историческое событие непочтительно - «октябрьским переворотом». Это уже потом, как говорил в эмиграции руководитель этого восстания Лев Троцкий, «все стало очень мраморным».

ИЗОБРЕТЕНИЯ В НОЯБРЕ

Ноябрь богат на изобретения. Почему-то именно на этот месяц их приходится особенно много. 100 лет назад, 9 ноября, в России состоялось первое успешное испытание ранцевого парашюта РК-1 конструкции Глеба Котельникова. Количество жизней, спасенных этим изобретением, не поддается исчислению. А еще в этот самый день парижанин Жорж Клод запатентовал неоновую рекламу. Жители центральных районов европейских городов, наверное, этому не слишком рады - спать очень мешает. А в 1926 году все тем же 9 ноября советский изобретатель П.Тагер изобрел систему звукозаписи для кинофильмов. Так немое кино сменилось звуковым. А в 1841 году нью-йоркский изобретатель с пышным именем Наполеон Герен предъявил благодарному человечеству свое средство спасения на воде - пробковый спасательный пояс. Это изобретение, разумеется, тоже спасло много человеческих жизней.

ДЕНЬ ЮНЕСКО

А почти 100 лет спустя, в 1946 году, в Париже была создана ЮНЕСКО. Это Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. ЮНЕСКО исповедует высшие гуманистические стандарты. Это одна из немногих организаций, посланцы которой могут проникать даже на территории воюющих государств ради спасения культурного наследия человечества. И попробуют только воюющие стороны причинить им хоть малейший вред - авторитет ЮНЕСКО огромен. Финансовый фонд, к чести стран-основательниц, во все времена хорошо пополнялся и расходовался строго по назначению.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГАЛАКТИОНА

6 ноября 1892 года родился великий грузинский поэт Галактион Табидзе. Он был самым настоящим флагманом грузинской поэзии и оказал огромное влияние на молодых поэтов. Галактион Табидзе считается одним из самых читаемых и печатаемых за пределами Грузии грузинских литераторов. Его стихи хорошо знают в Европе, и особенно хорошо в соседней России, так как его охотно и очень бережно переводили крупные русские поэты-переводчики - от Владимира Алейникова до Беллы Ахмадулиной.

КИПИАНИ, МАХАРАДЗЕ И ГРУЗИНСКИЙ ФУТБОЛ

18 ноября 2011 года мы отмечаем 60-летие со дня рождения выдающегося грузинского футболиста Давида Кипиани. Его имя всегда произносят вместе со Львом Яшиным, Всеволодом Бобровым и Эдуардом Стрельцовым. Давид Кипиани входил в пятерку самых выдающихся игроков в истории советского футбола. Обладающий не только филигранной техникой, но и высочайшим интеллектом, он стал прообразом футболиста будущего. К великому сожалению, этот гармоничный человек, сочетающий спортивное мастерство и высокий уровень интеллигентности, знающий пять иностранных языков, прожил очень недолгую жизнь.

А еще в ноябре мы вспоминаем и выдающегося грузинского спортивного комментатора Котэ Махарадзе. 17 ноября ему бы исполнилось 85 лет. Как и его футбольные кумиры, он тоже был виртуозом - виртуозом литературной метафоры, спортивной эрудиции и обладал изумительным чувством юмора. И его имя неотделимо от всего грузинского футбола, потому что когда вспоминают грузинских футболистов, обязательно вспоминают и этого изумительного комментатора и актера театра и кино.

РОЗГИ ДЛЯ КОРОЛЕЙ

14 ноября 1607 года великий французский король Генрих IV издал очень примечательный указ: он разрешил пороть за непослушание лично королевских детей, а не их несчастных слуг. Он, конечно, был добрым королем и детей любил. Но, видимо, кто-то из них его допек. А вообще говоря, дети на Генрихе IV ездили в самом прямом смысле чуть ли не верхом и называли его не Вашим Величеством или Почтенным Отцом, а попросту папой, что было для сурового придворного этикета неслыханной дерзостью.

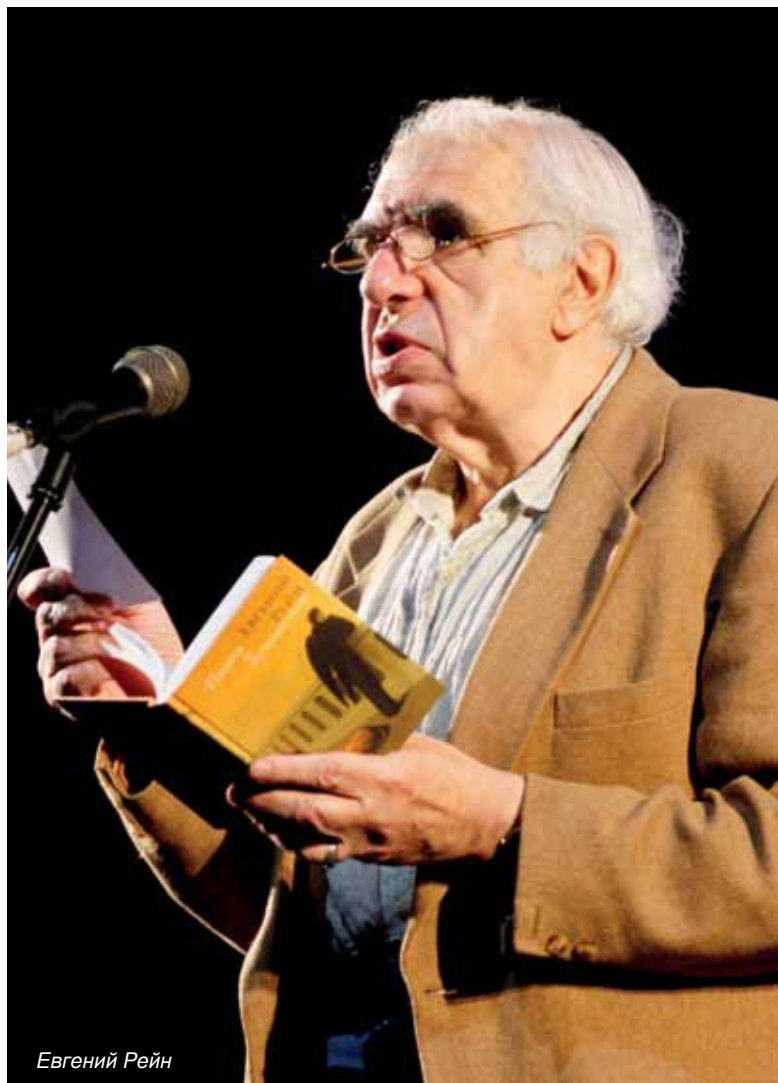

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ «ВСЕМИРНОГО ЯЩИКА»

21 ноября отмечается Всемирный День телевидения. Поздравляем наших телемедийных коллег с их профессиональным праздником, а также спешим развечать очень любопытную версию происхождения праздника именно в этот день. С чьей-то легкой руки была запущена самая настоящая «утка», будто в глубокой древности 21 ноября у святой Клары – сподвижницы Святого Франциска Ассизского, которая из-за болезни не могла посетить ежегодный торжественный молебен, на стене появилось изображение церковной службы, происшедшей за много километров от ее дома. То есть, состоялась первая телетрансляция. Мы опровергаем эту очаровательную легенду и сообщаем, что в 1996 году в этот день был проведен Первый Всемирный Телевизионный форум.

Роб АВАДЯЕВ

ПЯТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ РУССКО-ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ БЫЛ ТРАДИЦИОННЫМ. НО И ОСОБЕННЫМ. НЕ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ОН – ПЯТЫЙ, А ЗНАЧИТ ЮБИЛЕЙНЫЙ, НЕ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ТАЛАНТЛИВАЯ ПОЭЗИЯ – ЭТО «ЕДИНСТВЕННАЯ НОВОСТЬ, КОТОРАЯ ВСЕГДА НОВА», НО И ПОТОМУ, ЧТО К ЮБИЛЕЮ МЫ НЕЖДАННО-НЕГАДАННО ПОЛУЧИЛИ ГРАНДИОЗНЫЙ ПОДАРОК. НА ФЕСТИВАЛЬ ПРИЕХАЛ ЕВГЕНИЙ РЕЙН, И ВСЕ СРАЗУ РВАНУЛО НА ДРУГОЙ УРОВЕНЬ. «НА ФОНЕ ПУШКИНА...», ЕЙ-БОГУ. НЕ ТОЛЬКО В ПЕРЕНОСНОМ, НО И В ПРЯМОМ СМЫСЛЕ. ТО ЕСТЬ ИНЫЕ УЧАСТНИКИ ВСЕ-ТАКИ НЕ ПОСТЕСНЯЛИСЬ ЧИТАТЬ В ПРИСУТСТВИИ РЕЙНА НЕВАЖНЫЕ СТИХИ. НО СФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ С МАСТЕРОМ НОРОВИЛИ ВСЕ – ДАЖЕ ТЕ, КТО СНИСХОДИТЕЛЬНО ПОЗВОЛЯЛ ФОТОГРАФИРОВАТЬ СЕБЯ. ОТ РАЗГОВОРОВ С РЕЙНОМ ЗАХВАТЫВАЛО ДУХ – ОДНО РУКОПОЖАТИЕ ДО АХМАТОВОЙ, БРОДСКОГО, ДОВЛАТОВА... А САМ ОН БЫЛ ЩЕДР, ОТКРЫТ И РАЗГОВОРЧИВ – ТОЛЬКО СЛУШАЙ, ТОЛЬКО СПРАШИВАЙ, ТОЛЬКО ЗАПОМИНАЙ. НЕУЖЕЛИ КЛАССИКИ-НЕБОЖИТЕЛИ МОГУТ БЫТЬ И ТАКИМИ? НО ЕСТЬ РЕЙН, А ЗНАЧИТ, ЕСТЬ ТОЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО, ЧТО НАСТОЯЩИЕ КЛАССИКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИМЕННО ТАКИМИ. ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ СВОЕГО ПРИСУТСТВИЯ ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ РЕЙН, В ОБЩЕМО, ОПРОВЕРГ ИЗВЕСТНЫЙ ТЕЗИС ПУШКИНА. И ТЕПЕРЬ ПОНЯТНО - КТО ВЕЛИК, ТОТ НЕ ВЕЛИЧАВ, А ГЛУБОК, ПРОСТ И БЕЗУПРЕЧЕН, КТО ПРЕКРАСЕН, ТОТ ДОСТУПЕН И НЕДОСЯГАЕМ. КАК САМА КЛАССИКА. МЫ БЕСЕДОВАЛИ С ПОЭТОМ В ХОЛЛЕ ГОСТИНИЦЫ «HOLIDAY INN». РЯДОМ НАХОДИЛАСЬ ЕГО СУПРУГА НАДЕЖДА ВИКТОРОВНА РЕЙН, УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМЕНИ А.С.ПУШКИНА – ИНТЕРЕСНЫЙ, ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ПОРАЗИТЕЛЬНО ТОНКО ПОНИМАЮЩИЙ ДАЖЕ ПОСТОРОННИХ ЛЮДЕЙ.

Евгений Рейн

DIXI

- Евгений Борисович, вы следите за литературным процессом?

- Да, безусловно. Но в основном – за поэтическим. Я ведь профессор Литинститута.

- По периодике, книгам или интернету?

- К сожалению, я не владею интернетом. Моим интернетом является Надя. Я много читаю – в Литинституте очень хорошая библиотека, там есть все журналы. К тому же в Москве каждый день что-то происходит в смысле поэтического чтения – читают, докладывают. Далеко не всегда, но если меня что-то интересует, я там бываю.

- Как вы оцениваете сегодняшнее состояние русской поэзии? Кто-то называет его расцветом, кто-то – упадком...

- Непросто сформулировать. Что считать расцветом, а что – упадком?

- По сравнению с чем, да?

- Вот именно. Я думаю, что границы поэзии невероятно раздвинулись. В нее прибыло огромное количество новых имен. Читательская аудитория сузилась сравни-

тельно, скажем, с советским временем. Раньше поэзия в какой-то степени заменяла публицистику, собирались стадионы, выступали талантливые поэты - Ахмадулина, Евтушенко, Вознесенский, менее талантливый, на мой взгляд, Рождественский... И была широкая аудитория. Книжки у тех, кого печатали, выходили большими тиражами. У Евтушенко однажды вышла книжка тиражом, примерно, 200 тысяч – это очень много, очень.

- И все было раскуплено...

- Безусловно. У других тоже... Широко издавали Ахмадулину – это да, она хороший поэт. А были и такие сказочные персонажи, как Асадов, например. Все девушки СССР читали его стихи.

- Очень забавные.

- Забавные. Но я ничего не хочу сказать о нем плохого. Это был инвалид войны... У поэзии всегда узкая аудитория людей, которые действительно любят стихи. Это элитарное занятие. Сугубо элитарное, на мой взгляд. Это должны быть посвященные люди, которые знают историю русской поэзии, имеют домашние библиотеки, может быть, даже ориентируются в поэзии XVIII века, я уж не говорю о пушкинском круге и современной поэзии. Я думаю, что эта аудитория до некоторой степени сохранилась. Она стала поуже, но она есть. Просто стало трудно заниматься профессиональной поэзией, потому что теперь за нее ничего не платят, и жить на это дело абсолютно невозможно... Ну что сейчас? Издают Бродского – он великий поэт с очень яркой легендой,

сильным отзвуком. В Ленинграде вышло два полных собрания сочинений, сборники стихов и интервью, исследовательские, литературоведческие сборники – вообще очень большая библиография. Книги поэтов с большими именами, Кушнера, например, издаются тиражом двести тысячи, не больше. Я не знаю как в Тбилиси, но зайдите в любой московский книжный магазин – не специализированный, а общий. Какие стихи там продают?

- Какие?

- Главным поэтом там является некто Губерман.

- Автор «гариков»...

- Автор хохм, иногда, правда, осторожных, а иногда нет. У него вышло книг, наверное, тридцать.

- ?!

- Seriously.

Надежда Рейн. Это не имеет отношения к поэзии...

Е.Р. Но это невероятно роскошные, на изумительной бумаге книги, которые стоят на полках магазинов. Видимо, многое зависит от личной инициативы, связей с издателями – человек старается, и его издают. Много книг у Веры Павловой, есть такая поэтесса. Несколько книг Ахмадулиной. Высоцкий. Вознесенский. А больше поэтов в продаже нет. Есть, я считаю, очень хорошие поэты – Чухонцев, Цветков, Гандлевский, Лосев... Их книг нет. То есть они, видимо, где-то есть – в специализированных магазинах, но в обыкновенном книжном магазине вы их не встретите.

- В то же время, хотя прожить поэзией невозможно, поэты продолжают писать. Значит, пишут не ради...

- Ну конечно, об этом даже смешно говорить... Стихи никак не пишут ради. Замечательно сформулировал Пушкин: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Он неплохо зарабатывал, кстати.

- Вы сказали, что в поэзии появилось очень много новых имен. Но мне кажется, что среди них - чрезмерное количество графоманов и такое же количество эпигонов.

- Абсолютно точно.

В тбилисском кафе

- В чем спасение, что делать? Пережить?

- Да. Ну как можно справиться с таким процессом? Великое благо, что у нас свободное книгоиздание и нет цензуры. Я полностью «за». Но, как всякая медаль, это имеет и другую сторону. Любой человек, который накопил 200 долларов, может издать себе книгу, кото-

рую никто не редактирует и тем более не корректирует. Поэтому теперь можно делать даже орфографические ошибки. И все эти книжки лежат штабелями. Я думаю, сейчас до некоторой степени аудитория поэзии – это сами поэты. Ну сколько в Москве поэтов? Тысячи три, да? Они и интересуются.

- Тогда зачем они, стихи?

Н.Р. «Если звезды зажигают...», как у Маяковского...

Е.Р. Потому что существует некая метафизическая тяга любого человека к обмышлению судьбы человеческой. Зачем мы приходим на белый свет, что значит наша жизнь? Человек пытается понять какие-то знаки жизни, ее символы... Кроме того, поэзия имеет и другие измерения. Скажем, бывает грандиозная описательная поэзия – «Евгений Онегин», например.

- Или «Граф Нулин»...

- Точно. Или любовная лирика – человек склонен любить, ищет себе подругу или друга, это требует какого-то оформления. И человек старается найти у поэтов запечатленные переживания, формулировки, экзотические моменты... Понимаете, ведь поэзия – дело невероятно древнее, существующее с доисторических времен. Ну, скажем, сидел пещерный человек у костра после охоты на мамонтов и рассказывал, как он догнал, убил, ел мамонта, и как это было прекрасно. И это он излагал некими словами...

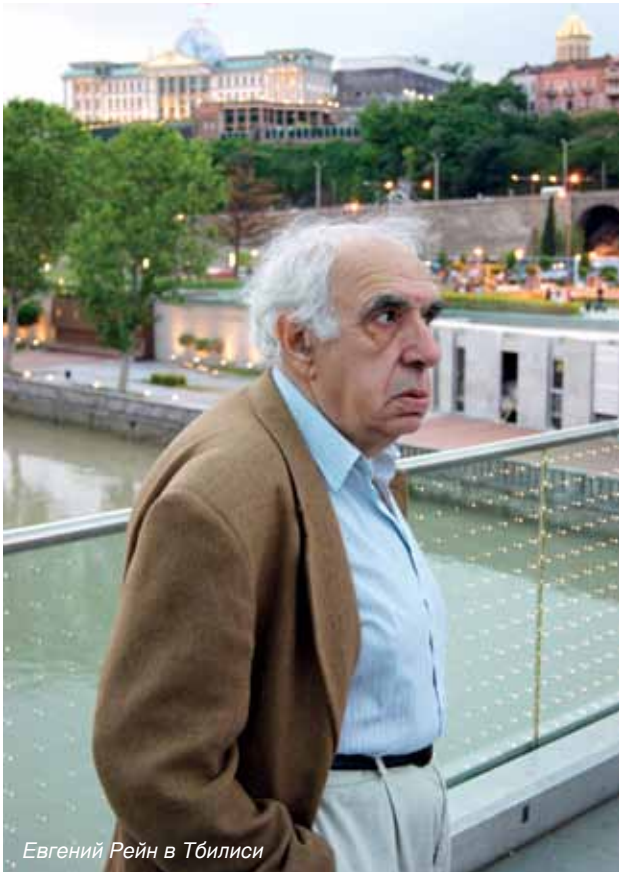
- Тяга писать была, есть и останется, но, как вы говорите, аудитория сужается... Если бы вам предложили написать какую-то зазывалку, речевку, рекламу для того, чтобы человеку захотелось открыть книгу стихов, как бы это звучало?

Н.Р. Один раз нечто подобное произошло. Некая ювелирная фирма попросила разрешения в качестве рекламы опубликовать строки из поэмы Евгения Рейна «Алмазы навсегда». Поэма заканчивается так: «Нет ничего на черном белом свете. Алмазы есть. Алмазы навсегда». И эти строчки вошли в рекламу. Наверное, прочитав их, кто-то заинтересовался и что-то открыл для себя...

Е.Р. Вы задали интересный вопрос. Такого рода вещь пытался сделать Бродский в Америке. Одно время он занимал должность поэта при библиотеке Конгресса США. Она, по-моему, дается на два года, многие крупные американские поэты ее занимали, и Бродский в том числе. И пока он занимал эту должность, он очень пропагандировал поэзию как таковую. У него было несколько идей. Вы в Америке бывали?

- Нет.

- Тогда поясню. В любом номере любого отеля в Америке в тумбочку около кровати кладется библия. Бродский предлагал, чтобы рядом с библией лежала антология англо-американской поэзии. И это до некоторой степени было исполнено. Потом он предлагал продавать книги стихов в супермаркетах на выходе, у кассы. Скажем, у человека остается три доллара, и он берет себе какую-нибудь книжку вместо сдачи. И это тоже какие-то магазины рецептировали. Бродский был человек очень предприимчивый, и вот что он еще придумал – известные цитаты из английских и американских стихов напечатать на листовках и обклеить ими вагоны метро. Причем он сам написал маленькое стихотворение по-английски, оно было странное – «ты поэт и я поэт, но кто кому напишет

Евгений Рейн в Тбилиси

У памятника
Сергею
Параджанову

эпитафию?» И это было сделано! Я сам видел эти листовки в метро. Я не знаю, какое это впечатление произвело на публику. Там в метро в основном ездят негры. Наверное, они читали, удивлялись...

- Что двигало Иосифом Александровичем? Желание нести культуру в массы?

- Да. Он считал и я считаю, что поэзия есть основное искусство. Во-первых, она предшествовала прозе, во-вторых, она важнее, главнее прозы. Бродский это всячески пропагандировал. Об этом немного говорится в нобелевской речи, которую он произнес в Стокгольме. Он вообще очень часто об этом говорил. Почему, например, нет краткой карманной

антологии русской поэзии? Она была составлена в свое время – от Ломоносова до 20-х годов XX века, ее сделал замечательный специалист Святополк Мирский, который на свою голову вернулся из Англии в СССР, где и сложил эту голову. Антология была издана, но ее не переиздают – почему, не знаю. Сейчас вообще время гигантомании – Евтушенко составил 10-томную антологию русской поэзии. 10 томов! Уверяет, что работал над ней 40 или пятьдесят лет. Врет ведь! Потом он сделал невероятный том под названием «Строфы века». Вы бы его видели – это книга, которую вы бы не смогли поднять и удержать в руках. Поэтов 600 вошло в эту книгу, и к каждому из них он сделал краткие врезки, причем многие из них – в стихах! Трудолюбивый человек...

- Как вообще вы относитесь к труду поэта?

- Интересный вопрос – что такое труд поэта? Он имеет многообразное и всегда своеобразное истолкование. У каждого поэта свой труд. И это всегда, мне кажется, большой труд. Существует письменный вариант труда поэта – Пушкин. Или Цветаева. Я знаком с черновиками Пушкина, видел их в Пушкинском доме, где я работал, а там хранится все рукописное наследие Пушкина. Это потрясающе – десятки вариантов, писал-зачеркивал-писал, писал, писал... Так же работала Цветаева, она оставила сотни тетрадей. А были поэты, которые «писали» в голове – таким был Мандельштам. Он вообще не любил сам процесс письма, он, как известно, высшего образования не имел, окончил два курса университета. И от него осталось очень мало рукописей.

- А как вы работаете?

- Я тоже часто сочиняю в голове, но когда что-то начинает складываться, я всегда начинаю писать и записываю первоначальный текст и варианты, но не так, как Пушкин, который вписывал все варианты над стихами. Я пишу рукопись еще раз в другом варианте, потом в третьем, четвертом... Но тут есть одна странная тонкость. Очень часто приходится возвращаться к первому варианту, он и есть самый лучший, поскольку возникает в другой, как бы сказать, психомозговой обстановке – когда стихи сочиняются, то происходит довольно сложная работа с подключением подсознания, не вполне рациональных темных моментов, и именно в это время удается сделать более тонкие вещи. Иногда я не печатаю стихи по 5-10 лет...

- Настаиваете, как вино?

- Мне кажется, я не сумел что-то сделать в них, не смог какую-то свою идею проявить, и как ни пытаюсь – не получается. А через несколько лет удается. Так что в ремесле поэта есть и рациональная часть.

- С чего начинается стихотворение – с темы или необъяснимого чувства, что сейчас сложатся стихи?

- Скорее, второе. Иногда, реже, приходит какая-то тема. Например, я вспоминаю какого-нибудь замечательного приятеля своей молодости. У меня был такой поразительный друг Красильников Михаил. Он был замечательный человек, и на всю нашу компанию оказал немалое влияние. Вот, думаю, про него напишу. И написал (Стихотворение «Красильников» - Н.З.). А иногда возникает какой-то странный, темный импульс, появляется слово или мотив... Это невозможно объяснить или теоретически сформулировать. Ну например – меня еще с детства преследовал один простой мотив из кино. Говорят, была такая еврейская песенка, ее использовала Козинцева и Трауберг в фильме «Юность Максима» - «Крутится-вертится шар голубой». Это связалось у меня с Ленинградом, с районом, где я жил. Я вообще ленинградец, всю свою жизнь пишу о Ленинграде, хотя очень давно живу в Москве. Когда наши войска вошли в Прагу?

- В 1968-м.

- С 1968-го я живу в Москве. Ленинград остается моей родиной. Видимо, он связан с моим сознанием и подсознанием. Крутится-вертится шар голубой... И написались стихи: «Где эта улица, где Пять Углов, Где я был молод и был бестолков, Там, где я ждал тебя по вечерам, Где на Фонтанку ходил по дворам... «Крутится-вертится шар голубой...» – Все то, что было, пошло на убой, Только остался небесный тот цвет, Верный вопрос и неверный ответ»... По-разному пишется. Иногда вспоминается какой-то подлинный эпизод из моей жизни. Когда я был молодой человек, меня исключили из Технологического института. Поскольку я был хороший

студент, даже получал повышенную стипендию, исключили меня по политическим соображениям, я не придумываю. В 1956 году – это было время относительной оттепели – мы сделали стенную газету «Культура». А после событий в Будапеште все издания в СССР, даже студенческие, контролировались. И разразился дикий скандал – были передачи по «Голосу Америки», Би-би-си, вмешался обком. И меня исключили. Меня одного. Остальные – кто взял академический отпуск, кто что...

- Все попрятались.

- Да, а меня исключили. И я уехал на Камчатку. Добрался до Владивостока, что было непросто в те времена, потому что поезд шел две недели. В жестком вагоне. Потом на пароходе пять суток плыл на Камчатку парохом «Советский Союз», который когда-то был немецким и назывался «Великая Германия». Пароход был довольно комфортабельный, но у меня был палубный билет. Мы плыли мимо Японии, острова Хоккайдо, и воспоминания об этом плавании стали темой для стихов.

- Вас долго не издавали...

- Книгу мою задерживали, хотя по советскому издательскому закону для того, чтобы издать книгу, которую издательство приняло к рассмотрению, нужны были две положительные рецензии. У меня их было одиннадцать – Межирова, Шефнера, Антокольского... Моя книга лежала в издательстве 17 лет – это мировой рекорд. Она вышла, когда мне было 49 лет. И когда этот вопрос нужно было, наконец, решить, издательство заказало отрицательную рецензию поэту Цыбину. И он ее написал – что известный сценарист Рейн на старости лет решил стать лирическим поэтом, при том, что он уже занимает видное положение в киносценарном деле и так далее. А это было вранье – я никакого видного положения не занимал, был мелкий сценарист в поисках рубля... Книгу мне тогда вернули. И я задумался – что делать? Ну что было делать? Или надо было эмигрировать, или добиться первой книги...

- Тут, по-моему, и случилась история с «Метрополем». Она сильно вас задела?

- Очень, очень... Я участник этой истории, хотя меня нет на обложке альманаха. Причем на обложку я не попал по своему желанию. Вообще, с «Метрополем» происходит какая-то путаница. Я даже хотел написать его историю под названием «Завтрак с шампанским». Но потом совершенно отказался от этой идеи, потому что кто-то умер, не хочется о них писать... В 1979 году у Аксенова, который был моим близким приятелем, возникла идея издать в Советском Союзе неподцензурный альманах. ВААП, Всесоюзное агентство по авторским правам, которое имело право издавать для Запада какое-то количество советской литературы, заинтересовалось этой идеей – мол, давайте, составьте, а мы, может быть, издадим. Меня Аксенов попросил собрать для альманаха стихи. Главный вопрос был – кого приглашать, Евтушенко или Вознесенского? Вдвоем нельзя было. Они, во-первых, терпеть друг друга не могли, во-вторых, побаивались, что Евтушенко перетянет все одеяло на себя, он большой мастер этого дела. Пригласили Вознесенского. Кстати, он поступил с необыкновенной хитростью. У него как раз выходил нормальный советский сборник, который уже прошел цензуру, то есть получил «лит». Вознесенский изъял оттуда несколько коротких стихотворений и отдал в «Метрополь». И потом, когда начались все неприятности, он и предъявил «лит»... Так вот, Аксенов обратился ко всем знаменитым писателям своего и старшего поколения. Некоторые сразу сказали «нет». Например, отказались Трифонов и Окуджава. А некоторые согласились – Ах-

мадулина, Битов, Искандер, Высоцкий... Я пригласил поэтов Генриха Сапгира, Юрия Кублановского, Семена Липкина, Инну Лиснянскую, Юрия Карабчиевского. Я обратился к поэтессе Ольге Седаковой, она сейчас очень знаменита. Она дала огромную поэму «Могила Батюшкова», которую прочесть – по ее величине и запутанности – было очень трудно. Но я, в силу своих обязательств, прочел, а Аксенов прочесть не смог, вернул, и мне выпала горькая участь вернуть поэму автору. Седакова смертельно обиделась и даже перестала со мной здороваться. Хотя я ее таким образом спас от последовавших крупнейших неприятностей. Еще я хотел опубликовать малоизвестное, но выдающееся произведение Аркадия Штейнберга. Он при жизни не издал ни одной книги, но был замечательный, поверьте мне, поэт. Он был крупнейшим переводчиком – перевел «Потерянный рай» и «Обретенный рай» Мильтона, переводил немецкую, румынскую поэзию, поскольку знал языки. Он написал одну из лучших русских поэм, она называется «К истокам». Я обратился к нему, и он дал эту поэму. И опять же Аксенов, с которым было очень трудно бороться при его невероятном упрямстве, сказал, что поэму надо сократить. А у Штейнберга уже был опыт, он выпускал книгу в издательстве «Советский писатель», она была уже набрана, но главный редактор издательства изъял поэму. Только поэму – книга стихов должна была быть издана. Но Штейнберг устроил в издательстве почти дебош. И книга не вышла – никогда. Я понимал, что невозможно обратиться к Штейнбергу с тем, чтобы он передделал или сократил поэму. И мы от нее отказались. Самая большая подборка в «Метрополе» – моя, 32 стихотворения. Ахмадулина дала рассказ «Много собак и собака». Очень, по-моему, хорошие рассказы Искандера. Пьеса Аксенова «Четыре темперамента». Театральное эссе дал Марк Розовский. Два рассказа дал Арканов, который известен как юморист и шоумен, а в те времена писал неплохие рассказы... Там было 24 автора, и среди них один американец – Апдайк. Почему Аксенов пригласил именно Апдайка, я не знаю. «Метрополь» оформляли два хороших художника – знаменитый театральный художник Давид Боровский и Борис Мессерер... Даже три – Анатолий Брусиловский, он в Кельне сейчас живет, сделал иллюстрации к поэме Сапгира. Наняли машинистку Таню из журнала «Юность», она это все перепечатывала. А Боровский создал макет. Это была огромная папка с листами тонкого картона, на каждый лист наклеивали, по-моему, 8 машинописных страниц. И сделали 12 экземпляров, которые стали историческими. Один сейчас находится в Пушкинском доме, один у Жени Попова. Какой-то, я знаю, увезли за границу. По легкомыслию я себе экземпляр не взял. Сейчас это была бы историческая ценность. ВААП издавать «Метрополь» отказался. Что дальше делать? С одной стороны, экземпляр принесли в Союз писателей, но параллельно передали его на Запад в руки Карла Проффера, который возглавлял издательство «Ардис». СП сразу «Метрополь» засекретил, и даже составил список человек на 30, которым было разрешено его читать. Тем временем по «Голосу Америки» сообщили, что «Метрополь» издан в США. Тут-то и начался бешеный скандал. Был выпущен специальный номер газеты СП «Московский литератор», разоблачающий «Метрополь», где отметились много либеральных людей, которых заставили это сделать, – Александр Борщаговский, Римма Казакова... Борщаговский, который был очень хорошим и милым человеком, говорил потом, что попал в безвыходное положение, поскольку должен был получить квартиру. А ему сказали, что он не получит кварти-

ру, если не выступит. Ну, квартира важнее всего остального, это на сто процентов. Сперва квартира, а потом всякая мораль. И все выступавшие говорили, что дело не в том, что мы антисоветчики, а в том, что мы подобрали очень плохой литературный материал. А потом Кузнецов, который возглавлял московское отделение Союза писателей, написал огромную статью в «Литгазете», где раздал каждой сестре по серьгам. Про Ерофеева написал, что он порнограф, про меня написал, не помню точно, что я – сочинитель полууголовной блатной лирики.

Н.Р. Если бы это было сказано про Высоцкого – понятно, а тут... К тому же он взял в заглавие строчку Рейна «Базарный грош цена тому, как мы живем». Конечно, убийственная строка.

Нет вылета. Зима. Забит аэродром.

Базарный грош цена тому, как мы живем.

Куда мы все летим? Зачем берем билет?

Когда необходим один в окошке свет...

Е.Р. И начальству надо было принимать какие-то решения по каждой группе авторов «Метрополя». Потому что исключить из советской литературы Искандера, Битова, Ахмадулину было невозможно – большие имена, вышло много книг... Аксенова, как убежденного антисоветчика и организатора, надо было примерно наказать. Но он сам решил проблему. Его исключили из СП, и он сразу уехал. Уехал и Алешковский. Какое-то время спустя уехал Кублановский. Остальные оставались, и было непонятно что с ними делать. Прошло меньше года, Вознесенский слетал с экспедицией газеты «Комсомольская правда» на Северный полюс. Слетал минут на пять – его спустили на полюсе, тут же подняли в дирижабль и вернули в литературу. Чуть позже так же поступили с Искандером, поскольку он был ценный национальный кадр, считался абхазским писателем. Вернули и Ахмадулину. А с остальными поступили с разной степенью жесткости. Липкина, который перевел громадные национальные эпосы – казахский «Манас», калмыцкий «Джангар», наказали так. Переводы постоянно переиздавались в республиках, что давало очень большие деньги. И перевод переказали. В частности, «Манас» заказали тому самому Цыбину. И он поступил с замечательной сноровкой. «Манас» написан бейтами – зарифмованными двустихиями. Главное в таком деле – рифма, за нее и платят. Цыбин оставил все рифмы Липкина и чуть-чуть изменил левую часть строки. А это многие тысячи строк. И получил все эти деньги... Меня лишили всякой литературной работы, причем и в кино, и в издательствах, и в журналах. Попова и Ерофеева, которых в это время принимали в Союз писателей, не приняли – они не прошли последнюю инстанцию при приеме. Ну вот и все...

Н.Р. А тебя опубликовали в Грузии.

Е.Р. Надя права. Первый прорыв произошел в журнале «Литературная Грузия». Предисловие к моей подборке написал Межиров. По-моему, тогда Асатиани был главным редактором. Это был 1982 год.

Н.Р. Рейна не включили в содержание – его не было в оглавлении. Но опубликовали. Дальше оглавления-то проверяющие не смотрят. Вот они и прошляпили. И текст прошел.

Е.Р. Правильно... А потом в бесконечной череде моих неудач должна была быть какая-то удача. Ну просто статистически на 50 неудач должна быть одна удача! И она наступила. В Москве было жаркое лето, я зашел пообедать в ЦДЛ, а он примыкает к правлению СП. Я поел своего борща и пошел через правление, которое выходило не на улицу Герцена, а на улицу Воровского. Я шел мимо кабинетов, где сидели секретари СП, и заглянул в один,

где сидел Егор Исаев. Он одновременно был куратором издательства «Советский писатель». Он был единственный советский поэт, который был одновременно лауреатом Ленинской премии и Гером Социалистического Труда. У него была огромная дача в Переделкино, где он устроил ферму по производству цыплят и яиц, доставлял в какие-то рестораны свежие яйца. Но он и стихи писал. Я заглянул к нему. Видимо, ему было абсолютно нечего делать – жаркий день, никого нет... А он невероятный любитель поговорить. Монологами. «Рейн! Заходи!» Я зашел. «Садись!» Я сел. «Я сейчас тебе расскажу...» Я думаю: «Какой ужас! Сейчас начнется...» Но оказалось все гораздо любопытнее. «Слушай, Рейн. Я вернулся неделю назад из Израиля, и тебе задаю очень важный для меня вопрос – кто такие евреи?» Я был озадачен. «Ну как, - говорю, - это такой народ... Народ библии. Вот у вас за спиной стоит Большая советская энциклопедия, посмотрите на букву «е». Тут он стал излагать, что такое еврейский народ, кстати, он не антисемит совершенно. Он говорил, наверное, час. Я уж было решил, что нужно любой ценой уйти. И вдруг он мне говорит: «А чего ты книгу не издаешь?» Я растерялся. Исаев велел секретарше принести из архива второй экземпляр моей книги, который, на мое счастье, сохранился в издательстве – его легко могли утратить, но случайно он обнаружился. Он взял эту папку, полистал, говорит: «А что, ты талантливый поэт. Почему тебя не издадут?» Это все происходило в правлении СП, а за 200 метров по улице Воровского находилось издательство «Советский писатель», где начальником тогда был некто Михаил Кислов. Исаев тут же звонит в издательство: «Миша, а чего ты Рейна не издаешь?.. Зайди сюда». Тот пришел. Исаев говорит: «Надо Рейна издать». Кислов отвечает, что нужно пойти в издательство и заключить договор. И я через тридцать минут имел договор на мою первую книгу «Имена мостов» и аванс. И все.

- И все?!

Н.Р. Через двадцать лет...

Е.Р. Вот вся история.

- Ну и ну... Знаете, мне хотелось бы спросить о вашем отношении к миру. В предисловии к вашему «Избранному» Иосиф Бродский пишет о том, что вы безусловный элегик. А Сергей Гандлевский характерной чертой вашей поэзии называет жизнелюбие. Кто из них точнее?

Е.Р. Я думаю, что прав Бродский. Я элегик, конечно. Элегия – это все-таки нечто ретроспективное и чаще всего в минорном характере. Хотя эссе Гандлевского точное и хорошее, он очень тонкий специалист русской поэзии. Но Бродский, может быть, просто лучше знал мои стихи, мы выросли вместе.

- Хорошо известно, что Бродский неоднократно повторил, что считает вас своим учителем. А вы чему-нибудь у него научились?

- Ну что значит «учитель»? Это неоднозначно. Кто чей был учитель? Бродский внес очень много существенно в технологию дела – ритмику, понижение интонации. Он был противник повышенной экспрессивности, которой вообще отличалась русская поэзия. Особенно вся советская поэзия как наследница, скажем, Маяковского, Гумилева, Тихонова. Бродский считал, что совершенно не нужно рвать на себе рубашку. Но я думаю, что он до некоторой степени сам это заимствовал из англо-американской поэзии, которая на него достаточно повлияла, поскольку он знал язык и читал в подлиннике, особенно поэзию XX века... Я старше его на пять лет. В молодости это существенная разница в возрасте. Я вообще человек раннего развития, и уже к 20 годам очень много прочитал, собирал поэзию, у меня дома была хорошая библиотека, я имел допуск в спецхран публичной библио-

теки, бродил по букинистическим магазинам, по частным библиотекам... Например, долгие годы ездил каждую неделю на книжные барахолки, хотя у меня не было серьезных денег, но, тем не менее, я получал стипендию и уже зарабатывал как журналист-репортер в ленинградских газетах. Я просто много знал. И давал Бродскому читать, объяснял что есть что, рассказывал о том, что уже сам понимаю в стихах. Он замечательно запоминал и потом много раз цитировал меня. А я даже не всегда помнил, что это я ему говорил – об эпитетах, глаголах... Вот в этом и есть мое учительство.

- Я не могу не задать очевидного вопроса – ваши взаимоотношения с Грузией?

- В жизни всей русской литературы, особенно поэзии, не было влияния, подобного грузинскому. Может, были какие-то европейские влияния – французское, немецкое, итальянское, но из локальных влияний самое большое – грузинское. В Грузии здесь были, жили Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Толстой. Здесь долго жил замечательный поэт Яков Полонский, родился Гумилев. А в XX веке здесь бывали все – Пастернак, Мандельштам, и вы это знаете лучше меня. Пастернак написал замечательную поэму «Волны», были прекрасные грузинские стихи у Мандельштама. Кого ни припомни – Тарковский, Заболоцкий, Межиров, Самойлов... А уж о Евтушенко, Ахмадулиной, Вознесенском и говорить не приходится.

- И не объяснить этого, да?

- Почему? Объяснить можно. Грузия – это ментально особая земля с очень гостеприимным расположением, особым укладом жизни... Пастернак говорил о грузинском мессианстве. Значение поэзии для Грузии всегда было очень велико. Великие грузинские поэты – Руставели, Орбелиани, Чавчавадзе, Важа Пшавела, Бараташвили, Галактион, Тициан, Леонидзе, Гаприндашвили, Чиковани и так далее, они же были друзья русских поэтов, которые все здесь бывали. Тихонов вообще часть жизни здесь прожил и написал целую книгу – «Стихи о Кахетии». Кроме того, вы знаете, в России было трудно – эти советские обстоятельства, контроль со стороны наблюдающих органов, обстановка в Союзе писателей, масса стукачей, недоброжелателей... В Грузии было посвободнее. Приятно было приезжать в Грузию, где тебя встречали, с тобой возились. Происходили удивительные случаи. У меня был приятель Лена Темин, он писал стихи, переводил, его нашел Маршак и покровительствовал ему. И вот Темин слушал-слушал рассказы о Грузии, и когда ему было лет 45, он впервые приехал в Тбилиси. Приехал на неделю, но ему так понравилось, что он никогда не возвращался в Россию и остался здесь навсегда. Так и не вернулся в Россию ни на один день.

- Как вы думаете, эти отношения сохранились?

- Думаю, да. В России очень вспоминают Грузию. Я дружил с Беллой Ахмадулиной. У нее даже есть стихи: «Как Шура и Гия, никто никогда не полюбит меня...» Имеются в виду Гия Маргвелашвили и Шура Цыбулевский. Я сам видел, как здесь любят русскую поэзию.

- Вы, по-моему, даже справляли здесь свой день рождения?

- В некотором смысле. Я был в Грузии довольно долго – переводил поэта Силована Нариманидзе. Он был управделами издательства «Мерани». Помню, Силован поселил меня в Тбилиси в гостинице «Иверия», где я и переводил его далекие от совершенства стихи. Он мне покровительствовал, я жил в очень хорошем номере, он водил меня по разным значным местам. Через месяц

по грузинскому этикету полагался банкет. Нариманидзе сказал, что в тбилисских ресторанах невкусно готовят, и предложил угостить меня в своей родной кахетинской деревне. Я описал уже этот случай в «Записках марафонца». По дороге он мне рассказывал, как его односельчане меня любят и уважают. Поэту такое услышать всегда приятно, хотя это было удивительно, меня тогда не печатали.. Приезжаем в кахетинскую деревню, стол уже накрыт, за ним сидят порядка ста человек. Нариманидзе говорит мне: «Я сначала произнесу тост по-русски в твою честь, а потом переведу его на грузинский». Он произносит тост о том, какой я гениальный поэт. Я сижу, с удовольствием слушаю.

С Сергеем Довлатовым

С Иосифом Бродским

Потом встает какой-то старик, весь в черном, что-то говорит и горько плачет. Я удивляюсь: «О чем он так убивается?» - «Переживает, что тебя не печатают». Оказалось, что мой грузинский друг пригласил меня на поминки... Это было в сентябре. А когда в декабре я уезжал, то поехал поездом. И Нариманидзе, узнав, что у меня скоро день рождения, дал мне с собой огромное количество продовольствия, заполнил целое купе – вино, чурчхелы, чача, бастурма... Этого было очень много. И Надя, которая просто гений во всяких деловых обстоятельствах, встречая меня, подошла к поезду «рафик», потому что все это не влезало в такси. И несколько дней, к ужасу моей бедной мамы, у меня были гости – больше ста человек. Так я встретил свои 49 лет... Я был на потрясающем юбилее Карло Каладзе в Гульрипши. Меня потряс размах. Я жил в какой-то пристройке на даче у Каладзе и с ужасом наблюдал, как сгоняют народы и стада на юбилей. Предполагалось огромное количество гостей – до тысячи. Привлекли двести крестьян, которые готовили стол. Накрыли на берегу моря. Говорились невероятные слова. И пили за каждого гостя! Симонов был тамада. Я тогда еще был никто, но на пятой сотне очередь дошла и до меня. Мне вручили огромный рог, я выпил его и пошел в море, потому что сразу опьянел... Играла чудесная музыка, море шумело, луна стояла над Гульрипши... Незабываемые воспоминания...

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

ЕВГЕНИЙ РЕЙН. СТИХОТВОРЕНИЯ

ТБИЛИСИ В ЯНВАРЕ

Снова город восточный,
Соименник тепла.
Зимний, теплый, истошный -
Но уже без тебя.
Помнишь, в том раскаленном
Номерочке двойном
Пахло одеколоном,
Мясом, луком, вином?
Помнишь, как загорела,
Что едва не слепа?
Вот опять «Сакартвело»,
Но уже без тебя.
До Тбилиси пургою
Заметался мой след.
На Кавказе такое
Не случилось сто лет.
Холод в номере тесном,
Холод в небе пустом,
Холод в сердце мятежном
Под холодным бельем.
«Никогда не приеду,
Не приеду сюда», -
Говорю по секрету
В зимний сумрак с утра.
«Отпусти и покайся,
Разлетись, отойди,
Этой ночью погасни,
На снега упади.
Позабуду и спрячу
Все, чем связан с тобой!»
Я в Тбилиси, я плачу,
Под холодной звездой.

УТРЕННИЙ КОФЕ НА БАТУМСКОМ МОРСКОМ ВОКЗАЛЕ

Великий кофе на морской веранде.
Батум, как кекс, нарезан на куски.
А сливки по утрам невероятно,
Невероятно, сказочно густы.

Зеленый воздух булькает в рубаше,
Прохлада загребает не спеша -
Не стоит поворачивать обратно,
Бесповоротно надо жить, душа.

Тебя кофейник прошлый не накормит,
Не сдвинет поезд, отданный на слом,
Не бойся их, припоминай спокойно
На дне веранды за пустым столом.

Минувшее, как ангел из-за тучи,
Нам знаки непонятные дарит,
Жалеет нас, а может, правде учит,
А может, просто что-то говорит.

Но недоступно это, непонятно;
И, спотыкаясь, сетуя, спеша,
Не стоит поворачивать обратно -
Бесповоротно надо жить, душа.

БРАТЬЯМ ЧИЛАДЗЕ

Кутеж над озером. Вечерняя прохлада.
Два гитариста пробуют струну.
Несут цыплят и жирная бумага
Под шашлыком скоробилась в длину.
Вода и горы - вас совсем не видно,
Но ясно: где-то вы недалеко.
И чудно так от сердца отлегло,
И стало так свободно и невинно!
Да что там говорить - я просто пьян,
Меня волна отравленная тянет.
Но это ничего - я, гидроплан,
Взлечу, когда дыханья не достанет.
Перемешаю мясо и чеснок,
Вино и соус, зелень и стаканы.
О, Господи, как их не валят с ног
Литровые пустые истуканы?
Иссохший сад дремучего стекла,
Ты разорен, но я в тебе блуждаю,
Я заплутал и около стола
Хозяев, как умею, ублажаю.
«Хотите-ка, ребята, я спляшу,
Хотите выпью? Ну, какая малость?
Куда спешить? Машина поломалась!
Я рад! Я раньше будто вас встречал,
Вы оказали важную услугу
В начале. Да, начале всех начал,
Соединив свиданье и разлуку».
На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Во тьме кромешной, за столом корявым
Я слышу крик полночного орла,
Обиженного встарь орлом двуглавым.

Евгений Абдуллаев

СОРОК ГРАДУСОВ В ТЕНИ

ЕВГЕНИЙ АБДУЛЛАЕВ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПСЕВДОНИМ — СУХБАТ АФЛАТУНИ) - ПОЭТ, ПРОЗАИК, ПЕРЕВОДЧИК, КРИТИК, ЭССЕИСТ. ОКОНЧИЛ ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТАШКЕНТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК. АВТОР БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ НАУЧНЫХ РАБОТ. ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ ОБЪЕДИНЕНИЯ «ТАШКЕНТСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ШКОЛА», АЛЬМАНАХА «МАЛЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» И ТАШКЕНТСКОГО ОТКРЫТОГО ФЕСТИВАЛЯ ПОЭЗИИ. ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОКТЯБРЬ» (2004), РУССКОЙ ПРЕМИИ (2005) И ПРЕМИИ «ТРИУМФ» (2006). СТИХИ, ПРОЗА, ПЕРЕВОДЫ, ЭССЕ И КРИТИКА ПУБЛИКОВАЛИСЬ В ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА ВОСТОКА», «ВОСТОК СВЫШЕ» (УЗБЕКИСТАН), «НОВЫЙ МИР», «АРИОН», «ЗВЕЗДА», «ЗНАМЯ», «ОКТЯБРЬ», «ДРУЖБА НАРОДОВ», «НОВАЯ ЮНОСТЬ» (РОССИЯ), «ИНТЕРПОЭЗИЯ» (США), «КНИГОЛЮБ» (КАЗАХСТАН), АНТОЛОГИИ «АНОР/ГРАНАТ».

АВТОР СБОРНИКОВ:
«ПСАЛМЫ И НАБРОСКИ», «ПЕЙЗАЖ
С ОТРЕЗАННЫМ УХОМ»,
РОМАНОВ «ТАШКЕНТСКИЙ РОМАН», «НОЧЬ
КОРОТКА».

- *Расскажите, пожалуйста, о себе*

- Я вырос в семье музыкантов. Мама – пианистка. Папа – композитор. Закончив консерваторию, родители уехали по распределению в Наманган, в Ферганскую долину. Работали восемь лет в музыкальном училище, потом вернулись в Ташкент. У меня есть младший брат, жена, двое детей – стандартный набор. Собирался стать художником, но у меня сильно ухудшилось зрение. Узнал, что на философском не нужно сдавать математику, а я с ней никогда не дружил. Поступил на философский и нисколько не жалею.

- *Профессия философа сегодня выглядит несколько архаично, вам не кажется?*

- Я философ потому, что закончил философский факультет Ташкентского университета. Периодически этим занимаюсь, пишу статьи. Я философ и я поэт – это два разных человека. Так же как я муж и я отец. Это третий человек. Это можно назвать раздвоением. А можно – сожительство трех человек в одном организме. Поэтому то, что я пишу не хотелось бы называть философской лирикой или литературной философией. Мне кажется, это разные вещи. Конечно, когда я пишу стихи, не перестаю быть философом. Мне кажется, что это абсолютно разные каналы. Из одного крана может течь холодная вода, а из другого – горячая. Но может течь и теплая, если соединить их как-то. То же самое касается поэзии и философии.

- *Из философии берет начало и ваш творческий псевдоним – Сухбат Афлатуни – диалоги с Платоном.*

- Я периодически читаю двух философов – Платона и Канта. Других тоже читаю, но могу сказать, что Платон – мой любимый философ. Как кто-то сказал, история европейской философии – это комментарий к Платону. Для меня он – большая величина. Ну, а почему Афлатуни? Я просто искал псевдоним и Платон тут, на самом деле, ни при чем. Когда в 1999-м вышел наш первый сборник, я уже занимался наукой, и не хотел, что называется, смешивать научное и поэтическое. Честно сказать, сегодня я бы не стал этого делать. Мы живем в веке, когда простой клик в интернете расставляет все по местам. А 1999 год – еще доинтернетная эпоха, старые добрые времена. Можно было изображать из себя Сухбата Афлатуни. Сначала был просто Афлатуни. Но потом ребята сказали – так нехорошо. Санджар Янышев, Вадим Муратханов, Афлатуни ... Я ответил – ребята, если вам так нужно, сами и придумывайте. Санджар сказал – пусть будет Сухбат. Получился коллективный псевдоним. У меня даже есть такое стихотворение:

зачем тебе, Афлатуни
феодалный труд
любви? Где страхом зной пропах, вдохни –
и дети не растут

где жгучим перцем кормят где
не дадут запить –
как привычно здесь тебе
лю-бить

не наступит вечер-врач
не шепнет: остынь
ты завариваешь в чай
полынь

ты влюблен Афлатуни
сорок градусов в тени

- *Хотя кандидатскую вы защитили вовсе не по Платону, а по зороастризму. Что вызвало такой выбор?*

- Там были доисламские религиозные учения – зо-

роастризм, среднеазиатский буддизм и среднеазиатское манихейство. Я сейчас от этого немного отошел. Для меня это была прекрасная школа – выучил несколько языков – английский, немецкий, французский, древнегреческий, санскрит. Я изучал религии, от которых осталось очень-очень мало. Соответственно, если ты работаешь с какими-то гипотезами, а это огромное пространство, ты должен их очень четко обосновать. Из-за того, что я работал в пограничной области между историей, филологией, даже археологией, мне этот опыт очень пригодился. Ведь современная философия или литературоведение страдают архивным отношением к тексту, или суперфилологическим отношением.

- *А противоположность Платону, это кто, по вашему?*

- Для меня в философии противоположность Платону – это то, что пытается казаться философией. Псевдофилософия. Кстати, таких решающих фигур в поэзии для меня нет. Автор, у которого я учусь по сей день, хоть это может казаться банальным, – Александр Сергеевич Пушкин. Я учусь, читая его критику, его наброски. Мне кажется, Пушкин – обожествляемая величина, которую либо обожают, либо ниспровергают. У Пушкина я учусь тому, как быть в литературе, как реагировать на критику, как писать прозу, как самому писать критику. У каждого свой Пушкин. Я не знаю, много ли современных поэтов так его читают – его критические статьи, черновики, малоизвестные стихи, варианты стихов. Это же очень интересно – смотреть, как он перебирал варианты.

- *Вы один из основателей Ташкентской поэтической школы. Чем она интересна?*

- Ташкентская поэтическая школа уже ничем не интересна, потому что она свою миссию первоначальную выполнила. Я могу сказать, чем она была интересна. Она спонтанно возникла в 1991 году. Санджар Янышев к тому времени уже пять лет жил в Москве, Вадим Муратханов только туда переехал. Они чувствовали свое отличие от московской поэзии, и решили придумать что-то свое. А я в это время сидел в Ташкенте, и не подозревал, какие концептуальные облака сгущаются надо мной. Санджар и Вадим обратились ко мне с простым русским вопросом – третьим будешь? Я сказал, что не против. И мы стали «соображать на троих». Потом подвели под школу теоретический фундамент – каким же образом мы отличаемся от всех остальных. Лет пять спустя мы почувствовали, что пора. Как всякая школа, которая рано или поздно заканчивается, Ташкентская школа поэзии себя исчерпала. Мы решили, что отзываемся на определение Ташкентская школа, но в принципе считаем, что ресурсы исчерпаны.

- *А что потом?*

- Каждый из нас пошел по своему пути. Хотя, вначале еще писали в близкой друг другу манере. С тех пор каждый проделал свой путь развития. Это как с акмеизмом. Ранние стихи Мандельштама, Гумилева, Ахматовой в чем-то похожи. То же самое с Ташкентской школой. За двенадцать лет, что прошло с тех пор, многое изменилось. Если говорить обо мне, мое развитие происходило от классической формы, с которой я дружил в 90-е годы, до постакмеистической формы через прозаизацию стиха, попытку синтеза поэзии.

- *Вас называют узбекским поэтом, пишущим на русском языке. Вы согласны с этим?*

- Да. Мне очень близка традиция, когда узбекские поэты, которые писали на древнеузбекском или персидском, обязательно брали себе псевдоним халуз. Они переставали быть собой и писали от имени вымышленного человека. Не знаю, было ли такое в Грузии. То,

что я пишу - некое другое я, которое я не открываю, а если открою - получится эффект сороконожки. Поэтому я свои критические статьи подписываю Евгений Абдуллаев – настоящим именем. Хотя еще раз говорю, сейчас я может и не стал бы брать псевдоним. Уж слишком ты прозрачен и виден со всех сторон.

Ну, на узбекский манер у меня есть такое стихотворение, «Из Машраба»:

я отрекся от тела – гнезда сиротливого духа
и к чему мне душа? нет со мною души моей, друга
что мне хадж – без вина, собутельников шумного
круга?

что мне дом Иброхима – трех вер троекратная скупка?

старый рай мне к чему или свежепобеленный ад?
если мы не увидимся больше – что мне племена и законы?

я ступил на подножие светлого трона
мир – собранье песчинок что в солнечном свете
кружат

- Каков, в таком случае, поэт Сухбат Афлатуни?

- Дело в том, что это все было бы так, если бы я был согласен с мыслью, что цель поэзии в самовыражении. Я так не считаю. Для меня моя собственная фигура как автора представляется в образе глубоководной рыбы. Я стремлюсь, чтобы текст был как можно гуще, а автор – прозрачней. Сухбат Афлатуни – это не тот человек, который перед вами сидит, это то, что я пишу. Делез в одном интервью сетовал, что нет названий профессий, которые были бы выражены в совершающемся времени – становящийся философом.

- Какова степень влияния на вашу поэзию извне?

- Что-то очень неожиданное на поэта влияет очень сильно. Какая-нибудь трещина на стене. А то, что, казалось бы, должно сильно влиять – оказывает очень малое воздействие. Я не знаю, что на меня больше всего влияет. Поэзия – это как религиозное откровение. Почему одни люди его испытывают, а другие - нет? Они едят ту же еду, ходят на одну и ту же работу. Загадка поэзии в том, что никогда не отгадаешь, откуда она берется.

- А вы давно пишете стихи?

- С детства. Но никогда не думал, что буду этим заниматься всерьез. В 18 лет понял, что у меня получается. Я не ощущаю себя самодостаточным поэтом, потому что самодостаточный поэт - это какая-то мумия. Поэт – это сочетание абсолютной открытости миру, когда ты не можешь ни от чего отгородиться, и в то же время такой же абсолютной закрытости по принципу «ты царь – живи один». Для поэзии нужна тишина. Проваливание в молчание, в одиночество.

- И что рождает такое одиночество?

- Поэзия - это рулетка. Никогда не знаешь, напишешь или нет. У Бориса Херсонского поэты делятся на запойных алкоголез. Вот я один из них. Могу не писать полгода, а потом за три дня написать 10-15 стихов. Вот одно из моих любимых:

смерть это тот с кем ты живешь
жизнь это он же – но минутой раньше
.....
Оставь шитье и подойди ко мне

ребенок держит свет в своей руке
и входит в дверь и поднимает нож
кладет на стол кладет на стол и дальше

Не сумерки но сумки (хлопнет дверь)

ты вся в шитье и ты сама – шитье
материя болгарский крест рутина
под языком ты нежно держишь сына
и дочь за округлившейся щекой

он поднимает свет одной рукой
но сумерки но дверь но половина

- Вы сказали, что у каждого поэта – свой диагноз. А у вас какой?

- Ну, если бы каждый поэт мог назвать свой диагноз, то литературная критика была бы не нужна. Свою задачу как критика я вижу именно в диагностике. Часто она воспринимается с обидой. Но ведь врач, говоря о симптомах болезни, не стремится обидеть пациента. Так же и литературный критик. А если он стремится навредить, переходит на личности, пишет с целью использовать недозволенные приемы – это нарушение неписаных законов. Но это не говорит о профессионализме. Киллеры тоже должны быть профессиональными. Правда, профессия киллера и профессия литературного критика – это разные вещи.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

Батумские встречи

ПАМЯТЬ ОСТАЕТСЯ В КНИГЕ

СКАЗАТЬ ПО СОВЕСТИ, НЕ ЗАВИДУЮ ТЕМ, КТО БЕРЕТ
ИНТЕРВЬЮ У КАРИНЭ ХАЛАТОВОЙ.

КАРИНЭ – НЕПРОСТОЙ СОБЕСЕДНИК И ТРУДНЫЙ ЧЕЛОВЕК. ЕЕ НАСТРОЕНИЕ НЕПРЕДСКАЗУЕМО, ОНА – СЛОВНО ФЛЮГЕР, ОБДУВАЕМЫЙ КАКИМИ-ТО НЕВЕДОМЫМИ НАМ ВЕТРАМИ, СЛОВНО СЕЙСМОГРАФ, ФИКСИРУЮЩИЙ ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ И ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ВОЛНЫ НА ИНЫХ ПЛАНЕТАХ. ЧТО НАМ ДО ИНЫХ ПЛАНЕТ? А КАРИНЭ ЕСТЬ ДО НИХ ДЕЛО. СОВПАСТЬ С НЕЙ В РАСПОЛОЖЕНИИ ДУХА – УДАЧА. ОНА КАК БУДТО НЕСЕТ В СЕБЕ ВЕЧНУЮ, НЕОДОЛИМУЮ БОЛЬ, И КОГДА СЛУЧИТСЯ ОЧЕРЕДНОЙ ПРИСТУП БОЛИ – НЕИЗВЕСТНО. ТРУДНО С КАРИНЭ. ОНА АБСОЛЮТНО ИНТЕЛЛИГЕНТНА, НО МОЖЕТ БЫТЬ ОБЕЗОРУЖИВАЮЩЕ НЕВЕЖЛИВА, ПОТОМУ ЧТО НЕ ПРИЗНАЕТ ЛОЖНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ И ЛЮБОЙ ПОКАЗНОЙ УЛЫБКЕ ПРЕДПОЧТЕТ РАЗДРАЖЕНИЕ ИЛИ НЕДОВОЛЬСТВО, НО – ИСКРЕННЕЕ. ПОЭТОМУ ЗАВИДУЮ ЕЕ ДРУЗЬЯМ. ЛЕГКО ПРЕДСТАВИТЬ, КАКАЯ ЕСТЕСТВЕННАЯ И НАДЕЖНАЯ ОНА В ДРУЖБЕ. ДОСТАТОЧНО УВИДЕТЬ, КАК ПРЕКРАСНО, ЗАРАЗТЕЛЬНО, ПО-НАСТОЯЩЕМУ ОНА УЛЫБАЕТСЯ...

ПОГОВОРЯ С НЕЙ, УБЕЖДАЕШЬСЯ, ЧТО КАРИНЭ ХАЛАТОВА – НЕ ТОЛЬКО ПОЭТ, ПЕРЕВОДЧИК, ЖУРНАЛИСТ, ФИЛОЛОГ... ОНА СПРАВЕДЛИВО НАЗЫВАЕТ РОССИЮ СВОЕЙ ВТОРОЙ РОДИНОЙ, НО, ПОНИМАЕТЕ, ОНА – НАСТОЯЩАЯ АРМЯНКА. И ЗА ЕЕ ПЛЕЧАМИ – НЕ ТОЛЬКО ОПЫТ ЛИЧНО ПРОЖИТОГО, НО И ИСТОРИЯ ПЕРЕЖИТОГО ЕЕ ЛЮБИМОЙ НА ВЕКИ ВЕЧНЫЕ АРМЕНИЕЙ. А ЗНАЧИТ ПОЧУВСТВОВАТЬ И ПОНЯТЬ КАРИНЭ, НЕ ПОЧУВСТВОВАВ И НЕ ПОНЯВ БОЛЬ И СЧАСТЬЕ АРМЕНИИ, - ПРОСТО НЕВОЗМОЖНО.

- Вы долго жили в Москве, а затем вновь вернулись в Ереван. Каковы были причины отъезда, каковы причины возвращения?

- Такое наблюдается во всем мире – рухнул «железный занавес», и люди начали разъезжать по миру. В этом нет ничего плохого. Бегут от чего-то плохого к чему-то хорошему... В Армении в тот период – это был 1993 год - не было света, газа, темно, холодно, заработка нет... Мне повезло - было куда ехать. И я поехала к брату в Москву, побыть там до следующей весны, немного согреться. И случилось так, что я нашла работу, стала востребована, зарабатывала профессиональным трудом - издательским, журналистским. И осталась. Москва, Россия – это моя вторая родина. Я кровно связана с ней. Я не на чужбинуехала. Уехать, скажем, в Америку или Англию я бы никогда не смогла... Но в один прекрасный день меня, конечно, потянуло обратно. И я вернулась. Издала книжку «Тоска» Рачия Кочара. Тоска о родине... Эта книга о том, как после трагических событий 1915 года, той страшной резни, семья оказывается в восточной Армении, но тоска тянет на родину, к другой половинке, и человек вдруг срывается в западную Армению, туда, откуда он родом...

- Это первый перевод «Тоски» на русский язык?

- Издание цельной книгой на русском – впервые. 100-летие со дня рождения Кочара было отмечено этой книгой с моим предисловием, которая издана по государственному заказу. Я включила в нее отрывки из замечательной публицистики Кочара, посвященной проблеме 1915 года. У него была мысль о диалектике отношения к этому вопросу. Это был человек, который знал, что такое

Каринэ Халатова

1915 год, все это выстрадал, вынес на себе... Во время Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт, все пять лет служил военкором и защищал родину, потому что знал, что родину надо защищать, знал, что такое потеря... Шло время, он видел, что проблема потерянной родины остается, а для людей с таким мышлением, миропониманием это было вдвойне тяжело и важно. 24 апреля 1965 года, в день 50-летия геноцида, в Ереване жестко подавили массовые выступления людей, которые выдвинули требование вернуть земли. Кочар был одним из первых идеологов, пропагандистов этого движения. Он скончался у себя на даче в Лусакерте в начале мая 1965 года, потому что до него дошла весть, что выступление провалилось, всех арестовали. Ему было 55 лет, но сердце было большое и не выдержало.

- Какое значение имеет для того, что объединяет и характеризует нацию, трагический пример такой беды, как геноцид?

- В 1915 году был не первый геноцид армян. Массовые убийства армян происходили и в XIX веке. Понимаете, люди разъезжаются не потому, что им холодно, как было холодно мне, а потому, что их выводят в пустыню, гонят и по дороге убивают... Разъехались все потомки. Потеряли земли. А что такое потеря земель, вы сами знаете. Нет места, где жить. Вернуться? А где жить? На одной ноге стоять? Каждый год 24 апреля мы отмечаем этот день... Трагедия ударила и по мышлению, и по психике. В тебе постоянно сидит боль потери, она передается, мне кажется, генетически. Тяжело видеть эту несправедливость.

Земли надо вернуть. И, во всяком случае, надо признать факт геноцида. В Турции сейчас живут новые поколения, это, слава богу, люди с другим пониманием. Зачем им кровавое пятно в истории, оставленное их властями? Тяжело...

- У вас даже голос упал... Расскажите, пожалуйста, о второй книге, которую вы недавно перевели, – «Возвращение» Вальтера Арамяна.

- «Возвращение» - это книга человека, который подвергся сталинским репрессиям, его молодым отправили в ссылку, и он там провел около 20 лет. Первую половину срока – на Колыме, где уцелел чудом, вторую – на поселении в Сибири. В общем, вся его молодость прошла в ссылке. До отъезда в Москву я переводила небольшие рассказы Арамяна о старом Ереване и его сибирские рассказы – «северные зарисовки». Он не писал их в стол, это не колымские рассказы. Он всем рассказывал о Колыме, но писать об этом, как он мне говорил, ему было тяжело. Под конец жизни, когда началась перестройка, он набросал какие-то заметки. И я впервые увидела не рукопись, а то, что надо было сделать рукописью... Северные рассказы – это то, что пишет о Сибири, о Севере армянин, который там жил, вышел на поселение. А рассказы о Ереване 20-30-х годов – это рассказы о том, что он оставил в молодости, перед ссылкой. Сибирь тоже стала его родиной. И с той родины он снова вернулся на эту. Но реальной жизнью он не жить не смог, все время был в воспоминаниях... Издание «Возвращения» приурочено к 100-летию со дня рождения Вальтера Арамяна. Оно вышло с небольшим опозданием, но, когда я пришла с предложением выпустить эту книгу, председатель Союза писателей Армении Левон Ананян сказал (как же это точнее перевести с армянского?), что «мы должны отдать долг души нашей» и издать эту книжку обязательно... Обе книги – и «Возвращение», и «Тоска» - были презентованы в Союзе писателей, имели большую прессу. «Тоску», я считаю, надо перевести на все языки, потому что это проблема всех народов, которые теряют родину... А сейчас теряют родину, сами видите, очень многие, проблемы миграции, эмиграции по-прежнему актуальны во всем мире. Люди отчаиваются, покидают родные земли, уезжают, и, мне кажется, заболевают какой-то странной болезнью... Мне очень сложно об этом говорить... Расставание с родиной – это всегда очень болезненный процесс. Даже если человек где-то живет хорошо, он всегда в сердце несет память о родине. Вот, например, на фестивале выступал Бахыт Кенжеев, и он, по-моему, сам не услышал, с каким чувством произнес слово «на чужбине»...

- Вы переводили произведения, полные такой боли... Какие стихи вы писали в этот период?

- Вы сами прекрасно понимаете, что эти вещи не взаимосвязаны. Поэтическое мышление – это «я вижу то, что вижу я»... Кстати, я в это время не просто перевела Арамяна и Кочара, но и обнаружила и собрала всю армянскую лагерную литературу, которая не была исследована. До сих пор не все издано даже на армянском языке. У меня готова книга «Дело №...», где собраны мои статьи и очерки, написанные о репрессированных армянских писателях, отрывки из их произведений и произведений тех современных авторов, которые затрагивали эту тему. Я исследовала почти все дела в архивах Армении... Еще до своего отъезда в Москву мне предоставилась возможность вести рубрику «Дело №», и я публиковала эти материалы в очень популярной тогда газете «Республика Армения». Я встречалась с очевидцами, которые видели, беседовали в заключение с некоторыми из наших репрессированных писателей Забел Есаян, Еги-

ше Чаренцом... Эти воспоминания были опубликованы. Но все равно до сих пор у нас об этом в полный голос не сказано...

- Когда вы работали с этими материалами, какое начало в вас было сильнее – журналистское или филологическое?

- Во мне говорили и журналист, и филолог. Обязательно. А сейчас я работаю с произведениями великого, мирового масштаба сатирика Лера Камсара. Камсар тоже был репрессирован, и когда его выпустили, ему не разрешили жить в Ереване, и он провел долгие годы на поселении. Его не признавали, ему не разрешали печататься. Он был очень независим, писал все, что думал. Я не могу назвать его антисоветчиком. Но у него был совершенно другой взгляд и на коммунизм, и на социализм. Он нашел свою лексику, свое видение. Конечно, такого человека признавать и разрешать было невозможно. Помог ему Рачия Кочар. Его назначили главным редактором сатирического журнала «Возни» («Еж»). Он заявил, что даст согласие, если у него будет публиковаться Камсар. Ему ответили «да» при условии, что Камсар возьмет псевдоним. И таким образом Кочар дал ему возможность зарабатывать гонорарами. Две разные судьбы... До сих пор под кроватью у внучки Камсара лежит деревянный чемодан тех времен, полный пожелтевших рукописей. Они до сих пор не изданы.

- Богатство под кроватью – чемодан с рукописями...

- Так они к этому привыкли - в свое время в семью приходили с обысками, и они всю жизнь прятали рукописи.... Я перевела рассказ Камсара «Письмо Николая Второго Ульянову-Ленину». Дата написания - 1918 год. Только задумайтесь над названием и временем написания... Впервые я опубликовала этот рассказ на русском языке в хорошем литературном журнале, который выхо-

С Маквалой Гонашвили

дит в Нагорном Карабахе. И когда к нам из Италии приехала известный переводчик Елена Костюкевич и прочитала этот маленький рассказ, она была удивлена и заинтересована, ведь и по одному рассказу можно судить и о таланте, и о смелости. Она начала расспрашивать, кто этот сатирик? Мне лишь оставалось ответить как есть: «Не переведен».

- Вы все-таки ушли от вопроса о стихах...

- Я стихи писала и пишу только потому, что всю жизнь считала – если я перевожу, то должна иметь и свое слово, должна и сама писать. Чистый переводчик, не

имеющий своего творчества, вызывает у меня какое-то подозрение. Пиши все что хочешь, только пиши. У меня так сложилось, что сейчас люди считают, что я больше поэт, чем переводчик... Я сама не делаю такого вывода. А дело было так. Когда я жила в Москве, там издавали справочник членов Союза писателей Москвы, куда я попала автоматически, сдав свое советское удостоверение. Спустя какое-то время в этом справочнике я прочла информацию о себе: «Халатова Каринэ Юрьевна, поэт». Когда я сдавала документы, то написала «переводчик». Видимо, перепутали...

- Судьбоносно перепутали.

- Мне было так неудобно... Но стихи накопились, это был 2009 год. Моя мама была при смерти, я торопилась, очень хотела, чтобы она увидела книгу изданной... Вот так. Издала, посвятила маме...

- Есть точка зрения, что стихи уже где-то есть, поэту надо только их уловить и записать. Как вам кажется, вы диктуете стихам, какими они должны быть, или они вам диктуют себя?

- Понятно, что творческий процесс – это таинство. У нас очень сильно работает подкорка, о которой мы ничего не знаем. Ходишь, дышишь, что-то делаешь... Ничего не пишешь? Неправда! Всегда пишется. Где-то внутри, в подкорке. Потом приходит момент, ты садишься и записываешь. Вот посмотрите - я знала, что приеду сюда, на фестиваль, что здесь мы будем читать стихи, старые читать не хотелось, я села и написала три новые стихотворения.

- То есть где-то они уже были?

В дни фестиваля

- Да. Пишется каждый день – в голове, в подсознании. События, наблюдения, мысли – все откладывается, а потом формируется в стихи. Стихотворение иногда может родиться из одного слова, одного случайного образа, и ты даже не знаешь, что потом он войдет именно в такое стихотворение. Это неисповедимо.

- Бродский говорил, что поэт, начиная писать стихотворение, зачастую не знает, чем оно закончится... У вас бывает так?

- Свои стихотворения я всегда стараюсь привести к очень неожиданному кон-

цу, чтобы удивить читателя. Читатель должен удивиться.

- Удивиться сюжету или образу?

- У меня и сюжеты есть, и образы. В стихах я рассказываю. Есть очень дорогой для меня отзыв – молодой человек 16-ти лет, прочитав книжку моих стихов, молча закрыл ее, положил на полку, где у него лежат любимые книги, и сказал маме: «По этим стихам я когда-нибудь поставлю спектакль или сниму фильм». Сейчас этот человек учится на режиссера...

- Он увидел драматургию в ваших стихах...

- А она есть. Вообще, переводчик – очень своеобразная фигура, он и режиссер, и драматург, и артист, который играет много разных ролей, ведь разных авторов я должна по-разному перевести. Видимо, у меня это и в стихи перешло.

- Каким все-таки должен быть перевод?

- Это очень спорный момент. Прежде всего надо уметь писать. Ведь когда ты начинаешь переводить, ты пишешь. Буквализм, слепое следование недопустимо. Мой принцип таков – то, что написано для армянского читателя, я пишу для русского. Русский читатель воспитан в определенном восприятии. И начинается таинство искусства на грани балансирования – подать армянское мышление для русского мышления. Когда ты это хотя бы осознаешь, это уже большое дело. Многие авторы, видя мой перевод, говорили мне – это лучше написано, чем у меня. И это нормальные авторы, которые поняли, что русский перевод делается для русского читателя.

- Расскажите о форуме переводчиков и издателей стран СНГ и Балтии. Это такое большое дело.

- Как большое? Это великое дело.

- Принимаю поправку.

- Когда я вернулась из Москвы, то связи, налаженные за это время в России, продолжились. Не я так хотела – так сложилось. Проектом занималось Министерство культуры Армении. Армения была выбрана потому, что, вы сами знаете, это переводческая страна, в начале октября у нас даже отмечается праздник переводчиков при поддержке первопрестольного Эчмиадзина – в этот день ежегодно награждаются лучшие переводчики. И как раз приезжают люди из других стран. Как потом говорили, со мной проекту повезло, в общем-то, я самый подходящий для этого человек. Три года подряд я готовила и вела форумы – второй, третий и четвертый. Конечно, не я одна, работала замечательная команда. Начиная с третьего форума, пошла популярность – все рвалось, все хотели приехать. К сожалению, форум не безразмерен, но все равно приезжало очень много издателей, писателей, переводчиков...

- Каковы реальные результаты этих форумов?

- Начиная с первого форума, все шло по восходящей. Были очень хорошие темы – «Перевод: язык и культура», «Практика перевода и рынок: механизмы взаимодействия национальных литератур», «Финансирование и продвижение переводной литературы»... Это были не просто встречи, «круглые столы». Я хотела, чтобы из этого что-то вышло. Мы сделали каталог писателей-переводчиков стран СНГ и Балтии, подготовили 158 статей о переводчиках из 13 стран. Мы создали профессиональный сайт форума, я стала его редактором, и мы решили сделать электронную версию каталога и поместить на сайт. Вокруг объединялись люди. А это и есть результат – создан большой капитал личных связей. Люди узнают друг друга, пишут, переводят друг друга, переписываются. Наша уважаемая Маквала Гонашвили перевела «Манас» только благодаря тому, что, по-моему, на третьем форуме выступила одна из сказительниц «Манаса», и грузины тут же наладили с ней личные контакты. Форумы стали при-

мером, который вдохновляет людей, и в Кыргызстане, Узбекистане появились ассоциации переводчиков. Пока не удалось создать действующий фонд финансирования переводов. То есть сделать так, чтобы издатель выкладывает деньги на издание, а мы могли бы оплатить перевод. Но сразу все не бывает. Надеюсь, постепенно получится...

- Форум переводчиков, как я понимаю, дает не только материальные результаты. Говоря о наших фестивалях, Патриарх Грузии назвал их «невзорванными мостами». И это, наверное, не менее важно...

- А мы строим новые мосты, имея большой опыт прежних мостов, потому что приходят люди новых поколений. К тому же старые мосты, я уверена, не взорваны и не рухнули – они, может быть, заросли, на них не обращают внимания. Люди переориентировались, а потом вдруг увидели – а старый мост-то стоит, давай очистим его, и восстановим то, что было – грузино-армянские отношения, отношения с Прибалтикой, Украиной... И оказывается – капитал был, мы им просто не пользовались. Это и называется возвращение. Надо возвращаться ко всему хорошему. И на родину тоже...

- Вы могли бы назвать своих учителей?

- Конечно! В переводческой и журналистской деятельности у каждого должен быть человек, на которого ты можешь указать и сказать – это мой учитель. Даже если этот человек когда-то сказал тебе лишь одну фразу, но именно она оказалась сопутствующей по всей жизни. Мне преподавали Левон Мкртчян, знаменитый писатель, критик, теоретик перевода, и Нинель Хачатурян, его супруга. Они вели переводческие семинары, когда я училась в Ереванском университете, и со второго курса я профессионально занималась теорией перевода. Нинель Арташесовна преподает до сих пор. А в журналистику меня вводил известный журналист Иосиф Вердян, он первым читал мои тексты, давал направление, и этого было достаточно, чтобы дальше что-то делать самой. Я человек очень самостоятельный, но когда мне говорят что-то толковое, я всегда прислушаюсь... Теперь уже меня приглашают преподавать, но я не преподаватель по натуре. Для этого только багажа знаний недостаточно. Твердить каждый раз одно и то же я не в состоянии, могу сорваться. Мне надо, чтобы меня понимали сразу, чтобы не приходилось повторять.

- Но вы сказали, что иной раз достаточно одной фразы... Может быть, у вас уже кто-то учится...

- Пусть учится. Вы знаете, в начале 90-х, когда у меня был подъем в журналистике, который продолжился в Москве, мне стали подражать.

- Это льстило или раздражало?

- Я ничего не испытывала.

- Меня бы раздражало, скажу честно.

- Один наш автор, увидев мой редакторский текст, сказал мне: «Каринэ, вы очень щедро раздаете свое другим, щедро редактируете. Как вы так можете?» А у меня иначе не выходит. Так получается поневоле – надо же работать красиво, качественно. Не надо быть скупым. Всегда все, сделанное тобой, обязательно сторицей воздается, рано или поздно откликнется, аукнется...

- Все, что спрятал, то пропало?

- Да, да. Такой была моя мама. Она отдавала щедро...

- К какой работе вы приступите, вернувшись домой?

- Есть переводческие замыслы – буду пробовать себя как переводчик поэзии. Закончила перевод хорошего армянского драматурга Каринэ Ходикян. У меня готовы две моих книжки – журналистские. Оказалось то, что было написано за многие годы, достойно того, чтобы сделать из этого книгу и прочитать сегодня. Я, конечно, осталась

журналистом, от этого не уйдешь, но в журналистику соваться мне не хочется. То, что царит сейчас в этом деле, неприемлемо. Недавно я давала интервью молодому журналисту, доверилась ему, надеялась, что он умеет работать с текстом. А он, послушав меня, не смог потом изложить материал. Он, оказалось, что слышит, то и пишет, и был очень удивлен моим недовольством. Шюк бы ему намылить... (Смеется). В сегодняшней журналистике – низкий уровень профессионализма, отсутствие поиска, плохой язык... Для издания моих книг нужен спонсор, я его ищу, другого выхода нет.

- Это сборники ваших статей?

- Одна из них детективно-документального жанра, потому что я долгое время занималась криминальной тематикой в журналистике. В Армении начала, в Москве продолжила.

- Сложно было работать в этом жанре?

- Очень. Совсем не по моему характеру, я ужасно не боевая. Но очень интересно, я даже была на ночных дежурствах... Со своей книжно-литературной тематики я вдруг переключилась на криминально-автомобильную, и была очень рада, потому что к этому времени у меня возникло отвращение к общественно-политическим темам. Там было много лжи. А от работы надо получать удовольствие.

- А когда человек пишет на темы культуры, там не может быть лжи?

- Там должна быть искренность. Правда. Ну что скрывать в культуре? Это же не политика. Политики брешут, а писатель должен быть открытым и откровенным. Когда он начинает кокетничать, читатель это чувствует.

- На какие темы вы ни за что не согласились бы писать?

- Политические. В свое время Вердян дал мне задание пойти на пресс-конференцию одного политического деятеля, а после сделать с ним интервью. Это было мое единственное проваленное задание – я не смогла подойти к деятелю, зная, что это была нечистоплотная личность. Потом Вердян мне сказал: «Ты к нему не подошла? Я так и думал».

- Зачем же он вам дал такое задание?

- Он проверял, насколько я верна себе. Я не могла писать о политике, для меня это было очень мучительно. Надо иметь другой склад ума, а у меня все-таки не чисто журналистский ум.

- Сможете написать о деятеле культуры, который вам неприятен?

- Если я с ним говорю непосредственно и говорю то, что думаю.

- Значит, правда и ничего, кроме правды?

- Так мама с папой научили на мою голову.

- Тогда скажите правду - в чем значение фестивалей, подобных нынешнему?

- Низкий поклон и благодарность, что такие фестивали существуют и собирают людей. Пишущие, творящие люди очень нуждаются в том, чтобы время от времени собираться, видеться, разговаривать, обмениваться опытом... Хотя, вы знаете, в Ереване на форумах все беседуют, общаются – здесь все-таки кучкуются.

- Так совпало, что на юбилейном фестивале много новых лиц – может быть, просто не все знакомы друг с другом...

- Может быть... Главное – это общение и результат. А результат – это издательский продукт. Надеюсь, что он будет. Ведь именно в фестивальной книге может собраться такой состав авторов, который никогда не соберется вне фестиваля. А память остается в книге.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

«АДСКАЯ КОМЕДИЯ» С МАЛКОВИЧЕМ И МОЦАРТОМ

Джон Малкович

Третий Международный театральный фестиваль, организованный Тбилисской мэрией (директор - Екатерина Мазмишвили), открыл «серийный убийца» Джек Унтервегер. В него перевоплотился легендарный американский актер Джон Малкович, блистательно сыгравший, в числе других ролей, доктора Джекилла и мистера Хайда в экранизации романа Стивенсона. Зрители, до отказа заполнившие театр имени Шота Руставели, получили редкую возможность ощутить харизматическое - «отрицательное» - обаяние голливудской звезды, оценить безупречное актерское мастерство, чувство юмора. И смелость. Потому что Малкович вступил в творческий диалог с музыкантами Венского академического оркестра под руководством Мартина Хезелбока, вокалистками Кирстен Блейз и Мартин Гримсон. А главное - с великой музыкой Вивальди, Моцарта, Гайдна, Бетховена, Боккерини и Вебера.

В основе спектакля «Адская комедия. Похождения серийного убийцы», - реальная история австрийского преступника, сначала заключенного в тюрьму, а затем выпущенного на свободу по ходатайству литературных критиков. Унтервегера подозревали в убийстве проститутки в Вене, Граце, Праге и Лос-Анджелесе. Затем он бежал в США, был арестован в Майами, отправлен в Австрию, обвинен в одиннадцати убийствах, и в итоге покончил с собой...

И вот на время представления воскресший Унтервегер читает публике главы из своего последнего романа «Адская комедия», написанного уже после того, как героя не стало. Таковы условия игры.

Начало. На небольшом столе лежит раскрытая тетрадь, а также с десяток книг в мягкой обложке. А оркестр исполняет полную драматизма музыку финальной Чаконы (схождение в ад) из «Дон Жуана» Глюка. И тут на сцене появляется Малкович. Он обращается к публике с короткой речью, предшествующей чтению его последнего романа, названного «Адской

комедией». А затем погружается в воспоминания, связанные с музыкой «Дон Жуана». По словам автора и режиссера Михаэля Штурмингера, «в соответствии с учением об аффектах барочной музыки каждая сцена отражает такие эмоциональные переживания, как Радость, Ненависть, Любовь, Горе, Желание и Восхищение в связи с разнообразными отношениями Джека с женщинами. И все это происходит на фоне сольных номеров, например, «La scena di Berenice» и других произведений Вивальди, Генделя, Глюка, Гайдна и Моцарта, создающих эмоциональный контекст истории».

Оперные дивы изображают женщин серийного убийцы. С ними даже во время пения герой Малковича обращается довольно бесцеремонно, жестко и в конечном итоге безжалостно. Извращенец надевает на них поверх одежды лифчики, которыми затем душит свои жертвы. Довольно натуралистично, душит. С наглядностью почти кинематографической, что неудивительно, ведь Малкович сыграл в кино немало злодеев. А некоторые сцены, напротив, наполнены юмором. Так, в одном эпизоде герой преподносит примадонне букет цветов, но разъяренная певица в буквальном смысле слова избивает им дарителя. В знак примирения будущий палач приносит ей торт, и это угощение принимается благосклонно. При этом на протяжении всей сцены ни на секунду не прекращается пение.

Арии, выражающие всю гамму человеческих переживаний, перемежаются монологами, то спокойными, то экспрессивными, драматическими, острыми. Малкович иногда обращается непосредственно к конкретному лицу в зале, выходит к публике, чтобы сделать свою исповедь более внятной, обнаженной.

Эффектны сцены, когда Джек - Малкович обкладывает очередную жертву своими книгами, как цветами, словно готовит ее к погребению, когда педантично, тщательно опутывает часть сценического пространства веревкой - словно создает ловушку для само-

го себя... А потом накидывает конец веревки на шею. Как говорится, сколько веревочке не виться, а конец будет. Именно такой смысл прочитывается в финале. Но все это окрашено иронией.

Все отметили высокий уровень мастерства Кирстен Блейз и Мартин Гримсон – их голоса (сопрано) прекрасно звучали во всех регистрах. А парадоксальное сочетание, даже сталкивание высокой музыки с признаниями серийного убийцы дало неожиданный, странный эффект подлинности происходящего и одновременно его ирреальности. Вечное и прекрасное неизбежно разрушается злом – именно с этой мыслью выходит зритель из зала по окончании спектакля. То же самое произошло в итоге и с героем этой жутковатой истории – человеком явно одаренным, но одержимым бесовским искушением.

ТЕАТР СО СЛОВАМИ...

Человек, не знакомый с пьесой Георга Бюхнера «Войцек» и пришедший на спектакль Харьковского академического театра имени Тараса Шевченко, даже не поймет, что она была написана в первой половине XIX века, настолько пьеса «Войцек» оказалась созвучной более поздней эпохе – эпохе гитлеровской Германии. Воссозданной в спектакле почти детально: ширма в спектакле – не что иное, как носилки для раненых, на героях – фашистская форма, звучат немецкие песни того времени, а персонажи харьковского «Войцека» – Капитан (Степан Пасечник) и Доктор (Александр Ковшун) – вызывают ассоциации с Гитлером и Сталиным. Но и это – не все. На эпоху вермахта «наслаивается» наша современность – видеокadres несут информацию о пульсирующей современной политической жизни, рекламный ролик назойливо советует приобретать горох... Рекламу озвучивает Войцек – маленький человек, очередная жертва универсального и вечного аппарата подавления. История несчастного Войцека, доведенного отчаянием до преступления, не имеет конкретной временной привязанности... По своему трактуется в спектакле мотив преступления, совершаемого героем одной из самых спорных – и кстати, неоконченных пьес мировой драматургии, – убийство неверной возлюбленной Марии (Светлана Февралева) Войцек (Андрей Борис) объясняет так: «Я ее не убил, я ее отбелил, не дал стать на путь разврата». Режиссер Александр Ковшун «замесил» сложное действие, соединив психологический театр, немецкую эстетику и украинский балаган (наряду с немецкими в спектакле звучат украинские мотивы). Удачно используются возможности видео. Так, убийство Марии происходит на фоне анимационных кадров... Тем неожиданнее появление в руках героя орудия убийства – ножа. Незадолго до этого его держит в руках Мария (плод большого воображения Войцека) – она появляется в образе то ли предводительницы амазонок, то ли Дианы-воительницы, натягивает тетиву лука и стреляет в Войцека. Стрела наверняка попадает в цель.

Иранский театр WORKSHOP привез довольно мрачный спектакль под названием «Терминал» (режиссер Сиамак Эхсай). Сначала кажется, будто действие спектакля происходит в клинике для душевнобольных. Три пациентки, каждая из которых пережила какое-то страшное потрясение, находятся во власти пережитого. Их сознание не может освободиться от трагических воспоминаний. Женщины произносят одни и те же бесконечные рваные монологи, из которых трудно сделать какие-то определенные выводы о происшедшем. Можно только догадываться, домысли-

вать случившееся из той картины, которую воссоздадут женщины в своем потоке сознания. На сцене царит атмосфера тревоги и отчаяния. Одна из героинь на протяжении всего спектакля разделяет курицу – символ жертвы. Эта жутковатая (хотя в реальной жизни вполне обыденная) ситуация все время возвращает нас к теме смерти, крови. Свадебное платье, снег – об этом говорят героини; белый цвет палаты, марля (часть декорации спектакля) и... красная кровь. Эта антиномия «белый-красный» постоянно обыгрывается в спектакле – и вербально, и визуально. Совершенно в духе психоанализа решена еще одна сцена: мы видим, как зловещее красное пятно расползается по ослепительно белому кафелю туалета. Хичкок отдыхает! В финале становится понятно, что эти женщины покончили жизнь самоубийством. И души их маются, не находя выхода.

Театр имени Генриха Малаяна Армянского национального киноцентра показал на сцене Свободного театра постановку «Физиология рода». В основе ее – рассказы Агасы Айвазяна. Спектакль, наполненный юмором и одновременно глубокой печалью, никого не оставил равнодушным. Идея единства нации, народа, идея продолжения рода, надежда, вера, любовь – истины, которые понятны и близки всем. И именно они объединяют людей! Любовь может совершить чудо – так считает создатель спектакля, дочь известного режиссера Наринэ Малаян.

Екатерина Мазмишвили

«Body Concerto»

«Амазонки»

«Войцек»

«Палач»

«Терминал»

«ID»

«Дядюшкин сон»

И БЕЗ СЛОВ...

На фестивале было представлено несколько «бессловесных» спектаклей, жанр которых определен как визуальный театр (израильская труппа Clipa theatre - «Обсерватория»), театр театральных и танцевальных форм (Театр ДО из Германии, представивший «Палач»), театр физических действий с элементами клоунады и импровизации (компания Kolektiv Narobov, Словения - спектакль «Ток-ток»).

Выразительное, эффектное зрелище под названием «Обсерватория» показал израильский CLIPA Theatre, возглавляемый Эдит Херман и Дмитрием Тюльпановым (представитель клоунской школы Вячеслава Полунина). Все действие основано на трюках, эффектах – звуковых, световых, акробатических. «Обсерватория» - завораживающий, причудливый мир фантазии, сна-яви. Черное пространство – космос – наполняется необычными звуками и образами. Белые туфли и шляпа героя, словно по мановению волшебной палочки, становятся черными и растворяются во мраке или, скорее, сливаются с ним. И начинается...

Как отметил артист и артдиректор Театра ДО Евгений Козлов, он вообще не очень верит слову. «Стилистика Театра ДО – это язык, на котором мы общаемся, язык, которому мы доверяем», - говорит он. «Палач» Театра ДО – необычный спектакль, синтезирующий

физическое действие, современный танец, элементы театра абсурда, клоунаду, музыку, световые эффекты. Создатели спектакля вовлекают зрителей в странную игру, построенную на черном юморе и бредовых фантазиях, и буквально наэлектризовывают зрительный зал. При этом они не ставят перед собой цель, чтобы зрители до конца поняли содержание спектакля и его идею. Главное - донести до публики эмоцию через трансформацию энергии, через жест, звук. Но зрителю понятно, что действие происходит в гангстерской среде, где на наших глазах сооружается виселица. Впечатляют танец при тусклом свете вращающихся ламп, среди шуршащих под ногами газет, причудливая, стильная сцена в кафе-баре, завершающаяся убийством, эпизод за столом, когда три персонажа – Слепой, Глухой и Немой, играя в какую-то странную игру, пытаются разгадать бесконечную головоломку «Кто жертва?». По очереди они тянут жребий, кому быть жертвой, кому убийцей, кому судьей, а кому палачом. У Немого залеплен рот, у Глухого – огромное ухо, у Слепого – очки с толстыми линзами.

В духе черного юмора здесь жестоко казнят, помещая человека в какую-то камеру (сооруженную из тех же газет), отпиливают жертве ноги, прибавляют гвоздем руку к столу, подвешивают на вешалке. Я уже не говорю о мрачноватой атмосфере, создаваемой тусклым светом ламп, – например, во время карточной игры. Игроки стараются увернуться от постоянно раскачивающейся, словно маятник, лампы, и это рождает ощущение тревоги, надвигающейся опасности.

Забавны герои спектакля «Ток-ток» (Словения) - влюбленная парочка, проживающая за час, что длится действие, всю жизнь, до самой старости. При этом не произносится ни слова – таковы условия игры. Зато активно и смешно обыгрываются ситуации и предметы. Причем самые элементарные. Так, обычный кусок красной ткани в руках героев обретает волшебные свойства – с его помощью можно управлять действиями другого человека... Эта же материя обретает символический смысл в интимных отношениях двоих.

Остроумна сцена с ребенком... Героиня разродилась... будильником. Он то и дело верещит, мешая родителям спать или заниматься любовью. Этот же будильник отсчитывает часы, дни, месяцы, годы жизни супружеской пары. На наших глазах, под неумолимый «ток-ток» часов, молодые увядают.

В РИТМЕ ТАНЦА

В этом году было интересно представлена хореография.

Труппа из Самсуна в рамках фестиваля показала свою версию балета на музыку Вахтанга Кахидзе «Амазонки». По воле автора либретто Медеи Магалашвили и балетмейстера Нукри Магалашвили, давно и успешно работающих в Турции, знаменитый античный сюжет был изменен. Основная идея спектакля: нет ничего важнее любви, соединяющей мужчину и женщину. В итоге родилось динамичное, яркое, окрашенное чувственностью зрелище, подкрепленное эффектным видеоорядом.

Хореографическое искусство было представлено и одноактными балетами Иржи Килиана в исполнении балетной труппы Тбилисского театра оперы и балета имени Захария Палиашвили, которой руководит Нина Ананишвили. Все отметили, какой рывок сделали грузинские артисты за последние годы, овладев практически всеми современными балетными техниками, пройдя испытание танцем самых разных направлений

и школ.

Корейская труппа Sungsoo Ahn Pick-up Group продемонстрировала высокотехнический танец в стиле модерн. В первом отделении зрители получили возможность оценить хореографию Sungsoo AHN, раскрывшего в движении экспрессию музыки Игоря Стравинского – «Весны священной». А во втором отделении в ритме хип-хоп корейцы показали «Body Concerto».

Спектакль «Донка. Письма Чехову» планировался как еще один сюрприз фестиваля. Его поставил швейцарский режиссер, актер, драматург и клоун Даниэле Финци Паска к 150-летию со дня рождения А.Чехова в рамках проектов московского Чеховского фестиваля. «Донка. Письма Чехову» - это обращение швейцарского режиссера и его театра к неким глубинам чеховских историй, рассказов и пьес. А еще это набор трогательных воспоминаний, музыки и изысканно-воздушных видений. Но тбилисская публика так и не увидела спектакль (возникла проблема с транспортировкой декораций), зато оценила актерский талант Даниэле Финци Паска. Актер преподнес театралам фантастический подарок – выступил в моноспектакле «Икарос». Блестящая импровизация, чувство юмора и потрясающее обаяние Даниэле Финци Паска заставили забыть и проблемы с английским языком, и поздний час (спектакль начался в девять часов). Артисту подыгрывала девушка, вызванная из зала, - изображала соседку героя по больничной палате. Ее, инвалидку, он пытается научить летать... а значит, верить и надеяться на чудо. И это чудо происходит в спектакле...

В еще одном моноспектакле «Одиссей» Гомера лондонского Theatre Ad Infinitum (режиссер Нир Палди) выступил интересный британский актер Джордж Манн, обладающий замечательной пластикой и мимикой. Это позволило ему пересказать античный миф так ярко и образно, что все его события и персонажи предстали перед зрителями зримо и выразительно. Премьера «Одиссеи» состоялась на фестивале искусств «Фриндж» в Эдинбурге в 2009 году. Год спустя постановка с большим успехом была показана на Эдинбургском международном театральном фестивале.

ПРЕМЬЕРА

Это еще один совместный проект - спектакль «Ман-долина капитана Корелли», в основе которого роман английского писателя Луиса де Бернье, сценическая версия Майка Марана. Режиссер Леван Цуладзе повторяет здесь свой собственный опыт, осуществленный в спектакле «Дама с собачкой» А. Чехова – соединяет живых актеров, грузинских и английских, с куклами. Причем главные герои предстают то в образе актеров, то в облики трогательных марионеток. Это необыкновенная история о любви, жизни и смерти. События происходят в Греции, во время Второй мировой войны. На сцене – греки, немцы и итальянцы, попавшие в мясорубку жестокой эпохи. В спектакле, где трагическое сосуществует с юмором, сильны религиозные мотивы... Особенно запомнились многочисленные огоньки свечей, зажженные в церковный праздник, и лик Богоматери.

Постановку осуществили театр Марджанишвили и театр «Меркурий» (Великобритания). Этот спектакль был задуман именно для тбилисского фестиваля.

ФИНАЛЬНЫЙ АККОРД

Им стал спектакль петербургского БДТ «Дядюшкин сон» в постановке Темура Чхеидзе с блистательными Алисой Фрейндлих и Олегом Басиллашвили. Билеты

были распроданы задолго до начала фестиваля. Зал был заполнен до отказа, и публика живо реагировала на тончайшие нюансы текста, актерской игры и режиссерских находок.

Темур Чхеидзе поставил спектакль о бренности и краткости человеческой жизни, о старости и смерти. Да, это очень веселый и одновременно невеселый спектакль, при том, что на протяжении всего действия зритель смеется... Смеется над немощью и старческим слабоумием несчастного Князя (Олег Басиллашвили не жалеет гротесковых красок для изображения своего героя). Но это смех сквозь слезы, ибо каждый сидящий в зале понимает: старость и смерть – это та неизбежность, к которой нужно готовиться... всегда. Memento mori.

Но это еще спектакль об утраченных иллюзиях. Каждый из героев разбит, уничтожен. Рухнули далеко идущие планы «Наполеона в юбке» - Марии Александровны Москалевой (Алиса Фрейндлих), намеревавшейся выдать дочь Зину за Князя, сломлена Зинаида (Полина Толстун), по вине которой умер влюбленный в нее учитель Вася (Сергей Галич), не удалась интрига ничтожного «жениха» Мозглякова (Кирилл Жандаров)... А главное – раздавлен, унижен старый Князя, утверждавший поначалу, что «только теперь он начинает жить»... Увидев Зину и услышав в ее исполнении до боли знакомый романс, он словно вернулся в минувшее. Но в карете прошлого далеко не уедешь. В финальной сцене Князь обращается к фантому, чудесному образу своей молодости - ее олицетворяет все та же Зиночка. К нему приходит горькое осознание того, что жизнь прошла, что на пороге - смерть. При этом меняется декорация – постепенно опускаются многочисленные занавеси (художник Эмиль Капелюш выстроил пространство, в котором занавеси доминируют, а помост на сцене заметно наклонен, что создает ощущение зыбкости, нестабильности, отсутствия почвы под ногами). В то же время взмывают вверх часы – символ времени, символ быстротечности жизни (они на сцене на протяжении всего спектакля).

Еще один эпизод остался в памяти: интрига раскрыта. Зина публично признается Князю в том, что вместе с матерью пыталась облапошить его, заставить жениться на ней. Князь как истинный «обломок аристократии» говорит, тем не менее, о готовности выполнить обещание... А в финале этой сцены он буквально «заклеван» окружающими – хозяйкой дома Москалевой и ее гостями. Сцена погружается во тьму, освещен только Князь. «Уведи ты меня, братец, куда-нибудь, а то меня растерзают!» - вопит он в ужасе. От этой сцены – мороз по коже.

Трагична и судьба Москалевой. Будучи женщиной яркой, интересной, Мария Александровна вышла замуж за нелюбимого и посредственного человека, и всю жизнь ненавидит и презирает своего супруга (Евгений Чудаков). Как любая мать, она пытается взять реванш у судьбы, удачно пристроив дочь. Но... Спектакль Темура Чхеидзе заканчивается крахом ее надежд, тогда как в самой комедии у Москалевых все сложилось наилучшим образом – Зина вышла замуж за генерал-губернатора...

В рамках фестиваля прошел круглый стол на тему «От этики к практике. Кодекс международной ассоциации театральных критиков». Его организовала и провела театровед Ирина Гогоберидзе. Театральные критики Грузии, США, Канады, Великобритании, Франции, Швеции, Кореи и других стран обсудили этические проблемы театральной критики, а также грузинские спектакли фестиваля, представленные в «Шоу-кейсе».

Инна БЕЗИРГАНОВА

ГРУЗИЯ В ЗЕРКАЛЕ СЦЕНЫ

Инсталляция «Важа Пшавела» Г.Алекси-Месхишвили

Тбилисский Международный театральный фестиваль, прошедший в третий раз, прочно укрепился в театральном ландшафте, и не только столицы, но и всей театральной Грузии. В нем принимают участие не только зарубежные театры, но и грузинские – столичные и региональные.

В этом году грузинская четырехдневная программа включала в себя 33 спектакля, причем это были новые работы, поставленные в 2010-2011 гг. И это важно – только так можно увидеть перспективу, понять мотивировку постановок, оценить новую стилистику и особенности сегодняшнего театрального процесса. Куда движется театр, какие темы волнуют людей сегодня, и какие мы сегодня – все это в зеркале сцены.

Особое внимание и гостей, и тбилисской публики привлек по понятным причинам спектакль Роберта Стуруа «Сезон охоты» в театре Руставели, показанный в первый день грузинской программы. Такого наплыва желающих увидеть недавнюю премьеру не часто приходилось видеть. Зрители стояли в боковых проходах, даже сидели на полу. Впервые и я испытала такое удовольствие, последовав примеру корейского гостя, который устроился на полу центрального прохода.

Ажиотаж оправдал себя. Имя Стуруа, давно гремящее по всему театральному миру, теперь, после его увольнения с поста художественного руководителя театра, прозвучало еще громче. Специальным заявлением протеста откликнулся коллектив театра, которым руководил Стуруа более 30 лет. Стуруа выразили поддержку его многолетние соавторы Гия Канчели и Гоги Алекси-Месхишвили. Международная Ассоциация театральных критиков обнародовала меморандум с осуждением таких действий по отношению к большому режиссеру. В Тбилиси зарубежные гости эту тему не затрагивали, зато обсуждали новую премьеру Стуруа и говорили о нем как о великом режиссере. Кто-то даже пошутил о его провидческом даре, усмотрев некую символику в названии спектакля. Тем более что на сайтах в поисковой системе «Сезон охоты» стоит рядом с сериалом «Охота на гения».

Сам спектакль – обычное для Стуруа соединение несоединимых жанров: драма, фарс, эксцентрика, фантазмагория с элементами политического театра. И еще режиссер добавил немного магии, благо пьеса Тамаза Чиладзе вполне располагает к этому: в квартире актрисы (Ия Сухиташвили) и ее любимого поселился полтергейст (Зука Папуашвили), она его называет «слепое привидение». Он вносит беспорядочное перемещение предметов, людей, видений, мы слышим гул, топот, грохот выстрелов. Все происходящее перемежается еще и с ее сновидениями. Вырваться из этой непредсказуемости героям невозможно, она слушает полтергейста, перебирает свои воспоминания и бывшие надежды, которым не суждено сбыться – ведь правила жизни устанавливают политики.

Актеры точно передают внутреннее состояние нашей общей нестабильности, которым дышит новый век. Зритель особенно чувствует это благодаря не только эмоциональности актрисы, уловившей нерв характера героини, но и острому пластическому рисунку роли. Эти ее броски, метания хрупкого тела, неправдоподобно ломкого (хореограф Котэ Пурцеладзе) – лишь свидетельство внутренних изломов человека. Нам понятно и состояние ее любимого (Гога Барбакадзе) – человека творческого, писателя, мечтающего снять 3-минутный клип об истории человечества. Ему нужен простор для собственной реализации. Но он не может вырваться из этой бесцветной бытовой мышеловки. Сценография Темура Нинуа подчеркивает это. Холодное необжитое пространство, где стоит огромная белая кровать, и еще два белых экрана, которые временами оживают как видения недостижимости. На них – то диснеевская Белоснежка с мечтами о принце, то звездная Мэрилин Монро (вероятно, поэтому зарубежные критики на дискуссии Международной Ассоциации театральных критиков отмечали, что здесь у Стуруа присутствуют элементы американской культуры. Но мы назвали бы это по-другому – это показ режиссером насильственной «американизации» наших людей.)

Эмоциональный настрой в спектакле создает музыка Гии Канчели, точные звуковые акценты, световые и постановочные эффекты. Чего стоит появление парящего белого лебеда из детства героини, мечтающей вернуться в то чистое состояние души, которое невозможно сохранить в нашем мире. «Однажды мой принц придет» - эта мечта еще теплится в ней, и знаком ее служит волшебный башмачок, правда, он достается ей в виде неуклюжей красной кроссовки «Адидас».

Как обычно, сюжетная линия для режиссера лишь повод, а глубинный смысл спектакля рождается из метафор, ассоциаций, и каждый по-своему интерпретирует их смысл. Главное, Стуруа дает нам почувствовать беспокойный нерв сегодняшнего дня: мы все мечемся в замкнутом пространстве проблем и противоречий нашей непредсказуемой действительности.

На фестивальном показе спектакля присутствовали приехавшие издалека Гия Канчели и Гоги Алекси-Мехишвили, отметивший недавно свое 70-летие. К юбилею замечательного художника и неподражаемого сценографа в фойе театра была развернута его персональная выставка, где представлены эскизы декораций и костюмов к разным спектаклям. В верхнем фойе были потрясающие инсталляции. Одна к спектаклю «Бидерман и поджигатели», а другая - в отдельном зале с звуковым и световым оформлением погружала в мир Важа Пшавела, каким видит его художник. Из этого загадочного полумрака и ярких, осязаемых реалий нельзя было вырваться.

Из тбилисских спектаклей иностранные гости отметили также постановки прошлого сезона художественного руководителя театра им.Марджанишвили Левана Цу-

роль Гамлета в живом плане исполняла актриса Кетеван Цхакая, которая озвучивала и остальных персонажей. Такое сочетание кукольного и драматического театра, уже ставшее привычным для тбилисской публики, было необычным для гостей. На прошлогоднем фестивале подобный спектакль увидел гость фестиваля Майк Маран и предложил совместную постановку театра Марджанишвили и английского театра «Меркурий». Так появился спектакль «Мандолина капитана Корелли». Премьера на английском языке прошла в рамках фестиваля. В ней участвовали в живом плане четыре английских актера и девять грузинских кукловодов. Так что кукольный театр, еще недавно считавшийся архаичным, становится суперсовременным и востребованным.

Благодаря тбилисскому фестивалю окно в мир у нас открывается все шире – и театральный, и драматургический. Правда, этому способствуют страны Запада, их посольства и фонды. Активно работает в этом направлении институт Гете. Благодаря ему на сцене Театра королевского квартала в прошлом году появился интересный спектакль «Урод», о котором мы уже писали, а в этом году был поставлен замечательный спектакль «Liv Stein». Автор пьесы и режиссер 28-летняя Нино Харатишвили, уроженка Грузии, которая уехала учиться в Германию и теперь пишет пьесы на немецком языке, причем сама их ставит. В театре удивляются, как за три недели репетиций ей удалось поставить спектакль. Сама автор не удивляется, на ее счету уже более десятка постановок по числу написанных пьес.

Спектакль «Liv Stein» можно считать одной из лучших работ молодого поколения на тбилисском фестивале. Здесь точно выстроены характеры героев, отличные актерские работы Нино Бурдули, Като Калатозишвили, Гии Бурджанадзе. Скрытый смысл раскрывает очень простая и метафоричная сценография молодой немецкой художницы Юлии Бюрле-Новиковой. Вся сцена завешена множеством полупрозрачных занавесов (они оказываются занавесами от правды), их прозрачность не мешает нам порой ощущать в них стену, разделяющую людей. Переплетения занавесей, которые с самого начала плетет юная героиня, оказываются сплетениями лжи.

Виртуозная пианистка Лив после смерти сына отказывается от карьеры, ее бывший муж безуспешно пытается ей помочь. Неожиданно появляется молоденькая Лора, с детства боготворившая Liv Stein. Неуклюжая, грубоватая, закомплексованная и не в меру развязная девчонка утверждает, что дружила с ее сыном, и рассказывает историю их любви. Лив как будто возрождается, она берет талантливую девчонку в ученицы, и две эти женщины на наших глазах меняются до неузнаваемости. В убитой горем матери вдруг просыпается жажда творчества, она готовит совместный с Лорой концерт, их отношения становятся почти родственными. Девочка тоже как будто оттаивает, смягчается ее пластика, лицо озаряется улыбкой, в ней появляется душевность и видна ее беспредельная благодарность пианистке. Тонкие нюансы взаимоотношений героев уже стали такой редкостью в современном театре, что зрители буквально заворожены этим тонким психологизмом.

Кончается все трагически, когда выясняется, что девочка все наврала, даже соблазнила бывшего мужа Лив, только чтобы стать ее ученицей. И перед концертом, когда детская мечта Лоры почти сбылась, всплывает правда. Лора не прощает себе лжи она отрезает пальцы правой руки. В финале в глубине сцены, уже без занавесов лжи неподвижно полулежит Лив – застывшая, как барельеф или надгробие на собственной могиле, а Лора, держа окровавленную руку, бессмысленно бредет в этом пустом пространстве.

Спектакль стал лично для меня откровением, он вселил надежду, что глубинный психологический театр жив в

ладзе «Академия смеха» по пьесе современного японского драматурга Коки Митани, «Декамерон» Боккаччо, а также спектакль «Книга» грузинского драматурга Аки Морчиладзе (режиссер Давид Сакварелидзе, в главной роли корифей грузинской сцены Отар Мегвинетухуцеси), а русскую классику в лице Н.В.Гоголя и его «Женитьбу» представил старейший на Южном Кавказе русский драматический театр им.А.С.Грибоедова в постановке худрука и управляющего театром Автандила Варсимашвили (художник Мириан Швелидзе). Еще один спектакль этого творческого тандема «Прекрасная грузинка» по Карло Гольдони был показан в Свободном театре, созданном Варсимашвили в 2001 году.

Большой резонанс вызвал спектакль Театра масок из Кутаиси «Свиньи Бакулы» (режиссер Давид Джишкарани, художник Темур Арсенидзе). На малой сцене Марджановского театра зрители увидели выступление театра пальцев под руководством Бесо Купрейшвили и в его же постановке кукольный спектакль «Мой Гамлет», где

Грузии, более того, он крайне необходим, судя по реакции зала. Да и гости фестиваля не остались равнодушными – спектакль уже приглашен на Берлинский театральный фестиваль. Все заинтересовались персоной Нино Харатишвили, обсуждают с ней новые проекты.

И еще один спектакль молодых не остался незамеченным – постановка Потийского театра пьесы «Желтые дни» совсем молодого швейцарского автора Даниэлы Джанджич (режиссер Давид Мгебришвили, художник Тамар Охитян). Здесь затронута очень большая на сегодняшний день тема: межнациональная рознь. И автор не понаслышке знает об этом, так как она сама родом из Сербии, а мы помним конфликт на Балканах. Для темы спектакля режиссером точно найдена стилистика – минималистическая, скорее, символическая. Это касается и актерской игры, и сценографии, и мизансцен. На сцене четыре доски, которые могут быть и столом, и кроватью, и даже гробом. А еще доска может являть собой стену непонимания, раздора или даже границей. Одна из досок лежит в середине сцены на большом шаре, наверное, это земной шар. Доска как качели или весы, и перевешивать может то один ее конец, то другой. Это и есть визуальное понятие противостояния. Сюжет нам до боли понятен: девушка выходит замуж за представителя другой этнической группы, ее брат против, и вместе ужиться им невозможно. А тут еще гражданская война, муж и брат – по разные стороны баррикад. Нет, мужчины не убивают друг друга, но вражда побеждает: муж убивает жену.

Пьеса появилась в Грузии также благодаря Институту Гете, а Швейцарское посольство приобрело авторские права для театра на постановку. Этот спектакль уже приглашен в Германию и Чехию, ведутся переговоры с Польшей. А сразу после показа театр отправился в Ереван для участия в международном театральном фестивале «Айфест», после которого получено приглашение в Россию, Иран, Украину. На фестиваль «Айфест» поехал и другой участник тбилисского фестиваля – грузинский коллектив «Нового театра» со спектаклем режиссера Ники Сабашвили «Бумажный дождь».

В экспериментальном зале театра Руставели был показан спектакль «Гамлет.comX» одного из магистрантов Роберта Стуруа режиссера Левана Хвичия. Школа Стуруа здесь дала о себе знать во всем, начиная с собственного прочтения драматургии, о чем ясно говорят и название спектакля, и заявленный в программе жанр – «картинки из «Гамлета», уложившиеся в 55 минут. Начало спектакля можно было воспринять как веселую прогулку сегодняшних молодых. Но от расслабленного лиризма первой сцены не остается и следа. Для любви здесь уже нет места. Решен спектакль броскими, откровенно театрализованными приемами, с иронией и юмором. Полоний, пронзенный кинжалом, сам держит его руками, и бегаёт по сцене, показывая всем содеянное Гамлетом. Призрак отца Гамлета здесь как пафосный памятник, где застывший король гордо стоит с раскрытым зонтом над головой. А новый король Клавдий с нарисованной белой маской на лице предстает как нервный деспот, он повелевает подданными, вскочив на узкий, не очень устойчивый деревянный помост. Временами призрак оживает, например, в сцене отравления сам показывает, как все было. Он же провожает в последний путь Офелию, увенчанную красными рожками, вручает ей дорожный чемодан, свой зонтик, и она укладывается навсегда под этот зонтом. В финале уже все лежат трупами. Вот только король никак не поддается, его бьют, он оживает, травят – оживает, стреляют – опять поднимает голову. Наверное, власть в отличие от людей, бессмертна.

Вообще о работах молодых можно много говорить, они очень разные и непредсказуемые. В фестивальную программу входили также спектакли Тбилисского университета театра и кино и Театра университета Ильи. Театр киноактера им.М.Туманишвили тоже представил

О. Мегвинетуцеси

TBILISI
INTERNATIONAL
FESTIVAL
OF THEATRE

«Невзгоды Дариспана»

«Гамлет.comX»

«Желтые дни»

«Свиньи Бакулы»

«Академия смеха»

TBILISI
INTERNATIONAL
FESTIVAL
OF THEATRE

«Сирано де Бержерак»

«Liv Stein»

работу молодых - режиссера Георгия Апхазова и сценографа Нино Кития в спектакле «В ожидании Годо».

Из тбилисских спектаклей гостями фестиваля был отмечен «Сирано де Бержерак» Ростана в Театре музыки и драмы им. Васо Абашидзе в постановке руководителя театра Дато Доиашвили. Яркий, зрелищный, с точно выстроенными массовыми сценами, включающими музыку и танец, с изящными костюмами и образной сценографией Мураза Мурванидзе, где главенствует мера и вкус, спектакль останется в памяти зрителей.

Отдельной темой можно выделить показы региональных театров Грузии. В большинстве своем они более традиционны, и это не надо считать большим минусом. Там сохраняется высокая актерская школа, не прикрытая авангардными изысками. Сильное впечатление произвел спектакль Кутаисского театра им. Ладо Мехишвили «Невзгоды Дариспана» в постановке худрука театра Георгия Сихарулидзе. В главной роли выступил великолепный режиссер и актер, председатель СТД Грузии Гоги Кавтарадзе, когда-то возглавлявший этот театр.

Спектакль на пересечении традиций и новаций. Традиции – в актерской школе, а современность – в режиссерской стилистике, в интересной сценографии Вану Хуцишвили и костюмах Теи Кухианидзе. Режиссер выделил тему поколений – отцы и дети, они ведь разные. Это видно уже в костюмах, художник привнесла интересные современные элементы в одежду молодых. Они поданы тонко, изысканно и не слишком броско. Подчеркнуто это лишь в первой сцене. Если отец (Гоги Кавтарадзе) торжественно появляется в праздничной белой чохе, то его дочь рядом с ним кажется сегодняшним неприкаянным подростком: штаны, рубаша со свисающими рукавами, расхлябанная походка. Героиня – как знак потерянности, молчаливого внутреннего несогласия. Только в последней сцене, видимо, девушка обретает себя, и появляется уже в обычном платье.

Интересные актерские работы зрители увидели в пьесе Эристави «Шапка-невидимка» в постановке Гочи Капанадзе в Цхинвальском театре им. И.Мачабели. Режиссером разработан рисунок ролей и психологически, и пластически, с элементами эксцентрики, подчеркивающими характер. Особенно четко уловил это исполнитель главной роли Георгий Рехвиашвили.

Зугдидский театр им.Ш.Дадиани, представивший спектакль «Гость и хозяин» В.Пшавела (режиссер Сосо Немсадзе, художник Марика Коркеллия) магическим образом погрузил зрителей в быт горцев. Получился почти этнографический спектакль, с элементами символики, стилизации, но при этом передающий особенности уклада жизни и традиций горцев. Впрямую здесь нет народных обрядов, но дух той особой жизни витает. Он и в костюмах, и в пластике актеров, и в декорациях, которые минимальны, но выразительны.

Самое главное - на спектаклях грузинской программы присутствовали зарубежные гости и члены исполнительного комитета Международной Ассоциации театральных критиков, которые могут рекомендовать спектакли для участия в театральных фестивалях своих стран. Это очень важно для Грузии, искусство может развиваться только в постоянном движении и творческом общении с коллегами. Есть надежда, что контакты с зарубежными театрами упрочатся, ведь Тбилисский международный театральный фестиваль в 2011 году стал членом Европейской ассоциации фестивалей.

На выставке
Г.Алекси-Мехишвили

Вепа ЦЕРЕТЕЛИ

ЦЕНА МГНОВЕНИЯ

Побеждает Омар Эгадзе. Матч Грузия - Иран. 1966

Он часто возвращается памятью в Толидо, провинциальный городок на берегах Эри, одного из Великих Американских Озер, известный разве что тем, что в нем родились шесть президентов, а во всем другом это «одноэтажная Америка», много студентов местного университета, торговцев, дружелюбных людей, приходящих на соревнования с небывалым интересом к нашим борцам классического и вольного стиля, с плакатами «Борцы СССР! Желаем победы!» Разительный контраст с громадией Нью-Йорка, с его царством солидных, богатых людей, нескончаемым потоком машин. А здесь тишина и покой, которая взрывалась вокруг ковров, на которых возились крепыши, боролись за право стать первыми в мире.

Омар Эгадзе тогда лихо начал в студенческом спортивном зале «Филдхауз». Выиграл на туше у гватемальца, ливанца, румына Иона Чернеа, победил по баллам венгра Яноша Варгу.

К последней схватке с японцем Масамицу Итигути пришел, имея на одно штрафное очко меньше. Ничья делала Омара чемпионом мира.

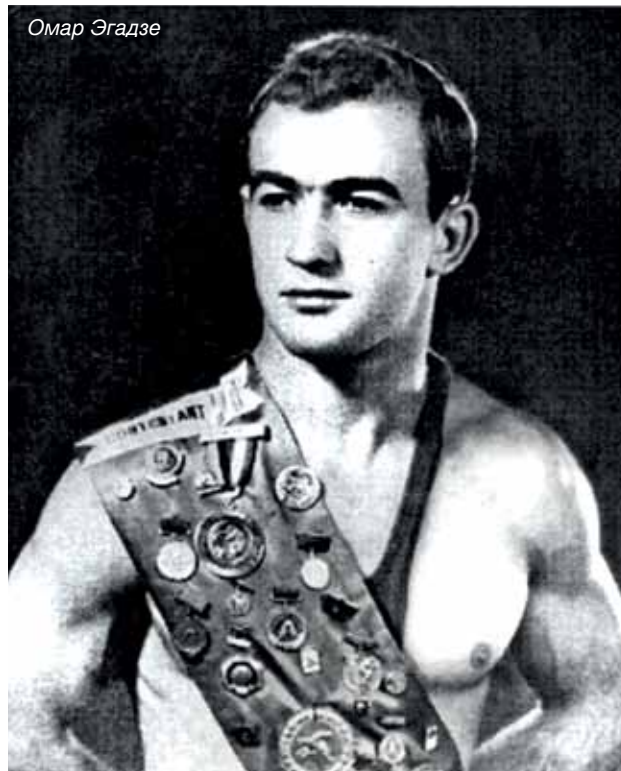
Они боролись на двух коврах по соседству – Омар Эгадзе и Ростом Абашидзе с болгариним Бояном Радевым, обоих устраивала ничья. Оставалось сделать один шаг до триумфа на чемпионате мира 1962 года.

После первой половины схватки Эгадзе можно было

считать чемпионом мира «без пяти минут». Остаются три минуты, потом одна. Как медленно тянутся секунды. Но за 14 секунд до финальной сирены он отвлекся на мгновение, в шуме зала не услышал предостерегающего крика тренера: «Берегись, сейчас он особенно опасен!» и коснулся лопатками ковра. Он покривил бы душой, сказав, что не переживал исход схватки, когда японец воспользовался благодушием своего соперника, пошел вперед, на тот обхват. Будь тогда не так молод и беспечен, конечно же, стал чемпионом.

Что такое 14 секунд в борьбе? Достаточно было сделать шаг в сторону. Журналисты потом писали, что Омар взглянул на табло, упустил момент, который караулил японец – пошел на обхват и совершил бросок. Возможно, так и было. Свою роль сыграли несовершенные тогда правила, когда случайное касание ковра лопатками фиксировалось как туше. Налицо был и просчет тренеров – свести финальную схватку за золото к ничейному результату. И, соответственно, неправильная тактика ведения поединка. Не откажись Омар от своего атакующего стиля, искрометной борьбы, стоял бы выше японца – выдающегося борца - на пьедестале почета, глотал слезы при исполнении гимна своей страны – считает ветеран отечественной борьбы Мераб Гудушаури, чемпион СССР 1960 года.

А так мы имели то, что имели. С разными чувствами

Омар Эгдзэ

Сборная Грузии. Польша. 1958

шли на церемонию награждения чемпион и вице-чемпион мира. Как говорят в Одессе, это две большие разницы.

Катастрофические для Омара последствия того поединка на заставили себя долго ждать.

У Александра Кикнадзе, известного спортивного журналиста и писателя (рецензента нашей с гроссмейстером Эдуардом Гуфельдом московской книги о Майе Чибурданидзе) была своя версия. Незадолго до поездки в Тольдо он получил из родного села Чхери (откуда родом и выдающийся дзюдоист Анзор Кикнадзе) посылку тети Нины. В посылке ее были чурчхелы, не простые, особые. Говорили, что они из старого редкого ореха, дарящего силу. На всякий случай Александр Васильевич захватил одну из чурчхел в Америку. И вспомнил о ней в последний день перед финалами. Предложил ее Омару Эгдзэ. Он поблагодарил и вежливо отказался. Дескать, у него на счету каждый грамм собственного веса. Только вчера выпил лишние полстакана лимонаду, а тренер назвал его эгоистом, который может подвести команду.

Кикнадзе отдал чурчхелу Ростому Абашидзе. Ростом сжевал волшебную чурчхелу тети Нины и вышел на ковер. И добился желанной ничьей, которая сделала его чемпионом мира. Секрет этой грандиозной победы знал один Александр Кикнадзе. Он отправил из Нью-Йорка открытку тете Нице. И написал в ней по-грузински: «Большое спасибо!» Открытка эта произвела переполох в грузинском селе, где ни разу не получали писем из Америки.

А тут письмо от чемпиона мира. Начальник почты самостоятельно доставил его адресату, очень гордый своей миссией.

Так Омар Эгдзэ не смог праздновать вместе со своим днем рождения победу на чемпионате мира.

Путь этого грузинского борца экстра-класса мало чем отличается от чемпионов его поколения. Родился 28 июля 1939 года в Тбилиси. В 16 лет начал заниматься борьбой. Его первым наставником в спорте стал Омар Баланчивадзе. Но через полгода их зал закрыли, и он принял судьбоносное решение – пришел в знаменитый очаг борьбы в здании бывшей церкви на улице Орджоникидзе, известный как «Петрес цирки», увековечивший имя его основателя – Петра Андреевича Иорданишвили. К заслуженному тренеру СССР и в прошлом двукратному чемпиону страны Леониду Дзеконскому. Их союз стал поистине счастливым. В том же 1956 году Омар стал чемпионом Тбилиси среди школьников в наилегчайшем весе.

Они готовились к Токийской олимпиаде

С Гиви Картозия. 1971

Сегодня мало кто помнит, что Омар Эгдзе одинаково успешно выступал в классической, или как ее еще называют греко-римской борьбе, и в вольной. В вольной он даже защищал спортивную честь Грузии на первенстве СССР среди юношей 1956 года в Кишиневе и занял второе место.

Через год Эгдзе в ранге чемпиона Тбилиси по классической борьбе в составе сборной Грузии едет в город Каунас на лично-командное первенство СССР среди юношей и добивается двойного успеха – в команде и в личном зачете. Кроме него чемпионами стали Георгий Минасян и капитан команды Гиви Читава. Эта команда, опередившая сильнейший коллектив Российской Федерации, сумела повторить большую победу юношеской сборной Грузии образца 1947 года. Из этих двух юношеских команд, сильных не по возрасту, вышли впоследствии выдающиеся грузинские чемпионы, имена которых сейчас у всех на слуху.

Омар Эгдзе - из их числа.

В том же 1957 году Омар дебютирует в составе сборной Грузии в чемпионате СССР среди взрослых в Ленинграде и занимает почетное пятое место в наилегчайшем весе, он зачислен кандидатом в сборную страны, как перспективный спортсмен, и остается в сборной восемь лет.

Какой-то злой рок его преследовал, хотя трудно назвать неудачником вице-чемпиона мира, двукратного чемпиона мира в команде, четырехкратного чемпиона Советского Союза, победителя международных турниров в Польше (1959), Будапеште (1960), Болгарии (1964). В 1960-м в Саратове он уже третий в стране. А кто впереди? Борис Гуревич, олимпийский чемпион Хельсинки, чемпион мира (1953, 1958), и Олег Караваев, олимпийский чемпион Рима, чемпион мира - 58. За трехлетие (1962-1964) – целая вечность! – он не проиграл ни одной схватки. А конкуренция в легчайшем весе у борцов классического стиля была на редкость высокой: Борис Гуревич, Олег Караваев, Рустем Казаков, Армаис Саядов, Янош Варга, Ион Чернеа...

Созвездие чемпионов мира и олимпийских чемпионов! Омар Эгдзе их побеждал на самых престижных соревнованиях.

Не последнюю роль в спортивной биографии Омара сыграл отказ переехать в Москву, выступать за ее сборную. Сулили квартиру, учебу в медицинском институте (мама Омара была врачом, отец-инженером). Но сам он был уверен: и дома, в Грузии, может полностью раскрыть свои возможности. Страху ни перед кем не испытывал, выходя на ковер, думал только о победе.

И без диплома Омар не остался. Кроме института физкультуры окончил Тбилисский государственный университет и Грузинский политехнический. Помимо диплома тренера по борьбе имеет специальности по экономике торговли и химика-технолога пищевой промышленности.

Был старшим тренером в ГПИ в начале семидесятых. Его воспитанники выиграли всесоюзную Универсиаду. Работал и в обществе «Гантиади», подготовил чемпионов профсоюзов, был вторым тренером сборной Грузии по классической борьбе.

Он давно ведет пропаганду спорта и физических занятий с детства, призывая искать спортивные таланты и строить занятия на безвозмездной основе, на энтузиазме ветеранов, чей опыт, по его мнению, совершенно не используется.

В его словах слышны нотки давней обиды чемпиона, ставшего в 32 года заслуженным мастером спорта СССР и судьей всесоюзной категории.

«За Эгадзе никто не дрался, - говорит мне. Не было у меня постоянного тренера. Вот и оттеснили. И дело не только в обиде. Дескать, мог и не стал олимпийским чемпионом и чемпионом мира. Выиграв соревнования столь высокого уровня, спортсмен предельно мобилизуется, подтягивается, добываясь нового уровня работы. На Токийской олимпиаде 1964 года Роман Руруа был вторым, но поверил в свои силы, ужесточил тренировки, почувствовал вкус победы, а ее я знал с начала шестидесятых».

Когда после Толидо его, чемпиона СССР, не взяли в сборную, бесцеремонно так обошлись, он пришел к начальнику Управления единоборств союзного Комитета по физической культуре и спорту Аркадию Ленцу. «Готовься к следующим соревнованиям, - сказал он, - спортивная жизнь для тебя не заканчивается».

А Отар приехал домой и забросил тренировки. Зачем бороться, когда тебя обманывают. Быть чучелом в тренировочном зале он не хотел. Хотя через пару лет, в 1967 году, согнал девять килограммов веса и стал в четвертый раз чемпионом страны и двукратным чемпионом Спартакиады народов СССР, опередив чемпиона мира Армаиса Саядова и будущего победителя Мюнхенской олимпиады Рустема Казакова. И выиграл международный турнир в Кишиневе. И снова, в обход правил, Казакова поставили в команду на первенство мира, где он проиграл - не попал в призовую шестерку.

Эгадзе не послали на мировое первенство в Хельсингборге и на Токийскую олимпиаду. Чиновники от спорта держали в уме серебряный «неуспех» в Америке борца из Тбилиси. Руководители борьбы старались придержать молодых, не выпуская их на мировой ковер. Был элемент перестраховки с их стороны, желание добиться только первого места. К тому же отбор кандидатов в олимпийскую сборную вели не по спортивному принципу. Одним из руководителей борьбы был украинец Сокол. Получалось не очень складно: он у руля сборной, а в сборной ни одного его земляка. Так в Токио поехал киевлянин Владлен Тростянский и проиграл борьбу за золото все тому же Масамицу Итигути, который стал олимпийским чемпионом.

В 1968-м Омар выигрывает еще один международный турнир - Мемориал И.Поддубного, во второй раз. Он снова фаворит в легчайшем весе, а это почти гарантированно закрепляет за ним место в олимпийской сборной, перед уже недалекими Олимпийскими играми в Мехико. Но на Олимпиаду берут не его, а другого.

И Эгадзе принимает важное решение - прекращает выступления в большом спорте. Уже навсегда.

Как-то попалась мне на глаза книга Дмитрия Иванова и в ней слова нашего олимпийского чемпиона Мехико и четырехкратного чемпиона мира Романа Руруа, поразившие неожиданностью и искренностью.

Вот они: «В Грузии было много хороших борцов, и я попал в команду республики лишь после того, как меня включили в состав сборной Союза... Я и не мечтал, что меня поставят рядом с Омаром Эгадзе, Давидом Гван-

С Леваном Тедиашвили и Александром Мазуром.

целадзе, Автандилом Коридзе, Ростомом Абашидзе... Я стеснялся их... Я даже не смел входить в душевую, когда они там купались. Я опускал глаза, когда они были рядом».

Вместе с Омаром вспомнили ту давнюю ситуацию. Он сказал: «Это была действительно великая команда, которая, как правило, занимала первое-второе места, а ее участники становились чемпионами мира и олимпийскими чемпионами. Согласен с моим другом Романом Руруа и мог бы продолжить список наших палаванов, но делать этого не стану, не хочу кого-либо пропустить. Но одного все же назову - Гиви Картозия. Человек огромной физической силы, легендарный атлет, прославивший борьбу на весь мир... Гиви был и остается легендой. Когда у руководства сборной команды страны возникали проблемы с комплектованием состава, Картозия всегда выручал и делал это с блеском, оставаясь сильнейшим».

И все же, что это было? Счастливое сближение планет, способствующее появлению стольких редких самородков? Трудно сказать что-то определенное. Борцовская база была хуже нынешней, но в зале была какая-то приподнятая, особая атмосфера, ревностно поддерживаемая выдающимися тренерами, соответственное отношение к тренировкам и товарищам по этому мужскому занятию.

А может, они просто молоды были, и все у них получалось.

Арсен ЕРЕМЯН

«Ночная птица Тарковского»

Андрей Тарковский, Лариса Федоренко и Сергей Параджанов

«ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ. . .»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ СТАРОГО РАЙОНА

Продолжаем бродить по узким улочкам Сололаки и Мтацминда, словно цепью опоясывающим Святую гору. И каждое звено этой цепи – пожелтевшая от времени, но не увядшая, не утратившая жизненной силы страница Литературы. Именно так, с большой буквы. Мы поднимаемся все вверх и вверх. Там, над нами – последний приют тех, кто составляет славу Грузии, ее поэтическую гордость. Николоз, Илья, Акакий, Важа, Галактион... Сколько великолепных строк и переводов, сколько цепочек судеб и связей разбегаются отсюда во все концы мира! И конечно, в первую очередь, в Россию.

В одной из таких цепочек - крутой, небольшой переулочек Котэ Месхи на склоне горы. Но, пока мы еще не подошли к нему, оглянемся в Россию, в далекий 1940 год, невероятно трудный для Марины Цветаевой. Она никогда не бывала в Грузии, но именно в тот год ее спасали стихи грузинского поэта. Спасали в полном смысле этого слова. У нее с сыном не было ни теплой одежды, ни обуви, ни одеял. Была лишь съёмная комната в Голицыне неподалеку от дома отдыха Литфонда, где коллеги-писатели смогли устроить им, по крайней мере, питание. И тут Марина Ивановна с головой погружается в... грузинскую поэзию. «Цветаева была занята только переводом поэм Важа Пшавела. «Гоготур

и Апшина» и «Раненый барс». Черновики «Гоготура» заняли большую тетрадь», - свидетельствуют современники. «Марина Ивановна работала так, словно бы писала свою оригинальную поэму. Она не жалела сил, была предельно требовательна к себе и щепетильна... Переводы были для нее не только средством существования, но и спасением, забвением от жизни, которая упорно и настойчиво пыталась сломать», - констатирует авторитетнейшая исследовательница цветаевского творчества Анна Саакянц. И именно эти переводы, во многом, привели Марину к последней привязанности в ее жизни. Вот, она пишет молодому московскому поэту: «Ваш перевод - прелесть. Что вы можете - сами? Потому что за другого вы можете – все». Это – тоже 1940 год. Это - встреча с Арсением Тарковским. Они звонили друг другу, встречались, гуляли по любимым местам Цветаевой - Волхонке, Арбату, Трехпрудному переулку и было заметно, как она менялась в его обществе: последний всплеск, последняя попытка спастись от пустоты. Именно Арсению она посвятит последнее в своей жизни стихотворение, в ответ на его «Стол накрыт на шестерых». Тарковский узнает об этом уже после ее смерти. И именно он станет одним из лучших переводчиков Важа Пшавела, словно приняв эстафетную палочку из цветаевских рук.

Вот так, отвлекаясь на воспоминания, мы и дошли до горбатого переулочка Котэ Месхи. Здесь жила грузинская муза Арсения Тарковского. «По крутым тротуарам/ Бесконечный подъем./ Затерялся твой дом/ В этом городе старом/...» Впрочем, о прекрасных грузинках – чуть позже. Хотя бы потому, что привели в Тбилиси поэта не они, а все те же стихи Важа Пшавела. Первый же его приезд был творческой командировкой. «С Грузией папа очень тесно связан, был и в 1945 году в Тбилиси для того, чтобы заключать договора о переводах поэта Важа Пшавелы и других грузинских поэтов, - вспоминает дочь поэта Марина Тарковская. - В его записной книжке можно увидеть адреса очень многих деятелей культуры Грузии. Там и поэты замечательные грузинские, в том числе и Симон Чиковани, которого

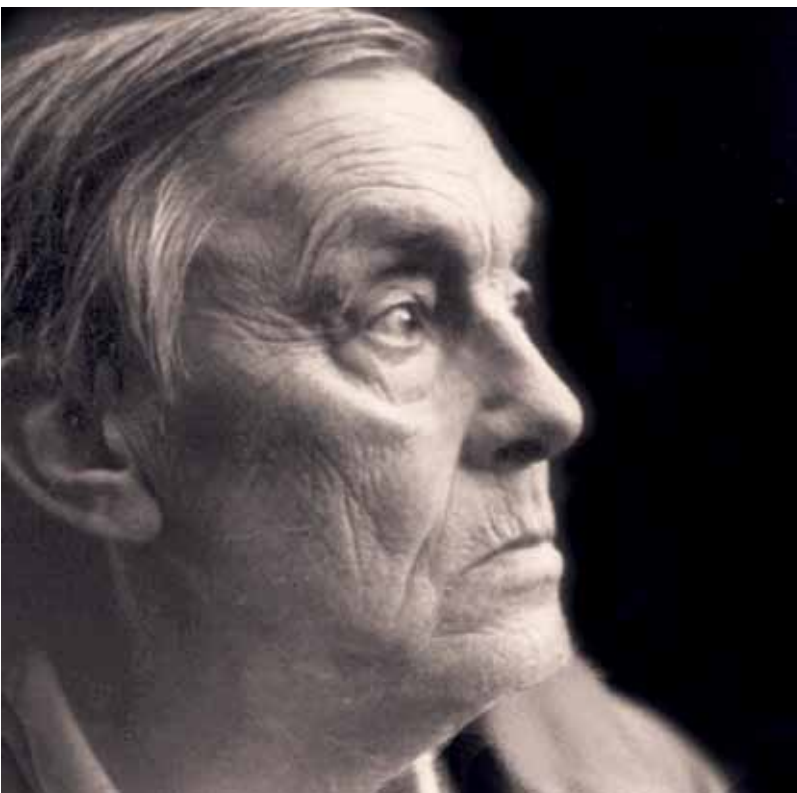
папа особенно любил и переводил... Из грузинской поэзии папа больше всего переводил Важу Пшавела...» А вот – рассказ, насыщенный уже и эмоциями, и деталями, что вполне понятно: он принадлежит самому Тарковскому: «Симон Чиковани, тогда первый секретарь Союза писателей Грузинской ССР, вызвал меня в Тбилиси. Первые две недели в этом чудесном и гостеприимном городе мне довелось принимать участие во встречах с поэтами и деятелями искусств. Это было далеко еще несытное время. Вместе со всей нашей многоязычной родиной недоедала и Грузия: немного вина, немного лобии — но сколько добрых слов, сколько радушия! Грузинское гостеприимство, как известно, не имеет границ... Я перевел на русский язык стихи Симона Чиковани, Георгия Леонидзе, Григола Абашидзе, Иосифа Нонешвили, Реваза Маргиани — прекрасных поэтов, сердечных людей — и перезнакомился чуть ли не с четвертью населения Тбилиси».

А ближе всего Тарковский сошелся с Симоном Чиковани, и говорил, что ему выпало счастье перевести большинство стихов из цикла «Армазские видения». Он утверждал, что Симон был добр и мудр, и не было на свете человека, который неуважительно отозвался бы о нем: «Он был из числа достойнейших людей, каких я знал в жизни». В 1966 году, когда Чиковани не стало, Тарковский написал небольшое эссе, посвященное

сы с недугом. Как жена Марика, сама тяжело больная, «не позволила» себе уйти из жизни раньше мужа и, скончавшись уже после его смерти, завещала развеять свой прах на его могиле. Мы прочтем просьбу Арсения Александровича к читателям - не счесть нескромным его желание «закончить заметку» переводом стихотворения «Листопад и озимый сев». В этом удивительном переводе сплелись воедино таланты двух друзей, русского и грузина:

Отец и сын Тарковские за шахматами

Арсений Тарковский

памяти друга, сумев много рассказать о нем русскому читателю. И не только о том, что, годы спустя после первой встречи, он сам вновь и вновь возвращался к поэзии Симона, переводя стихи из «Осенней тетради». Что Чиковани был широко образованным человеком и хорошо знал мировую поэзию. И болью, и восхищением одновременно пронизаны строки о последних годах Симона, которого тяжелая форма диабета довела до слепоты и смерти. С умением большого поэта, вставив трагические события в считанные прозаические фразы, Тарковский рассказывает, как его друг борол-

На седину не поскупилося время
И спело песню сумерек. Иду,
А за спиною — старость, вровень с теми
Платанами, чьи листья как в бреду.

Я здесь косил, да сено ветром сдуло.
О пиримзе, где нежный венчик твой?
Редея, кроны клонятся сутуло,
И в дол схожу я узкою тропой.

Спустя время, Тарковский посвятил другу стихотворение «Ласточки», в котором пишет о Чиковани: «А я любил его, и мне он был как брат...» К ласточкам – просьба: «Я вместо Симона хвалу вам воздаю./ Не подражайте нам, но только в том краю,/ Где Симон спит в земле, вы спойте, как в дурмане,/ На языке своем одну строку мою». Конечно же, он снова приехал на землю, в которой спит Симон. «Я застал братские отношения Тарковского и Григола Абашидзе, - вспоминает еще один большой друг Грузии, поэт Михаил Синельников, - Григол, бесконечно доброжелательный, высокообразованный, понимающий и в русских стихах, Арсения высоко чтит. Хотел, чтобы Тарковский работал «для Грузии» на грузинской земле, и старался выхлопотать для него квартиру в Батуми. А главной переводной работой, затянувшейся на долгие годы, были тогда переложения лирики Важа Пшавела». Говорят, что поэты – люди простодушные и наивные. Особенно в своем отношении к властям. И именно поэтому их слова и поступки часто оказываются... пророческими. Однажды, на поэтическом вечере в Грузии, вскоре после снятия Василия Мжаванадзе с поста первого секретаря ЦК, Тарковский прочитал свой перевод «Старого льва» в присутствии нового партийного босса Эдуарда Шеварднадзе:

Притомился лев, притомился,
Наступила старость на горло,
Наложила подать на мышцы,
Когти царские поистерла.

На поклон зверье не приходит,
 Будто все окрест перемерло/

 Приутих недавний властитель.
 Сердце старое плачет сирот;
 Мнится, он давно уже болен:
 На костях ни мяса, ни жира.
 И чело его омрачает
 Дума о вероломстве мира...

Все были ошеломлены, всем показалось, что это читается неспроста. Скорее всего, Арсений Александрович, в тот момент не думал ни о дипломатии, ни об интригах... Но, согласитесь, дорогие читатели, из нашего с вами сегодняшнего дня, то давнее сочетание «Старого льва» с дальнейшей судьбой человека, при котором оно читалось, выглядит уже по-особому...

И еще — о власти и о Тарковском. А точнее, не только о них. Утверждение «он был истинный рыцарь и кавалер» можно проиллюстрировать рассказом о том, как на юбилей поэта-академика Ираклия Абашидзе были приглашены три переводчика разных поколений. Послушаем, что вспоминает один из них, происходящее стоит того, чтобы к нему приглядеться: «В фойе к нам подошел учтивый Эдуард Амвросиевич и завел приличествующий случаю разговор о проблемах перевода. Вдруг в дверях появились две знаменитые грузинские красавицы, и Тарковский, прервав беседу, ковыляя на своем протезе, ринулся целовать им

сене. И красота Тарковского, и красота его поступков. Был непререкаем его авторитет. Когда однажды к его рукописи были предъявлены редакторские претензии, Григол Абашидзе вознегодовал: «Кто его может редактировать?»

От языка поэзии — к языку цифр: всего в Грузии Тарковский перевел пять тысяч поэтических строк. И среди них нет ни одной пресной или пустопорожней строки, считают специалисты. Он никогда не был халтурщиком в этом ремесле, оно у него превращалось в искусство. Илья Чавчавадзе, Рафизл Эристави, Сандро Шаншиашвили, Сандро Эули, Галактион Табидзе, Георгий Леонидзе, Иосиф Нонешвили, Михаил Квливидзе... Синельников выделяет особенные удачи переводчика, и прежде всего — переложения народной поэзии: «Тарковскому удалось и воссоздать лаконичную яркость стремительных диалогов, и передать песенные интонации... Самому Арсению Александровичу нравились его переводы из любимого Чиковани, он иногда читал их вслух, вспоминая Симона. Но в «Волшебные горы» вошли и другие выдающиеся переводы Тарковского. Например, «Голос у Голгофы» Ираклия Абашидзе, стихотворение потрясающей силы. Сванские стихотворения Реваза Маргиани с их корневой кряжистой

мощью, с переливающейся в них музыкой народного слова. И «Омар Хайям» Анны Каландадзе... Особое чувство у меня к переводам Тарковского из Григола Абашидзе. «Даркветская луна», «Град», «Пускай безумец буду я для мира...», «Правителю Дзевваху» волновали в отрочестве и сводили с ума своей красотой задолго до личного знакомства и с автором, и с переводчиком. Эти стихи и сейчас изумляют меня и пьянят». Вот такую цепочку сложил судьба Тарковского от Цветаевой и ее переводов Важа Пшавела...

Но как может настоящий поэт приехать в Грузию и не влюбиться? Так что, вполне естественно, литературоведы пишут про ту пору жизни Арсения Александровича, которую по нынешним стандартам можно назвать Тбилиси-45: «Этот период в жизни Тарковского, в связи с некоторыми его стихотворениями, сопровождается множеством любопытных рассказов о прекрасных грузинках». Один из таких рассказов — о чувстве, вспыхнувшем к обожаемой всей Грузией киноактрисе Нате Вачнадзе. Скорее всего, это — полулегенда, смешавшая то, что было и то, что вполне могло произойти. Но, что бы ни случилось на самом деле, история сия прекрасна и трогательна. А пересказывает ее тот же Михаил Синельников, которому совместные с Тарковским поездки в Грузию «памятны рассказами Арсения Александровича о его старых влюбленностях, о нержавеющей любви». Итак: «Пылко любил он и Нату Вачнадзе... Однажды в писательском ресторане Ната проходила мимо столика, за которым сидел Тарковский. Арсений Александрович успел сказать: «У меня есть мечта идиота, что вы со мной немного посидите!» Через некоторое время они решили пожениться. Наверное, это была бы самая красивая пара XX столетия. Специально для того, чтобы выйти замуж за Тарковского, Ната приезжала в Москву. Но история вышла не ме-

Ната Вачнадзе, Николай и Георгий Шенгелая

Николай Свентицкий

Белла Ахмадулина с братьями Чиладзе

руки. Удивился небожитель, выпучила глаза охрана, ужаснулись и прекрасные виновницы происшествия. А Тарковский ничего не видел, кроме их невянувшей красоты. Грузинам импонировало и кавказское, дагестанское происхождение Арсения Александровича, и его красивое имя, напоминавшее о легендарном Ар-

нее смешная, чем грустная. У поэта были единственные приличные брюки, и предыдущая жена, развод с которой был решен, и которая знала о намерениях Тарковского, спешившего на свидание, вызвалась эти брюки выгладить. Положила на них раскаленный утюг, и он провалился сквозь брюки. Имелись еще потешные короткие брючки, в которых никак нельзя было идти к Нате... Много лет спустя в гостях у Арсения Александровича были молодые грузинские кинорежиссеры, друзья Андрея, и вдруг по глазам он угадал в одном из них сына Наты Вачнадзе». Еще одна удивительная цепочка, связанная с Тбилиси. Кстати, заглянем в записную книжку Тарковского. По свидетельству его дочери, «там и режиссер Николай Шенгелая и его жена Ната Вачнадзе, известная грузинская актриса, красавица, которая погибла в авиакатастрофе».

И еще одна тбилисская любовь Тарковского. Та самая, из переулка на горном склоне, которой посвящено знаменитое стихотворение «Дождь в Тифлисе».

...Сеет дождь из тумана,
Капли падают с крыш.
Ты, наверное, спишь,
В белом спишь, Кетевана?

В переулке твоём
В этот час непогожий
Я — случайный прохожий
Под холодным дождем.

Да, ее звали Кетевана Ананиашвили. Журнал «Русский клуб» уже подробно рассказывал в прошлом году об этой женщине, с которой Арсения Александровича познакомил поэт Георгий Леонидзе. И которая очаровала гостя не только красотой, но и любовью к русской культуре, обширными литературными познаниями. Молва гласит, что союзу с Арсением воспротивилась ее семья. «Та же черная верность обетам/ И платок, ниспадающий с плеч...» Ну, а мы остановились у ее дома, чтобы проследить еще одну цепочку людских судеб. Кетевана стала заслуженным педагогом Грузии, журналистом, возглавляла литературный кружок Республиканского Дворца пионеров и школьников. «Постепенно создав прочную традицию, она вырастила целые поколения поэтов, прозаиков, критиков», - сообщает поэт и известный литературовед Эмзар Квиаташвили. От себя добавим: в том числе и поколение, которое дружило с сыном Арсения - Андреем. И непредсказуемая судьба устраивает так, что сын, бывая в Тбилиси, приходит все в тот же переулок Котэ Месхи - в дом, соседний с тем, к которому отец провожал свою тбилисскую музу.

«Наш переулок, несмотря на то, что в нем всего лишь 13 домов, знают далеко за пределами Тбилиси и даже Грузии. Да, здесь жило немало удивительных, неординарных личностей. Вот дом художника фильма «Покаяние» Георгия Микеладзе... чуть повыше в гору проживал Ило Девдариани, вор в законе, известный больше по кличке «Лимон», это о нем в романе «Белые флаги» написал Нодар Думбадзе. И выше всех, в самом конце переулка, возвышался трехэтажный дом, в одной из квартир которого царствовал великий Сергей Параджанов». Так представляет нам из флоридского далека этот удивительный уголок удивительного города музыкант Юрий Волович, бывший музыкальный режиссер Тбилисского ТЮЗа и создатель знаменитого в 1970-е детского хора «Ия» («Фиалка»). Остается еще вспомнить, что улица и переулок носят имя выдающегося тифлисского актера и режиссера Котэ Месхи.

Знал ли Андрей что по этой же брусчатке ходил его

отец? Вряд ли. Просто, новое поколение грузинских деятелей культуры, в том числе и возвращенное Кетеваной Ананиашвили, приводило сюда своих русских друзей. К Параджанову. Не будем заглядываться сейчас на невероятные встречи, которые организовывал здесь непредсказуемый Серго всем своим гостям, а тем более - друзьям. Об этом написано достаточно много. Ведь это был дом, в который приходили Франсуаза Саган, Тонино Гуэрра, Марчелло Мастроянни, Майя Плисецкая, Владимир Высоцкий и еще многие-многие. Это был легендарный дом. А вот к поступку тоже приходившей сюда Беллы Ахмадулиной пригласиться стоит. Тем более, что связан он с тем же политическим деятелем, которого мы уже дважды видели на этой литературной странице. Год 1982-й, Параджанов вновь арестован, на этот раз - в Тбилиси, по обвинению в спекуляции. С просьбой о том, чтобы «такой великий художник был осужден условно», Ахмадулина, вместе с кинематографистами Резо Чхеидзе, Эльдаром Шенгелая и другими деятелями культуры, обращается не к кому-нибудь, а прямо к Эдуарду Шеварднадзе. Так и происходит, кинорежиссера освобождает в зале суда. А на встрече с Беллой Ахатовной первое лицо Грузии предлагает Ахмадулиной дачу в Гульрипши. Знаете, чем был обоснован ее отказ? «Я люблю всю Грузию, зачем мне ее малая часть?»

Убедившись, что поэт и за пределами России бывает «больше, чем поэт», заглянем прямо в дом Параджанова, вышедшего из-за решетки, во многом, благодаря своим грузинским, русским, зарубежным друзьям. И мы услышим, как в нем, сквозь время, удивительным образом сплетаются все те же имена и фамилии. Гарри Кунцев, звукооператор работавший с Параджановым, описывает: «В комнатке находилось самое любимое. На стенах - рисунки, сделанные в тюрьме. На подставках — нежнейшие шляпы, созданные в моменты особого вдохновения и названные все вместе «Памятью о несыгранных ролях Нато», той самой легендарной Наты Вачнадзе, которая навсегда осталась символом красоты грузинской женщины, Нато, которую он обожал. В углу - манекен в полный рост. Мужчина, похожий на самого Параджанова, держит на руках погибшего юношу. Юноша тот - Тарковский». И объяснение: «Перед Андреем Параджанов преклонился в открытую». «Мне ничего не надо - только одно: пригласите к себе Тарковского, пусть побудет возле вас - это больше, чем праздник...», - напишет Сергей своим друзьям из тюрьмы. Из письма племяннику Георгию: «Ты просишь рассказать меня о Тарковском. Тарковский мой друг. Он был у нас в гостях, ну ты помнишь. Когда мама испекла торт клубничный. Я считаю, что он гений». Георгий был свидетелем интересной сцены: «Это было в Тбилиси, когда Тарковский приехал на десять дней с ретроспективной своих фильмов. А у нас в доме было два одинаковых туалетных набора, флаконы разной формы, - один розового цвета, а второй изумрудного. Совершенно одинаковые, очень старинные наборы. Параджанов и Тарковский соревновались: кто выстроит из этих флаконов наиболее интересную композицию. Они называли это «проверкой генов». Творческий». И еще одно: именно Андреем Сергеем Параджановым и посвятил свой последний фильм «Ашик-Кериб».

Вот такая цепочка протянулась от последнего посвящения Цветаевой - Тарковскому-старшему до последнего посвящения Параджанова - Тарковскому-младшему. Цепочка из замечательных имен и примечательных событий, замкнувшаяся в маленьком переулке на склоне Святой горы в Тбилиси.

Владимир ГОЛОВИН

НЕЗАМЕНИМЫЙ

Такие люди, как Николай Свентицкий, спасут нашу страну. Он по достоинству ценит свою Грузию, народ, нацию. Его юбилей обозначен двумя пятерками, и я за всю его деятельность готов ставить ему одни пятерки. Поздравляю с огромной любовью, твой

Джансуг ЧАРКВИАНИ
поэт, почетный гражданин Тбилиси

Дорогой Коля! Я сто лет не видел тебя и девяносто лет не был в Тбилиси. Я очень надеюсь, что обе эти трагические несуразности скоро закончатся. Я поздравляю тебя с днем рождения и желаю тебе всего, что ты сам себе желаешь! И – до скорой встречи, уверен!

Андрей МАКАРЕВИЧ
поэт, народный артист России

Ваш фестиваль – это не только праздник русской литературы; он убедительно показывает, что русский язык жив и любим и в Грузии, и во многих других уголках мира. Убежден, что идеи и инициативы, рожденные на фестивале, будут помогать духовному и культурному общению между народами.

Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ
председатель Президиума МСРС

После 20-ти лет работы в театре быть президентом «Русского клуба» очень непросто. Но обаяние Коли, его азарт, дипломатия и смелость позволили сохранить «Русский клуб». Николай Свентицкий – человек, который способен наладить отношения с любым смертным. А секрет – в его любви ко всем, с кем его сводит судьба.

Роберт СТУРВА
режиссер, народный артист СССР

Я думаю, что такого активного менеджера, как Николай Николаевич, просто нет. Несколько лет мы проработали вместе, и я не раз мог убедиться, что он не только хороший организатор. Благодаря его творческой идее родился спектакль «Распутин». Он – интересная фигура, которая много вкладывает в отношения между Россией и Грузией. Желаю ему долголетия и многих интересных дел.

Гоги КАВТАРАДЗЕ
*режиссер, народный артист Грузии,
председатель СТД Грузии*

Николай Свентицкий заслуживает самого глубокого уважения за свою истинно подвижническую деятельность на ниве литературы, искусства, науки. Команде Свентицкого по силам организация научных форумов, литературных и художественных конкурсов, выставок, конференций, творческих вечеров, издание книг... Секрет успешной деятельности юбиляра – не только в умении мгновенно принимать верные решения и подбирать нужные кадры. Николай Николаевич – человек большого сердца, живущий в согласии с заветом великого Руставели: «Кто себе друзей не ищет, самому себе он враг».

Маквала ГОНАШВИЛИ
поэт, председатель СП Грузии

Дорогой Николай Николаевич! В первую очередь желаю здоровья, поскольку в том ритме, в каком Вы живете и работаете, Вам необходимо не железное здоровье, а стальное. Хотелось бы, чтобы мы были вместе, как можно дольше. И пусть Ваша деятельность во благо сохранения дружбы и огромной взаимной привязан-

ности русского и грузинского народов, не имеют конца. Как большой друг хочу пожелать всего самого доброго, много радости в жизни, исполнения всех желаний и осуществления Ваших потрясающих проектов.

Тенгиз ДЖАИАНИ
композитор

В наши дни редко встречаются люди с такими качествами, как у Николая Свентицкого. Это уникальный человек с удивительным чувством к людям. Ему все дороги, он обо всех заботится. И, самое главное, он всегда думает об актере, у Николая к актеру особое чувство. Театр ведь очень сложный организм. Там часто не хватает человеческого тепла. Это прекрасно, что мы живем в одном городе с таким человеком, как Свентицкий. Спасибо ему большое за заботу и внимание, которые мы с Отаром от него постоянно ощущаем.

Гуранда ГАБУНИЯ
народная артистка Грузии
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
народный артист СССР

С юбилеем тебя, дорогой Коленька! Здоровья тебе, счастья. Будь сильным Атлантом, ведь на плечах у тебя Грибоедовский театр, весь его огромный коллектив. И мы все очень любим тебя, очень благодарны за все, что ты делаешь для театра и всех нас. Целую,

Ариадна ШЕНГЕЛАЯ
народная артистка Грузии, народная артистка России

Дорогой Николай Николаевич! От всей души поздравляю Вас со знаменательным юбилеем. Вы всегда делали много нужного и доброго для Грузии. Бывают люди, нужные в беде, бывают – в радости. Вы же незаменимы всегда. Особенно для ваших друзей. И я искренне рада считать Вас своим другом, и надеюсь на взаимность. Хочу пожелать Вам счастья, крепкого здоровья и долгих лет жизни. Всегда ваша,

Ирма СОХАДЗЕ
заслуженная артистка Грузии

Коля – мой ближайший друг, самая надежная опора в жизни. Я знаю его с юношеских лет и могла наблюдать, как он из молодого, начинающего специалиста превратился в государственного мужа. Он яркий, талантливый человек, который сделал себя сам. Я его очень люблю, желаю ему здоровья, долгой счастливой жизни. И чтобы рядом с ним были верные и надежные люди.

Людмила АРТЕМОВА-МГЕБРИШВИЛИ
заслуженная артистка Грузии

Коллективы Тбилисского русского драматического театра имени А.С.Грибоедова и Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» сердечно поздравляют Николая Свентицкого с юбилеем, желают здоровья и благоденствия, радости и успехов, удачи и процветания!

А ПОГРУЖЕНИЕ В СЛОВО

Наша будничная речь привычна для нас, как дыхание, но так уж повелось, что привычное, согласитесь, редко становится предметом любопытства или особого нашего внимания. Мы произносим слова, часто не задумываясь, что язык наш — это великая заповедь творчества: человек получил уникальную возможность творить мир посредством своего слова. И это бесценное сокровище мы часто бездумно растрчиваем. Да и кто из нас сегодня вспоминает про нашу высшую ответственность за слово? А она велика, если верить евангельскому предупреждению: «За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день Суда» (Мф. 12, 36). Не случайно в культурном наследии разных народов хранится множество пословиц и афоризмов, говорящих о вечной духовной ценности слова. «Ржавеет золото и истлевает сталь, крошится мрамор. К смерти все готово. Всего прочнее на земле — печаль, и долговечней — царственное слово» (А.А. Ахматова). «Прекрасно слово, ибо в слове оставит память человек. Уходим мы с земли, а слово от нас остается вовек» (Ас-Самарканди). Поразительно, но даже представители современной науки, например, академик Ф.Я. Шипунов, утверждает, что «раз произнесенные или воплощенные в событиях слова запечатлеваются в любой точке Вселенной навсегда». Многие памятники славянской письменности свидетельствуют, что наши предки придавали слову и даже каждой букве особое, сакральное значение. И это далеко не случайно. Современному человеку едва ли придет в голову (если только, конечно, он не филолог) искать различие между такими привычными с детства словами, как «азбука» и «алфавит». Большинство считает, что это одно и то же. Но тот, кого любопытство все-таки заставит взять в руки словарь, обнаружит, что «алфавит» - слово греческое и состоит оно из первых греческих букв — «Альфа» и «Вита». Буквы в алфавите всего лишь переносчики информации. А вот «Азбука» - слово славянское и состоит оно из ее первых двух букв-слов «Аз» и «Буки». Известно, что святые монахи Кирилл и Мефодий, подарившие славянам новую письменность, создали не просто «Азбу-

ку», они открыли славянскому народу путь, ведущий к новой вере. Если мы посмотрим на исторические события, разница между которыми составляет всего 125 лет, то поймем, что на самом деле путь утверждения христианства непосредственно связан с созданием славянской азбуки. Ведь буквально за одно столетие славянский народ искоренил культы и принял новую веру. Кириллица была создана в 863 году, а уже в 988-м князь Владимир официально заявил о введении христианства и свержении языческих культов.

Интересно, что, изучая старославянскую азбуку, многие ученые пришли к выводу, что на самом деле первая «Азбука» является тайнописью, которая имеет глубокий религиозный и философский смысл, а самое важное, что она построена таким образом, что представляет собой сложный логико-математический организм. Для того чтобы понять тайнопись славянской азбуки, нужно не просто бегло просмотреть ее, а вчитываться в каждую букву-слово. Ведь каждая буква-слово содержит смысловое ядро, которое вкладывал в нее Кирилл. Кроме того, сравнивая множество находок, современные исследователи склонны считать, что первая славянская азбука была создана как целостное изобретение. Интересно также то, что большинство букв старославянского алфавита представляют собой не только буквы-слова, но и буквы-числа.

Что же это за тайнопись такая, зашифрованная в азбуке, и с каким посланием обращались святые монахи-просветители к славянским народам, ко всем живущим и грядущим поколениям, а значит, и к нам? Попробуем вслед за учеными-исследователями русской письменности совершить хотя бы небольшое путешествие в такой забытый, а для современного человека теперь уже «запотерянный мир» под названием «Азбука».

Итак, Азь — это начальная буква славянского алфавита, которая обозначает местоимение Я. Однако ее коренным смыслом является слово «изначально», «начинать» или «начало», хотя в быту славяне чаще всего употребляли Азь в контексте местоимения. Тем не менее в некоторых старославянских письменных текстах можно найти Азь, который обозначал «один», например, «поеду азь к Владимиру». Или же «начинать с азов» обозначало «начинать с начала». Так славяне обозначали с началом азбуки весь философский смысл бытия, где без начала нет конца, без тьмы нет света, а без добра нет зла. При этом главный акцент ставится на двойственности устройства мира. Собственно и сама азбука построена на принципе двойственности, где она условно разделена на две части: высшая и низшая, положительная и отрицательная, часть, расположенная в начале, и часть, которая находится в конце. Кроме того Азь имеет числовое значение, которое выражается цифрой 1. Оказывается, у древних славян цифра 1 была началом всего прекрасного. Славяне, как и другие народы, разделяли все числа на чет и нечет. Нечетные числа были воплощением всего положительного, доброго и светлого, а четные - представляли тьму и зло. При этом единица считалась началом всех начал и очень почиталась славянскими племенами.

Буки (Буки) — вторая буква-слово в азбуке. Она не имеет цифрового значения, однако имеет не менее глубокое философское значение. Буки — значит «быть», «будет» чаще всего использовалась при оборотах в будущей форме. Например, «буоди» обозначает «пусть будет», а «боудоуший», как вы, наверное, уже догадались, обозначает «будущий, предстоящий». В этом слове наши предки выражали будущее как неизбежность, которая могла быть, как доброй и радостной, так и мрачной, ужасной. До сих пор доподлинно неизвестно, почему «Букам» Кирилл не дал числового значения, однако многие ученые

предполагают, что это связано с двойственностью этой буквы. Ведь по большому счету она обозначает будущее, которое каждый человек представляет для себя, конечно же, в добром и обнадеживающем свете, но с другой стороны это же слово обозначает неизбежность наказания за совершенные низкие поступки. Веди – интереснейшая буква старославянского алфавита, которая имеет числовое значение 2. У этой буквы есть несколько значений: ведать, знать и владеть. Когда Кирилл вкладывал в Веди этот смысл, он подразумевал сокровенное знание, знание – как высший божественный дар. Если мы сложим Азь, Буки и Веди в одну фразу, то прочитаем: «Я буду знать!» Таким образом, автор азбуки, монах–просветитель показывал, что человек, открывший созданную им азбуку, впоследствии будет обладать каким-то знанием.

От слова-буквы к слову и дальше – постепенно складываются фразы, а к концу путешествия по затерянному миру азбуки мы обретаем текст послания:

Я Бога Единого язык ведаю гласящих: Доброта есть суть Жизни, зело Земли иже Свет Бога. И како Люди мыслете наши покрещены: «Оным порядком червоных черт пишутся рече слова твердого указа Стфорца рукой правоверного раба последнего от церкви истинной в молчании тишины Святое Евангелии читати».

Так, крещенный в новую, православную веру славянин вместе с грамотностью получал жизненное наставление и указание на новые нравственные законы, где утверждалась Доброта в качестве божественного Света и основы Жизни на земле, где Слово обретало исключительную ценность как дар божий, как язык Бога Единого, основа основ всего сущего - «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Понятно, почему наши далекие предки так бережно (в отличие от нас) относились к слову, а злоязычие, сквернословие и пустословие почитали тяжелейшим из грехов.

Всего лишь небольшое путешествие в мир русской азбуки, – а сколько для нас открывается нового, вернее, давно утраченного или забытого, глубоко скрытого в каждой букве-слове! Если уж буква русского алфавита смогла так много рассказать, то, наверно, не менее интересно погружение в слово. Ведь каждое из слов когда-то родилось, пришло в нашу речь, имеет свою биографию и историю, часто совершенно неожиданную, а порой даже курьезную. Взять хотя бы новые слова, которые появились в нашем лексиконе исторически относительно недавно.

Например, слово «СПАМ» – часто используется в компьютерном слэнге. Но мало кто знает, что на самом деле, спам – это такие консервы, вроде китайского колбасного розового фарша, популярного в годы застоя. Расшифровывается SPiced hAM – перченая ветчина. Слово это придумано корпорацией Hormel, у которой в 1930-е годы скопилось чудовищное количество неликвидного мяса 3-й свежести. В грозный 1937-й Хормель начал маркетинговую кампанию по сбыту залежей. Так появился спам. Американцы не покупали спама, зато Хормель всучил убийные дозы нового изобретения американскому военному ведомству и флоту. А те тоже не смогли столько съесть и отдали дружественным странам. В послевоенной Англии, посреди экономического кризиса, спам был основным продуктом питания англичан. «Розовые кусочки мяса», описываемые Оруэллом в его книге «1984», — это спам 1948 года.

Или такое знакомое каждой женщине слово «КОЛГО-ТЫ» – неотъемлемая часть ее сезонного туалета. А родилось это слово в 1965 году в Париже, где проходил очередной всемирный показ мод. Съехались, разумеется, все светила мировой моды и представители торговых се-

тей. В качестве почетного гостя был приглашен из Америки тогда еще молодой, но уже популярный американский модельер Оскар де ля Рента. Показ шел как положено, на подиум выходили длинноногие модели в разных нарядах. Светилы в полумраке зала разговаривали о чем-то своем, изредка бросая пресыщенные взгляды на девиц. И тут на подиум вышли модели в мини-юбках! Сами мини-юбки уже не были в то время диковинкой, но под ними! Под ними на моделях были невообразимой красоты то ли чулки, то ли рейтузы... Но взгляд просто невозможно было оторвать. По залу прокатилась волна оживления. А сам Оскар де ля Рента вскочил и стал возбужденно повторять: «Call God! Call God! He must see that!» (англ. Позовите Бога! Он должен видеть это!) Присутствующие в зале французы, разумеется, ничего не поняли, но решили, что это есть американское название новомодных чулков – рейтузов. Так с тех пор и стали их называть – «кол гот». То есть колготы.

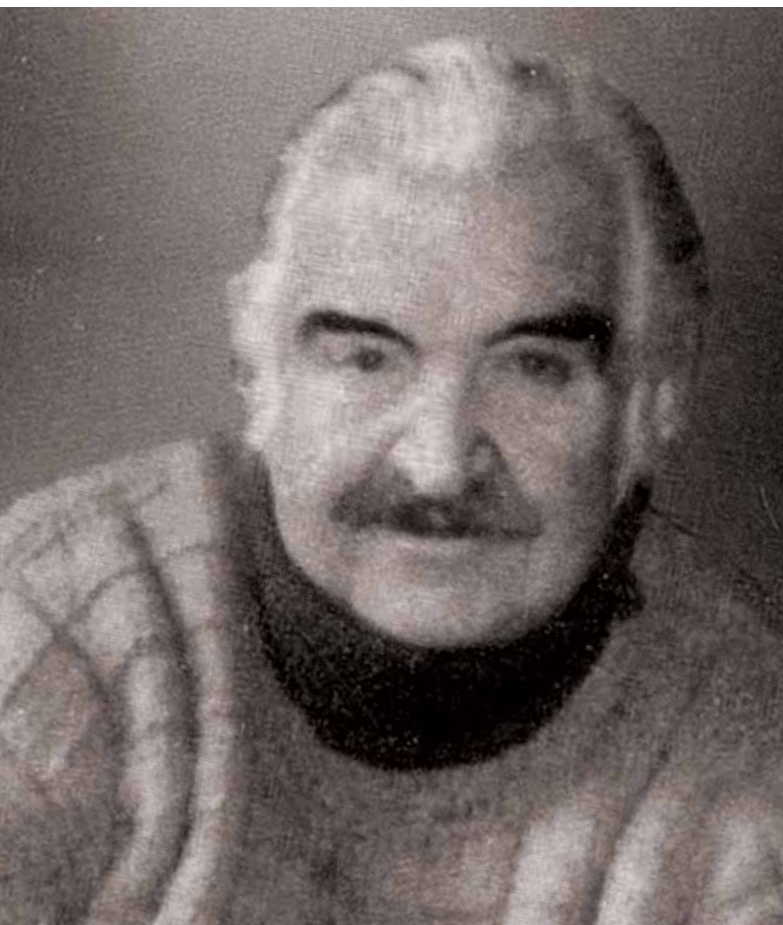
Жизнь языка неотделима от жизни общества. Меняется мир вокруг нас, меняемся мы сами, меняется и язык, с помощью которого мы познаем и описываем этот мир. Наиболее заметные изменения претерпевает под влиянием исторического момента словарный состав нашей речи. Некоторые слова оказываются способными расширить, а иногда даже принципиально изменить свое значение.

Вот, казалось бы, такое знакомое и неотъемлемое от традиции, особенно нашего, закавказского застолья слово «ТОСТ». Пришло оно в нашу жизнь из английского языка и обозначает слегка обжаренный ломтик хлеба. В старину жители Британских островов, прежде чем произнести застольную здравицу и выпить вино или какой-либо более крепкий напиток, окунали в него поджаренный на огне ломтик хлеба, чтобы напиток впитал в себя также и хлебный аромат. Впоследствии традиция окунуть хлеб в вино забылась, но возникла другая: произносить тост, перед тем как выпить вина. А слово «ТОСТ» сегодня сохранило оба значения – это и речь за столом, и обжаренный тонкий кусочек хлеба. Кстати, обычай чокаяться бокалами появился именно в те далекие времена, когда не считалось серьезным грехом подсыпать яду в бокалы гостей или соседей за столом. Поэтому, чтобы заверить гостей в своем миролюбии, хозяин не только наливал немного вина сначала в свой бокал и выпивал его, но и все гости в ходе застолья неоднократно «обменивались вином», то есть отливали из своего бокала в бокал соседа, а затем символически соединяли бокалы – чокались.

Некоторые слова за свою жизнь в языке претерпевают такие кардинальные изменения своего смыслового значения, что трудно удержаться от улыбки при попытке употребить эти слова в их исконном, первоначальном смысле. Один из таких забавных фактов приводит в своей книге Михаил Задорнов. «Слово ПАРАЗИТ происходит от греческого слова «паразитос», которое изначально означало «обедаящий в гостях». А слово СИМПОЗИУМ произошло от греческого «застолье», «пиршество». То есть «гости, собравшиеся за столом» в Древней Греции звучало бы как «паразиты на симпозиуме».

Вот на этой оптимистической ноте, надеюсь, не закончим, а лишь прервем наше путешествие в слово, потому что каждый, в ком еще не погасли любопытство и жажда открытий, вооружившись словарем, может отправиться в путешествие самостоятельно.

Игорь Богомолов

В РУСЛЕ ВСТРЕЧНЫХ ПОТОКОВ

Филология, как и всякая наука, находится в постоянном движении. Это подтверждает научная деятельность Серги Данелиа, Ваню Шадури и Игоря Богомолова, которые в разное время заведовали кафедрой истории русской литературы Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. В круг их научных интересов вошла отрасль филологии – литературные взаимоотношения.

Важный этап понимания значимости литературных взаимоотношений связан с деятельностью Ваню Шадури. Проблемы русско-грузинских литературных взаимосвязей в его трудах стали самостоятельной, полноценной отраслью литературоведения. Он поднял изучение этих взаимоотношений на небывалую высоту.

После ухода ученого из жизни его дело продолжил и расширил Игорь Богомолов. Как известно, литературные взаимоотношения предполагают «двустороннее движение». В трудах И. Богомолова всесторонне исследована вторая сторона этих взаимоотношений – грузино-русские литературные взаимоотношения, восприятие богатства грузинской культуры русской общественностью. Таким образом, обобщались не только материалы о русской культуре в творчестве А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, В. Орбелиани, М. Туманишвили, Г. Эриста-

ви, Важа Пшавела и других, но и восприятие богатства грузинской культуры русской литературой.

В этих двух равноправных, идущих навстречу друг другу потоках и нашла свою нишу научная деятельность Игоря Богомолова.

Область интересов ученого – литературные взаимоотношения – определилась с самого начала. Его кандидатская диссертация «Из истории русско-грузинских литературных взаимосвязей. Я. Полонский и грузинская действительность» (Тбилиси, 1960) была успешно защищена и издана отдельной книгой. Через восемь лет защищена докторская диссертация «Из истории грузино-русских литературных взаимосвязей (первая половина XIX века)» (Тбилиси, 1968). К тому времени Игорю Семеновичу было 36 лет. Эта работа была официально заявлена на тему взаимоотношений, но уже грузино-русских литературных связей, т.е. второго параллельного «встречного потока» литературных связей Грузии и России.

Внешняя сторона жизни И. Богомолова такова: родился в июле 1932 года, в 1956-м окончил с отличием русское отделение филфака ТГУ, в 1959-м – аспирантуру Института грузинской литературы им. Ш. Руставели АН Грузии, в 1959-1977 г. работал младшим, а затем старшим научным сотрудником. После защиты докторской диссертации в период 1977-1994 г. был заведующим им же созданного отдела литературных взаимоотношений Музея дружбы народов. Одновременно (с 1972 г.) работал на кафедре истории русской литературы ТГУ последовательно доцентом, профессором, заведующим кафедрой. Работал до самой кончины – 27 января 2003 года. Простое перечисление фактов из послужного списка показывает, каким незаурядным и целеустремленным человеком был Игорь Семенович.

И. Богомолова интересовали видные представители творческой интеллигенции страны, но круг его интересов включал и европейские и другие народы. Конечно, он писал о переводах, влияниях и подражаниях. Внимание им уделялось выяснению аналогичных условий, в которых находились народы, интерес грузинских и иностранных специалистов к одинаковым проблемам. Такова главная черта исследований И. Богомолова. Он широко освещал связи грузинских литераторов с русской литературой, в соавторстве с Романом Миминошвили написал три книги о взаимосвязях грузинской литературы с русской, белорусской, украинской и другими литературами. Совместно с Р. Кобидзе рассмотрел воззрения на грузинскую литературу европейских и американских литераторов. Круг исследований его широк и многообразен. Занимался переводами с грузинского языка на русский. Переводы публиковались в журнале «Огонек», в сборниках рассказов грузинских писателей. Значима и другая сторона его деятельности: он обнаружил и опубликовал ряд художественных произведений и писем В. Орбелиани, Г. Орбелиани. Нины Чавчавадзе-Грибоедовой, Я. Полонского. Давида и Дмитрия Эристави... Эта сторона деятельности ученого удостоилась самых высоких похвал. Он широко рассматривал взаимосвязи и взаимовлияния, которые оказывала многовековая грузинская культура. Я, в частности, писал: «В трудах Игоря Богомолова грузино-русские литературные отношения приобретают статус самостоятельной отрасли литературоведения, как русско-грузинские обрели статус в трудах Ваню Шадури». Академик И. Пиксанов в письме к И. Богомолову отмечал: «В.С. Шадури – мой любимый ученик, а Вас я вправе считать своим литературным внуком».

Из других сторон деятельности ученого отметим его выступления с докладами в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Женеве, разных городах Союза. Занимался чистой

наукой, но после прихода на кафедру истории русской литературы ТГУ проявил себя как прекрасный лектор. У него было много учеников, под его руководством защитили кандидатские и докторские диссертации, только в Музее дружбы народов свыше 10 человек получили научные степени.

Наконец, И. Богомолов являлся членом ученых советов Тбилиси, Баку, Еревана, членом редакций издательств, председателем приемных и государственных экзаменов в вузах Грузии. Заведя кафедрой в ТГУ, способствовал изданию ежегодных сборников «Актуальные вопросы межнациональных филологических общений» (вышло - 6) и «Грузинская русистика» (вышло - 3). Под его руководством в университете были изданы персональные сборники, посвященные многообразным связям с Грузией А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Чехова, Н. Некрасова, сборник «Серебряный век в русской литературе». Отметим и ежегодный студенческий альманах «ЛиК» («Литература и культура») – вышло 2 номера. Под его руководством прошли юбилеи: 200-летие со дня рождения А.С. Грибоедова, 180-летие со дня рождения Н.А. Некрасова.

Особо отметим Пушкинский юбилей. Юбилейные пушкинские торжества в Грузии прошли с размахом. Начавшись в январе 1999 года, достигли пика в конце мая - начале июня. В вузах Грузии состоялись научные конференции, в том числе и студенческие, в ТГПУ им. Сулхан-Саба Орбелиани - открытие Пушкинского кабинета. Всегрузинский конкурс школьников проходил по пяти номинациям, в нем участвовало свыше двух тысяч учащихся из разных уголков страны.

В Грузии побывала миссия пушкинистов мира под руководством профессора С. Фомичева, в составе 55 человек. Центральным событием Дней Пушкина явилось открытие Международной научной конференции в Тбилиском университете «А.С. Пушкин и его межнациональное значение». Лейтмотивом этих дней могли бы стать строки: «Позия Пушкина воистину бессмертна, поскольку представляет собой незабываемый и вечный мост между людьми, народами, культурами. Именно сейчас Пушкин должен быть с нами, как никогда ранее...»

Нас интересуют изданные в дни юбилея «пушкинские книги». Было издано пять книг. В две вошли произведения самого поэта. В сборник «Ме твен миквардит» («Я вас любил...») – 37 стихотворений А. Пушкина в переводах на грузинский. Сборник открывается переводами первых переводчиков поэта С. Размадзе, А. Чавчавадзе, затем «Пророк» и другие в переводах И. Чавчавадзе, современных поэтов М. Поцхишвили, А. Каландадзе, Д. Чарквиани, сотрудников и студентов кафедры перевода ТГУ. Это издание подготовлено Центром славистики (проф. О. Баканидзе), редакторы сборника, авторы предисловия – И. Богомолов, Р. Чантуришвили.

И второй сборник переводов Александра Пушкина с тем же названием вышел в издательстве «Мерани». В сборнике представлены переводы П. Яшвили, Г. Табидзе, А. Каландадзе, М. Поцхишвили, М. Лебанидзе, Д. Чарквиани и других, много переводов Баграта Одишели – инициатора издания.

Надо отметить, что переводы А. Пушкина на грузинский имеют давние и глубокие традиции. На протяжении XIX-XX веков грузинская общественность имела возможность знакомиться с творчеством А. Пушкина на грузинском языке, хотя читала его и на русском. Выход в свет в юбилейные дни этих двух новых сборников переводов было явлением и закономерным, и отрадным.

Таким же явлением можно было считать появление трех книг исследовательского типа. Это материалы Меж-

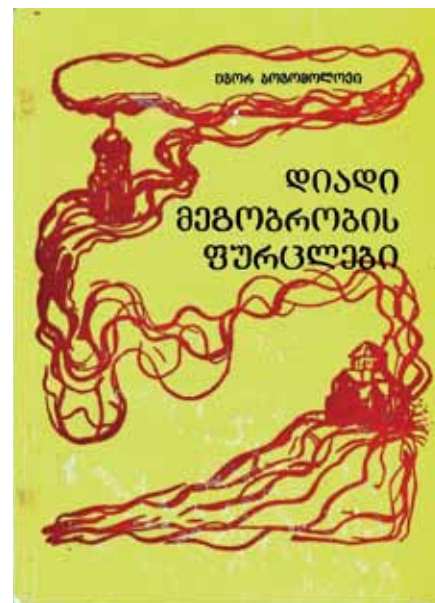
дународной научной конференции «А.С. Пушкин и его межнациональное значение», сборник статей И. Богомолова «Из грузинской Пушкинианы» и еще одна его книга «Очаровательный край...». В определенной степени она может считаться продолжением серии сборников Вану Шадури о русских писателях – «Шумит Арагва предомною», «За хребтом Кавказа». Материалы сборника – это прежде всего свидетельство большой любви к А.С. Пушкину и Грузии. «Из грузинской Пушкинианы» открывается статьей об отношении грузинских романтиков к творчеству поэта. Каждая подробность, дата, деталь насыщена ссылками, цитатами, тщательным образом проверена. Работа убедительная, она дает широкое представление о грузинских авторах, их знании произведений А. Пушкина. В статье об отношении А. Пушкина к русско-грузинским взаимоотношениям XVIII - начала XIX в. говорится о том, как поэтом собирались сведения о Кавказе, Грузии, о поездках на Кавказ в 1820 и 1829 гг., о предполагаемых встречах с представителями грузинской общественности, прослеживаются отношения двух стран.

«Очаровательный край...» интересна и специалистам, и широкому кругу читателей. В ней рассказывается о взаимоотношениях А. Пушкина с грузинской общественностью, приводятся данные, среди которых есть и новые. Книга – плод тщательных изысканий, предположений. Исследователь ссылается на поэта, его окружение, данные прессы, мемуарной и эпистолярной литературы. Именно сноски, ссылки, стремление говорить не только об известном, но и делать предположения, стремление их обосновать делают книгу профессиональной и значительной.

Этими качествами отмечены и другие научные труды И. Богомолова. Откроем, к примеру, его книгу «Страницы великой дружбы» (Тб., 1983, на груз. яз.). Один только перечень глав достаточно красноречиво отражает разноплановость и глубину рассматриваемых проблем: Грибоедов в Грузии; Вильгельм Кюхельбекер и Дмитрий Эристави; Пушкин и грузинские романтики; Яков Полонский в Грузии; Грузинские деятели и М. Балакирев; грузинские переводы Н.А. Некрасова; Владимир Маяковский и грузинские писатели; Сергей Есенин в Грузии; Грузия в творчестве Павла Антокольского; Автандил русской поэзии (Н.Тихонов)...

Говоря о многогранных аспектах деятельности профессора И. Богомолова, нельзя не вспомнить, что он был членом Союза писателей Грузии, возглавлял русскую секцию СП Грузии, избирался депутатом Парламента Грузии, почетным членом французской ассоциации «Друзья Льва Толстого» и Международного общества пушкинистов (Нью-Йорк), он автор 22 книг и монографий, сотен статей, кавалер ордена Чести.

27 января 2003 года жизнь Игоря Семеновича Богомолова внезапно оборвалась в расцвете творческих сил и возможностей. Остались его научные труды, книги, ученики и друзья, приобщенные им к исследовательской деятельности в литературе.

Дмитрий ТУХАРЕЛИ

Арчил Манджгаладзе

АРЧИЛ МАНДЖГАЛАДЗЕ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ АГРОНОМ, ПО ПРОФЕССИИ - ЖУРНАЛИСТ. С 1965, ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ИНСТИТУТА, ПРОШЕЛ ВСЕ КРУГИ РЕДАКЦИОННОЙ КУХНИ, СПЕРВА В ТЕЛЕГРАФНОМ АГЕНТСТВЕ, ОТ СТАЖЕРА ДО РУКОВОДИТЕЛЯ «ГРУЗИНФОРМА», ЗАТЕМ ПРОДЕЛАЛ ТАКОЙ ЖЕ ПУТЬ В ГАЗЕТЕ «САКАРТВЕЛОС РЕСПУБЛИКА», ОТКУДА НАЧИНАЛ СОРОК ЛЕТ НАЗАД. ВЫПУСТИЛ ДВЕ КНИЖКИ НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ «ЗАВЕЧЕРЕЛО» И «ОТ ПОРАЖЕНИЯ К ПОРАЖЕНИЮ». ПИШЕТ ТАКЖЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

ОДИН ДОМА - И

«...Обед раздели с другом, а ужин оставь врагу,» - хорошо помню эту восточную мудрость, тем не менее, я с удовольствием сел ужинать; затем убрал грязные тарелки, надел передник, помыл посуду, тщательно вытер стол, и, покончив с кухонными делами, вышел на балкон - покурить и помечтать. Но что-то мешало сосредоточиться, мысли путались. То ли из-за поздней трапезы, то ли из-за недавно перенесенного воспаления легких. Закурив, вспомнил, что ни вчера, ни сегодня не принимал лекарства; выдавил из облатки несколько таблеток и разом проглотил, запив чаем. Врач предупреждал, что гормональные препараты следует принимать, строго придерживаясь установленного порядка, во избежание нежелательных побочных явлений. Интересно, что это за «нежелательные явления», со снисходительной улыбкой подумал я, и, от нечего

делать, принялся искать в справочниках, затем - в Инете т.н. побочные последствия. Читаю: «...У женщин начинают расти волосы на теле, особенно на спине и груди, грубеет голос... «А у мужчин, писали знающие люди, наоборот, «выпадает борода, наблюдается феминизация организма, нередко - гинекомастия!» Ужас какой-то... Вдруг страшное предчувствие сжало мне сердце. Четыре дня я не притрагивался к бритве, а щетины нет, и голос пропал, а вдруг, не от кашля, а от стероидов?! К тому же, в эти осенние дни ни разу не пришло в голову одеть свой любимый пиджак, тот, необъятной ширины! Почему? Я с отвращением сорвал с себя женский фартук, скомкал и бросил на пол.

А раньше ты так же пропадал на кухне - мыл посуду, чистил плиту до блеска, как сейчас, глотая стейроиды? Как часто раньше ты подметал и натирал пол, протирал тряпкой стекла книжных полок - можешь вспомнить? Сурово спрашиваю себя, и упавшим голосом отвечаю: никогда в жизни... Разве что... всего несколько дней, после скандала с женой, когда она случайно узнала, что я получаю больше, чем приношу домой! И пить перестал!.. А на послезавтра - записался к педикюрше дамского салона... Дальше некуда!..

Мои горестные думы прервал телефонный звонок. «Визу не продлевают. Как и собиралась, приезжаю 25-го, - слышу родной голос. - Как ты там, без нас, один?» - спрашивает жена. - «Нормально. Жду, соскучился!», - отвечаю окрепшим голосом, кладу трубку, выхожу на кухню, наливаю любимый напиток в граненый чайный стакан и выпиваю залпом. Уфф! Чача, как и подобает настоящей виноградной водке, не обжигает горло, а ласково опускается горячей волной, нежно обволакивает теплом внутренности и затем, клубясь, поднимается в голову, проясняя замутненный от бодибильдеровских таблеток разум. Все в порядке: ведь я был ОДИН ДОМА! Поэтому и занимался женскими делами.

А для пиджака рано - жарко еще. И к педикюрше я собирался не по причине «феминизации организма», а из-за ногтя. А щетину не заметил, плохо вижу; и не брился потому, что один дома. Ради кого бриться?

Ради кого? Вот завтра с утра пороюсь в старой записной книжке, побреюсь и позвоню кое-кому.

До 25-го еще целая неделя!

СМЕЙСЯ, ПАЯЦ!

Меня с детства учили, что все профессии почетны, и среди них «старшая среди равных» - это профессия педагога. К тому же, от взрослых часто доводилось слышать, что они не верили, что их учителя, как другие простые смертные, ходят в туалет. Мне, внуку сельского учителя, приятно было осознавать это превосходство преподавателей над прочими. Когда я пошел в школу, понял, почему взрослые не могли поверить - в учительском туалете все сверкало чистотой и пахло одеколоном, в отличие от общего ученического. Значит, и вправду не ходили!

Так я рос, в уважении ко всем профессиям, не испытывая предубеждения к представителям самых разных специальностей: с одинаковым успехом мог влюбиться в уборщицу детского сада и сестру-хозяйку санатория, в дворничиху и поэтессу, гувернантку и журналистку... совсем как Доминик Стросс-Кан, бывший директор-распорядитель Международного валютного фонда и один из претендентов на пост президента Франции, только, в отличие от главы МВФ, на меня женщины ни разу не подавали в суд. Именно демократичность и привела меня однажды в семью на-

шего родственника, директора рынка, на крестины его внуки, к которому никто из наших не ходил. Только, не помню, почему не ходили - то ли он не приглашал, то ли сажал на краешек стула.

Как известно, родственники делятся не на близких и дальних, или на бедных и богатых, а на любимых и нелюбимых. Так вот, Дядя Миша, так его звали, принадлежал ко второй категории. И, несмотря ни на что, я пошел. Человек специально поднялся ко мне в редакцию, пригласил, вспомнил моего деда, долго хвалил его, нашел, что я похож на бабушку, «как две капли воды». Ну, как не пойти?!

После церкви, по традиции, сели за стол. Гости, начальники из главка и подчиненные Дяди Миши все были одеты одинаково, как спецагенты в «Римских каникулах» - в белые рубашки и черные креповые костюмы, и все - при галстуках. Как я заключил из разговоров, большинство «белых воротничков» составляли мясники. Парни как парни, ничем не хуже других, например, журналистов, с которыми мне часто доводилось сидеть за одним столом: пили, веселились, пели, читали стихи. Застолье уже подходило к концу, когда один из гостей поднялся и попросил тост за хозяина дома, хотя за Дядю уже пили. Он говорил минут 15 - 20. Я, как и все остальные, слушал его вполуха, но концовку запомнил хорошо. «Кто был я до тебя? Ничтожество, побирушка, посмешище!.. И остался бы им, не появись Ты, благодетель! Буду умирать, не забуду твои проникновенные, мудрые слова: брось ты эту ерунду, делом займись, делом! Приходи ко мне, возьму в ученики, обучу, поставлю на ноги и выведу в люди!» Благодаря тебе я стал человеком. Как говорится, из грязи - в князи! Спасибо тебе, спасибо, дорогой!»

Все участники застолья поднялись и принялись стоя аплодировать... Хозяин дома также стоял и молча, скромно потупив взор, принимал благодарности.

Когда гости расходились, я подошел к нему и, прощаясь, между прочим поинтересовался, кем был тот человек до встречи с ним, и каким образом он вывел его в люди.

- Кем был? Да был завучем средней школы в нашем поселке, историю преподавал, - презрительно усмехнулся хозяин дома. - Я в то время работал мясником на центральном рынке, жалко стало парня, взял в ученики, и, как и обещал, вывел его в люди. Сегодня он один из лучших работников в мясном ряду нашего базара. Дом имеет, дачу, прислугу, машину... Из грязи - в князи! - с нескрываемым удовольствием повторил он понравившееся изречение...

Это происходило 30 лет тому назад. А в 93-м, когда один мой сотрудник выдавал дочь замуж, и я поинтересовался, кем работает будущий зять, коллега гордо ответил:

- Рэкетиром работает...

Говорят, сейчас по-другому. Дай бог!

ДЕВУШКА С ПЕРРОНА

Старик лежал в непривычно мягкой и чистой постели на свежевыкрашенной в голубой цвет железной койке, специально поставленной для него в подсобке лагерной санчасти, уставившись в белый, не успевший еще потрескаться потолок, и напряженно думал. Рядом с тумбочкой, аккуратно застланной крахмаленным вафельным полотенцем, на которой рядом с лекарствами стояли бутылка минеральной воды и плоская фарфоровая чашка с мучительно знакомой надписью «Привет из Эссентуков», на табуретке дремал

его неразлучный кореш, продежуривший у изголовья больного всю ночь. Именно благодаря стараниям кореша и нескольких старых заключенных, с которыми считалось начальство, удалось уговорить руководство ИТУ пойти на такие неслыханные уступки - дать Старика умереть по-человечески. Старик закрыл глаза и попробовал сосредоточиться: где он мог видеть такую чашку? И неожиданно вспомнил: лет 30 назад, когда отдавал концы его отец, точно такую же чашку принес для умирающего он сам - из нее легче было пить. Удивительное дело: родных забыл, а фарфоровую чашку с трубкой сразу вспомнил. Старик не был верующим, но вдруг ему страстно захотелось исповедоваться. В лагере была маленькая молельня, был и священник, которого ежедневно привозили из соседней деревни, но заключенные не доверяли ему, так как подозревали, что он все передает начальнику лагеря; поэтому верующие зэки предпочитали вызывать батюшку из райцентра. Для старика уже не имело значения, расскажет лагерный священник об его исповеди начальству или нет. Но исповедоваться вдруг расхотелось.

Вспомнил дочерей, которые не стыдились его, и с радостью приезжали, пока он не запретил. Вспомнил жену, которую и любил одну, хотя это вовсе не мешало ему гулять на стороне. Он не считал, что изменял жене - ни одной женщине не дарил цветы, делал всем дорогие подарки, но держал на расстоянии, не осыпал розами и хризантемами. Попытался припомнить хоть нескольких - не смог. А было несколько сотен... И вдруг вспомнил девушку с перрона: он стоял у окна тронувшегося с места вагона, а она провожала кого-то, и увидев его, улыбнулась, так улыбнулась, что ему захотелось соскочить с поезда. Пока он раздумывал, прыгнуть или нет, она, не отрывая от него взгляда, шла вровень с поездом, ускоряя шаг и все время улыбалась ему. Ээх, должен был соскочить, подумал с мучительным сожалением, и невольно улыбнулся про себя: сколько чего должен был сделать в этой жизни, не сделал, и не жалеет, а тут сокрушается из-за незнакомой девушки!.. А о чем сожалеть, о проведенных в лагерях годах, или о подонках, которых ему пришлось отправить на тот свет? Жизнь-то прошла, не вернешь, а погибшие от его руки «кореш», не убей он, сами бы прикончили его. С ними он поступил правильно, совесть его не мучила, а что касается родных и близких, чувств его вина перед ними неотступно преследовало его и не давало покоя. Но сейчас, перед смертью, вспомнив родных, впервые не почувствовал угрызений совести. Вот-вот увидится с ними и все объяснит. Они поймут.

На сердце враз потеплело. Старик во всем теле почувствовал необычайную легкость и вдруг увидел поезд, тот самый. У окон вагона стояли отец с матерью, старший брат, друг детства, и... та девушка, с перрона. Скорее, скорее, кричали они в один голос, махая руками, не успеешь. Ээх, в тот раз не успел, хоть сейчас успею, пронеслось в голове, и старик тут же взлетел в поезд, наполовину уже скрывшийся в зеве освещенного каким-то странным голубоватым цветом тоннеля.

ОБМАНУТЬ СЛЕПОГО

В юности я неплохо играл в шахматы. Однажды в пионерский лагерь, где я проводил летние каникулы, пришли гости из соседнего пансионата, который принадлежал. Обществу слепых, пришли со своими шахматами, чтобы сразиться с нашей сборной. Доски у них были самые заурядные, и отличались от обычных только чуть приподнятыми (на 1-2 мм) черными полями с

дырками посередине.

Мне было доверено защищать честь лагеря на первой доске. Мой соперник, чемпион пансионата для слепых, высокий, сутуловатый мужчина лет 50-ти, в светонепроницаемых зеркальных очках, играл белыми. Пожертвовав качество, но так и не добившись перевеса, он предложил ничью. Я отказался. Это была моя первая ошибка. А вторая, и роковая, состояла в том, что я решил обмануть слепого. Перескочив ладьей через белую пешку, я объявил шах незрячему сопернику.

- Поставь ладью на место, - спокойно сказал мне слепой.

- Я и поставил на место, - отвечаю с полной уверенностью, что противник не заметит обман.

- Поставь на место, я сказал, - строго повторил слепой; затем, сняв светонепроницаемые очки с носа и глядя мне в лицо глубокими темными впадинами (в которых «отразилась бездна», как заключил я впоследствии, прочитав Ницше), добавил :

- Ты думаешь, я ничего не вижу, и сможешь меня обмануть? Посмотри мне в глаза, пионер, посмотри: Я ВСЕ ВИЖУ!

Я с ужасом смотрел в его бездонные черные глазницы, как бы гипнотизирующие меня исходящей от них пугающей потусторонней силой, и чувствовал, как шевелятся волосы на моей голове.

Ту партию я проиграл. Проиграл с треском, как и две последующие.

С тех пор я никого не обманывал.

В шахматах.

ПУДИНГ НЕБЕСНЫЙ

По приметам, 17 декабря, праздник святой Варвары, судьбоносный день - все, что произойдет с тобой в этот праздник, будет предопределять твою судьбу в течение всего года...

Ровно 16 лет назад, проснувшись поутру, я вспомнил, что надо поздравить тетю Варю, нашу ближайшую родственницу, с днем ее Ангела.

Тетушкой называли ее все - и мама, и бабушка, и прапрабабушка, которую я не застал... Никто не знал, сколько ей лет, строили догадки, и сходились в одном, что - много, но точный возраст (плюс-минус 20 лет) удалось установить только мне, и только сейчас.

Однако, я отвлекся. Итак, 17 декабря 1993 года. Я беру бонбоньерку со шкафа, достаю подарочное издание моей книги из коробки от старого телевизора, и иду («подарочное» - не какое-то особенное, раритетное издание, а самое дешевое, в мягкой обложке, просто никто его не покупал, даже друзья, вот и перешло оно в категорию подарочных - экономлю на подарки близким; но и они не остаются в долгу: даже краем глаза не заглядывают в книгу - не смотрят дареному коню в зубы).

Прихожу. Тетушка тут же сажает меня за стол и с загадочной улыбкой ставит передо мной глубокую тарелку, наполненную до краев застывшей массой манной каши с симметрично воткнутыми в нее пятью изюминками.

- Таковую вещь ты в жизни не пробовал. Это пудинг-дипломат!

Я с содроганием смотрю на «пудинг» - месиво из мелких, с кориандровое семя, комочков, но молчу. Не скажу-же тетушке, тем более, в день ее Ангела, что испытываю к манке особую неприязнь с трудного послевоенного детства, еще с пионерлагеря. Мысленно осеняю себя знаменем и приступаю к трапезе. Ем,

ем, а каша, как заколдованная - будто к ней и не при-трагивались... Наконец, вырисовывается шероховатая конфигурация долгожданного дна.

- Вкусно? - с нескрываемым интересом спрашивает тетя. В ответ я мычу нечленораздельное «О-о-о-о-о», воспринимаемое ею как выражение высочайшего блаженства - «О, yes! Yes!Yes! Yes! О-О-О-О-Оооооооо».

- То-то! - с глубоким удовлетворением отмечает тетушка и выходит на кухню. Через минуту возвращается - уже с миской побольше, только с тремя виноградинами, и ставит рядом с первой тарелкой.

- Ешь, ешь, не стесняйся,- подбадривает меня, и с любовью добавляет,- ишь, как изголодался.

- А это я отнесу домой,- с благодарной улыбкой вы-давливаю из себя.

- Для дома - для твоей жены и детей я уже отложила отдельно,- успокаивает меня тетя.

Наконец, ценой нечеловеческих усилий, я расправляюсь и со второй порцией, искренне благодарю не в меру хлебосольную хозяйку (могла же добавить еще одну тарелку) и, шатаясь, нетвердой походкой направляюсь к дверям. Тетушка догоняет меня и с сияющим лицом засовывает мне под руку массивную алюминиевую кастрюлю, от которой я с неописуемым удовольствием избавляюсь в первом-же переулке - ставлю металлическую емкость на край тротуара, разбегаюсь и изо всех сил поддаю носком тяжелого ботинка.

По дороге домой захожу к двоюродной сестре, стрелнуть десятку.

- Сидим без денег, но если тебе на выпивку, то у меня есть кое-что, спрятала от мужа, - догадывается сестра, и вытаскивает из-за трюмо бутылку «Пшеничной». - А на закуску - пудинг-дипломат, тетя Варя при-слала.

С тех пор прошло более полутора десятилетия, и все эти годы меня неотступно преследовала одна мучительная мысль: откуда у тетушки могло вдруг появиться такое обилие свежей («негуманитарной»!) манной крупы в самый разгар разрухи и голода?! И вот, сегодня, в праздник Николая Угодника, размышляя про себя о разного рода чудесах, у меня мелькнула смутная догадка: а может, это была манна небесная?! Она, ну конечно, она!!! А тот факт, что манна была свежая, без характерного для выдаваемых на талоны круп горького привкуса, только подтверждает ее неземное происхождение: освященная крупа, настоящая Манна Небесная не могла испортиться за какие-то 3700 лет со времен Исхода. И описание подходит: «...она была как кориандровое семя белая, вкусом же как лепешка с медом» (Исх.16,31). Точь-в-точь как праздничный пудинг!

Самое главное, и тетушкин возраст совпадает. Как это раньше я не догадался?

А что касается судьбоносности, именно после того дня Варвара стала самой почитаемой святой в нашей семье - из-за пудинга я возненавидел водку.

Правда, ненадолго.

ПОЛОВНИК ДЛЯ АНТИДЕПРЕССАНТА

В жизни каждого человека хватает гострых ощущений, и непреодолимый синдром похмелья не последний из них. Именно поэтому мое внимание сразу привлекли советы западных специалистов, прочитанные в Интернете, под заголовком «Как пережить следующее утро после корпоративной выпивки».

Когда чувствуешь одновременно одиночество и раздвоение, постепенно перерастающее в ощущение триединства, и, в силу этого, вбираешь в себя всю боль окружающих тебя людей, можешь смело назвать «корпоративной выпивкой» процесс самоуглубления, совершаемый без свидетелей.

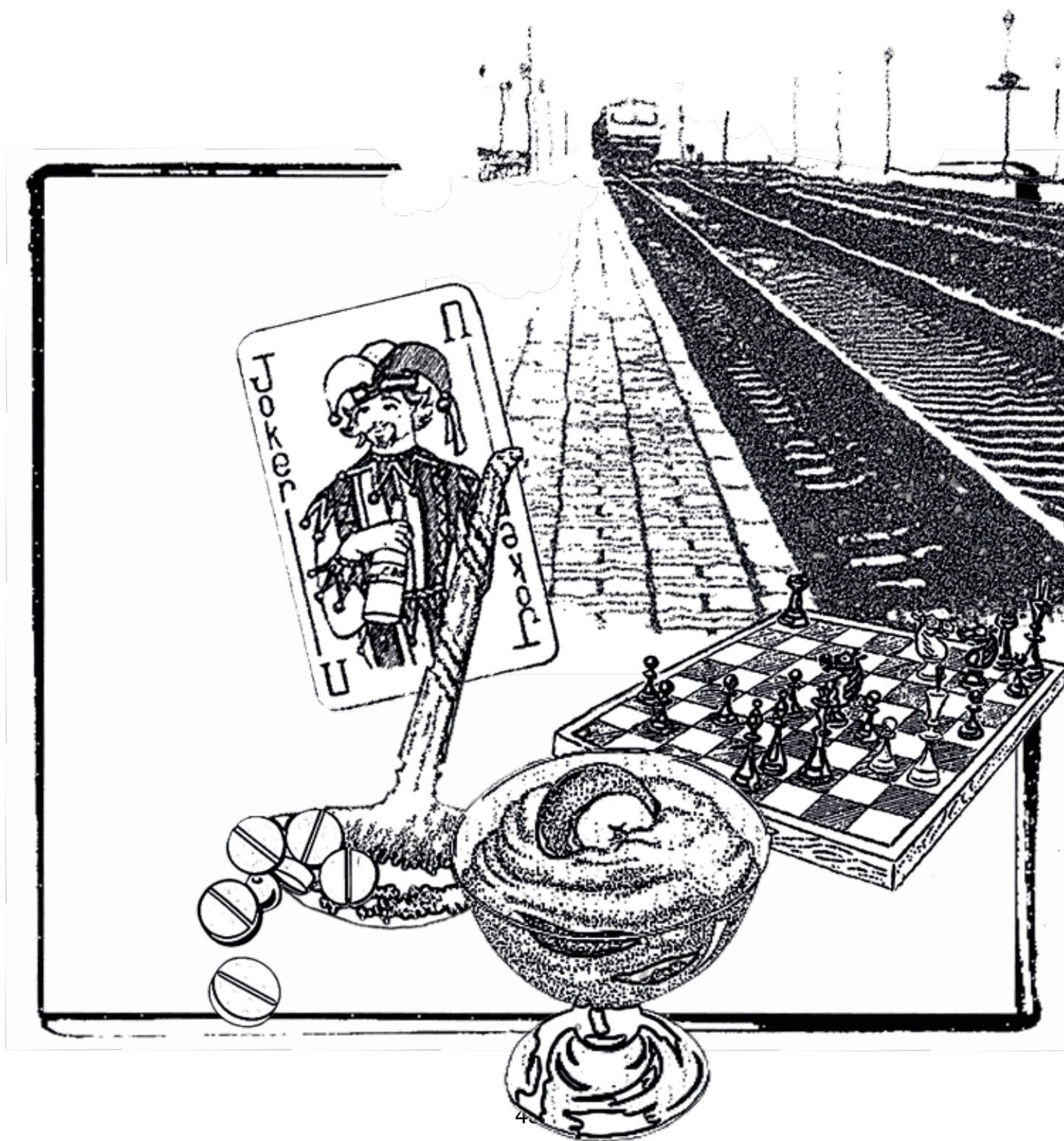
Итак, что советуют заграничные светила для преодоления синдрома? Чашку зеленого чая с ломтиком лимона, чашечку кофе, две-три маленькие ложечки коньяка или таблетку аспирина, а также, учитывая многонациональные особенности бывшего совка, рассол, «Боржоми», квашеную капусту, горячий бульон и в качестве десерта башкирский мед.

Я решил попробовать. Убедившись в малоэффективности рекомендуемых средств и почувствовав, как все мое нутро в недоумении разводило руками и пожи-

мает плечами (в отличие от «легкого головокружения в желудке», по выражению Дюма), а также принимая во внимание несоизмеримость привычных для постсоветского человека масштабов со смехотворными западными мерками, где 40 граммов водки считаются двойной порцией, - я предлагаю несколько видоизменить меню и сервировку диетстола. В частности, для коньяка вместо чайной ложки использовать половник, а кубики для бульона положить в морозильник - на черный день, и запивать каждый половник антидепрессанта двумя глотками минеральной воды, а кофе, зеленый чай с лимоном и мед из Уфы пить потом, через несколько дней, или недель, после преодоления синдрома (если деньги останутся).

И непременно - аспирин, при простуде.

Арчил МАНДЖГАЛДЗЕ

УМЕЕШЬ ТЫ РИСОВАТЬ?

Элизбар Гедеванишвили

Благодаря искусству вместо одного мира мы видим множество, и сколько было самобытных художников, столько в нашем распоряжении миров, разнящихся между собой еще сильнее. Чем миры, летящие по вселенной, и много веков спустя после того, как затух источник, откуда они изошли, будь то Рембрандт или Вермеер, они еще светят нам своими неповторимыми лучами.

*Марсель Пруст.
Возвращение времени, 1927*

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Некоторое время назад в двух или трех картинных галереях Тбилиси наше внимание привлекли работы художника Давида Гедеванишвили, объединенные одной общей темой «Старый Тбилиси». Думается, что независимо от художественного вкуса зрителя, его тематических предпочтений и даже возраста, картины никого не оставляли равнодушными. Они, невольно, вызвали чувство ностальгии по прошлому, по тому, что навсегда уходит из нашей жизни.

Возникло желание познакомиться с другими работами художника. Галерист, в ответ на наш интерес к творчеству этого художника, через пару дней познакомил нас. Чтобы продолжить знакомство со своим творче-

Давид Гедеванишвили

ством, Давид пригласил нас домой. И здесь нас ожидал сюрприз; мы увидели картины не только Давида, но и еще одного художника с фамилией Гедеванишвили, его дедушки - Элизбара Дмитриевича.

Квартиру, в которую мы пришли, правильнее было бы называть квартирой-музеем; все стены здесь завешаны картинами, принадлежащими, как позже выяснилось, кисти деда и внука.

Ну, а если это музей, то в нем должны быть и гиды. И они нашлись – два сына – Дмитрий и Ираклий, и конечно, внук – Давид. Свои обязанности наши гиды распределили, исходя из наших пожеланий. Сыновья готовы были рассказать о многогранной творческой жизни отца, его учителях, путях становления его как художника.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Наша встреча началась с рассказа Давида об истории создания картины «В деревенском домике», представляющей совместное творчество деда и внука. Это своего рода визитная карточка двух художников.

- Много лет назад дедушка устроил мне и моему младшему брату Эдику домашний экзамен, чтобы выяснить и оценить наши способности к рисованию. Мы получили несколько листов бумаги, акварельные краски, кисточки. Дедушка попросил нас нарисовать дом, танк, самолет. Эдик, особенно себя не утруждавший, через 5 минут все завершил. Правда, было не понятно для экзаменаторов, а ими были папа, мама, бабушка, что есть что, где танк, где самолет, где дом. Но Эдик посчитал, все что нужно, он сделал, и занялся своими делами. А я очень серьезно отнесся к заданию и потратил на свою «экзаменационную» работу часа два. Насколько я помню, дедушка был в восторге от моей работы, и от того усердия, которое я проявил. Спустя годы он мне при-

Д.Гедеванишвили. Пейзажи Тбилиси и Праги

КОГДА В ТОВАРИЦАХ СОГЛАСИЯ НЕТ

Здесь хотелось бы сделать одно отступление. Считается, что живопись относится к индивидуальному творчеству. Но в истории живописи известны случаи, когда одна карти-

знался, что своим наметанным профессиональным взглядом педагога, он увидел во мне будущего ху-

дожника, продолжателя семейной традиции. И он как педагог не ошибся.

Ираклий – отец Давида, продолжил:

- С этого момента, их часто можно было видеть, работающими вместе над картинами. И, конечно, тогда еще совсем молодой Давид получал большое удовольствие от совместной работы. Наверное, с этого момента и началось его приобщение к живописи.

- Я думаю, - продолжал Давид, - что отсутствие у дедушки профессионального художественного образования сказалось на системе обучения живописи; получив картон, краски и кисти я стремился во всем подражать дедушке. Сейчас я понимаю, что это не всегда было правильно. Но главное, что сумел привить мне мой первый учитель – так это любовь к рисованию. И эту любовь я сохранил до настоящего времени.

Вершиной моей домашней ступени обучения и стала эта картина. Мне она особенно дорога. Во-первых, это наше совместное, скажем так, семейное творчество. Во-вторых, эта моя первая работа маслом. И, пожалуй, она важна для меня, еще как своего рода мастер-класс, который Элизбар Дмитриевич Гедеванишвили дал Давиду Гедеванишвили.

Можно сказать, что картина – своего рода эстафета мастерства, от одного поколения к другому. К сожалению, картина осталась неоконченной. После ухода из жизни деда Давид посчитал, и, скорее всего, правильно, что картина должна остаться в том виде, в каком она была создана их совместным трудом, без каких-либо дополнений.

на пишется сразу двумя художниками.

Наверное, многим знакома картина И.Шишкина «Утро в сосновом лесу». Так вот, если пейзаж принадлежит кисти Ивана Шишкина, то медведей на картине писал другой художник - Константин Савицкий.

А первой серьезной работой Леонардо да Винчи было изображение одного из двух ангелов, фигурирующих на, возможно, лучшей картине его учителя Андреа Верроккье «Крещение Христа». Правда, некоторые искусствоведы считают, что участие Леонардо не ограничилось только одним ангелом; он внес поправки в фигуру Христа, написал пейзаж, а за его учителем безоговорочно была оставлена только фигура Иоанна Предтечи.

Создание картин двумя авторами – сравнительно редкий случай в истории живописи. Дело здесь, наверное, в том, что на успех такой работы, существенно влияет не только индивидуальное мастерство каждого из художников, что, конечно, очень важно, но и чисто человеческие качества, такие как уважение одного художника к мнению другого, толерантность, готовность подчинить свое «я» общим интересам. И если эти условия соблюдаются, то союз двух художников приводит к отличным результатам. Срабатывает, как сказали бы ученые синергетический эффект; мастерство одного художника подпитывается мастерством другого и за счет этого растет общее, совместное мастерство.

Но совсем другое дело, когда картину пишут близкие родственники. В этом случае родственные чувства снижают все отрицательные эмоции и способствуют тем самым созданию высокохудожественной работы. Именно так и было у наших художников. Старший, работая над этой картиной, открывал на практике тайны и секреты мастерства своему младшему партнеру. А тот, в свою очередь, восприняв услышанное и увиденное, ставил новые вопросы перед своим педагогом. Так шло саморазвитие этого творческого дуэта. Но, к сожалению,

нию, к тому времени, когда Давид стал профессиональным художником, Элизбар ушел из жизни. А было бы интересно понаблюдать за их дальнейшим совместным творчеством.

К беседе подключился Дмитрий – старший сын Элизбара, у которого, можно сказать на глазах, рождался художественный талант его отца.

- К живописи отец обратился поздно – где-то в возрасте 50 лет, - начал свой рассказ Дмитрий, - хотя я думаю, что генетически тяга к рисованию жила в нем, наверное, с детства и ждала только своего часа. Недавно один наш родственник сделал нам ценный подарок - рисунок отца карандашом. Конечно, он несовершенен. Но ведь всегда с чего-то надо начинать.

Мы предложили несколько иную, отличную от Дмитрия версию прихода в живопись Элизбара. Думается, что он захотел стать художником, наверное, потому что ему были нужны иные формы для выражения своих творческих замыслов. Он просто не мог не стать художником.

Будто бы для Элизбара сказал когда-то Бертольдо – наставник школы итальянских скульпторов, в том числе Микеланджело: «Человек должен быть художником не потому, что он может им быть, а лишь потому, что он не может не быть им. Искусство – это удел тех, кто без него всю жизнь испытывал бы страдания».

Идею становления Элизбара как художника развивает Иракий:

- Мне часто задают вопрос, кто был ваш отец? Сколько себя помню, меня всегда поражала многогранность его таланта. Блестящий музыкант, сценарист, режиссер, педагог? Трудно ответить на этот вопрос. Все эти профессии тесно переплетались и дополняли друг друга. И на всех этих поприщах он добивался больших успехов.

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

Частично по памяти, частично по документам, которые были обнаружены в письменном столе Элизбара Дмитриевича, обрисовались перед нами этапы его творческой жизни.

Окончил ГИТИС по специальности «Режиссер музыкального театра»; работал по специальности в свердловском театре; солист музыкального оркестра Грузии; Работал на киностудии Грузия фильм: режиссер, сценарист, постановщик фильмов: «Зуб акулы», «Добрые люди», «Кто оседлает коня», «Иные нынче времена», «Манана».

Писал пьесы для театров юного зрителя.

Поставил в Грузинском государственном театральном институте им. Шота Руставели спектакли «Мадемуазель Нитуш», «Сильва», «Оклахома» и другие, всего девять спектаклей.

Заслуженный деятель искусств Дагестанской республики.

Для одних его друзей такая «всеядность» к различным видам искусства казалась каким-то избытком. Другие называли это разбросанностью, считая, что надо сосредоточиться на чем-то одном. И, поэтому, когда он увлекся рисованием, никого это особенно не удивило.

Как все одержимые люди, начав рисовать, Элизбар полностью отдался этому занятию. Каждая свободная минута принадлежала живописи. Создавалось впечатление, что он стремится компенсировать зря растратенное время. При этом он не только рисует. Он не пропускает ни одну выставку, ни один вернисаж в Тбилиси. Он следит

за книжными новинками, будь то альбом, биография художника или книга по живописи. В те годы летние месяцы семья Элизбара Дмитриевича проводила на даче под Москвой. Так вот он по несколько раз посещал Третьяковскую галерею, музей им. А.С.Пушкина, где проводил много часов. Для него это был и отдых, и самая любимая работа. Он собрал богатейшую коллекцию слайдов, посвященных различным художникам, «школам», теории живописи. Таким образом Элизбар самостоятельно постигал азы живописи. Это была его школа – школа самодеятельного художника. Элизбар Дмитриевич жадно впитывал советы художников-профессионалов. А такие возможности случались и в Москве и, здесь – в Тбилиси.

- Его учителями, а может правильнее – советчиками, - развивает свою мысль Иракий, - были Елена Ахвледiani, Евгений Лансере, Лев Баяхчев, Николай Ситников и другие. Нельзя сказать, чтобы они его чему-нибудь научили. Эта была своеобразная учеба; папа их пристращивал о том, что его интересовало или волновало. Естественно, получал советы от «своих учителей». Но делал все по-своему. Думается, что свои вопросы он задавал, главным образом, для того, чтобы убедиться в каких-то своих идеях, взглядах, мыслях. Лев Баяхчев как-то сказал ему: «Хорошо, что ты нигде не учился, а то тебя бы испортили».

Нельзя не остановиться на пути, который прошел Элизбар в живописи. Известно, что для того, чтобы стать художником необходимо «освоить» две сущности. Первое - умение видеть, не смотреть, а именно видеть, и понимать, то, что видишь. И второе – отразить это в своих рисунках, донести увиденное до зрителя.

Свою первую сущность Элизбар освоил еще в период театрально-киношной деятельности. Вся его предыдущая творческая деятельность сценариста, режиссера, постановщика, педагога создала базу для восприятия окружающего мира. Хотя формально у него не было профессионального художественного образования, его режиссерская деятельность в кино и театре, работа сценариста, педагога в грузинском ГИТИСе сформировали его художественный вкус, чувство красоты, умение не смотреть, а видеть. Видеть то, что другие не видят. А это качество подлинного художника. Можно быть уверенным, что вся его предшествующая творческая деятельность стала основой для его будущего как художника.

Кажется, что многие сценки из спектаклей, их разнообразная атрибутика, портреты перекочевали из спектаклей, сценариев на полотно живописца. Оставалось только взять в руки кисть и краски и можно приступать к творчеству.

Но все оказалось сложнее. Элизбар не знал, что такое цвет, линия, форма. Именно здесь он рассчитывал на помощь друзей, книг, фильмов, слайдов. И как высокодаренный человек относительно быстро освоил эту сущность художественного творчества. Исходя из творческого багажа, с которым он пришел в живопись, он и выбрал «свои» сюжеты – натюрморт, пейзаж, город. И надо сказать, что он быстро добился успехов на своем новом поприще.

Интересна оценка стиля Элизбара, сделанная Давидом:

- Вероятно, нельзя однозначно оценить стиль де-душки. Ближе всего он стоит, пожалуй, к голландскому классицизму – приглушенный затемненный фон, сюжеты – бытовая утварь, пища. Судя по реакции зрителей, картины Элизбара нашли у них положительный отзыв. Он участвовал во многих республиканских, союзных, международных выставках, стал лауреатом. За успехи в художественном творчестве ему присваивается звание

Народного художника.

Ираклий вспоминает случай, который произошел на одной из выставок самодеятельных художников в Тбилиси. На выставку пришел Сергей Параджанов. Ему понравилась картина «Самовар» и он попросил отца продать ее. Но отец гордился тем, что коллекцию картин нашего выдающегося современника пополнила и его работа.

Дмитрий считает, что нужно отметить еще одно качество Элизбара, которое не менее важно, чем его творческие и художественные пристрастия... У отца было еще одно свойство характера. Именно характера, а не профессии. Это счастье, радость, стремление к общению с интересными для него людьми. Как правило, это были люди искусства. Он поддерживал теплые дружественные отношения с М. Чиатурели, Т.Абуладзе, Л.Зыкиной, в нашем доме бывал А.Вертинский. К сожалению, тогда еще не было видеозаписывающей аппаратуры, иначе у нас имела бы уникальная запись: под аккомпанемент Элизбара Гедеванишвили, свои песни исполняет Александр Николаевич Вертинский.

Есть люди, которые, если начинают чем-то заниматься, то отдаются этому делу полностью. Так было и с папой. Для него живопись, по-моему, стала главным, если не основным занятием в жизни. Я думаю, что если бы живопись приносила средства к существованию, он отказался бы от преподавательской деятельности, от сценарного творчества и только бы рисовал».

НАСЛЕДНИК ИЛИ ПРОДОЛЖАТЕЛЬ

Продолжая свою жизнь художника, Элизбар внимательно следил за успехами внука. Начатое дедушкой образование продолжилось в Академии художеств Грузии. Интересную оценку своему образованию дал сам Давид: «Дедушка научил меня любить живопись, а академия научила меня рисовать».

Еще обучаясь в академии, Давид много рисует. Так как он заканчивал факультет архитектуры, то понятно, каким сюжетам он отдавал предпочтение – это город, дома, улицы. Город – это, конечно, его родной Тбилиси. Город, который он любит, где он вырос, и судьба которого ему не безразлична. Острый взгляд художника отмечает все изменения, которые происходят в городе: новые красивые здания, мосты, улицы. Можно сказать, что – значительный цикл работ Давида - портрет города, а Давид – его летописец. Но как истинный горожанин, он не забывает и старый город с одно-двухэтажными домами с внутренними закрытыми дворами, наружными лестницами. И, конечно, балконами.

Балконы в Тбилиси – это отдельная тема. Давид продемонстрировал нам несколько своих картин, центральным элементом которых являются балконы. Но затем он посчитал, что картины – это картины, а жизнь – есть жизнь и устроил нам тематическую часа на три экскурсию по городу. Тема – балконы города.

Как правило, существует некий шаблон экскурсий по городу: посмотрите направо, посмотрите налево, это – памятник королеве, а в этом доме жил такой-то писатель.

Ничего похожего здесь не было. Давид был не гид, а гид-художник. И благодаря этому, мы смотрели на балконы не как на элемент архитектуры, а как на эталон красоты. Мы открыли для себя другой Тбилиси, яркий, красоч-

ный, неповторимый..

Тематика работ Давида, конечно, не замыкается только на городском сюжете. У него блестящие натюрморты, пейзажи. Иными словами, диапазон его достаточно широк. В чем-то, он продолжает тематику Элизбара. Но как любой художник он не стоит на месте, постепенно начинает формироваться его индивидуальный почерк. В своих работах он тяготеет к импрессионизму. Если спросить Давида, может ли он назвать своего кумира, то в ответ прозвучат фамилии многих художников. И наверное хорошо; ведь каждый из них оставляет свой след в формирующемся творчестве Давида: от Рембрандта – игра света, от Моне, Писарро – цвет.

«Яблоко». 2010

- Меня обогащает каждый художник, - рассказывает Давид, - но я не стремлюсь к подражанию кому-либо, стараюсь сохранить свою индивидуальность. А в чем она заключается, об этом судить зрителю. Мне бывает интересно мнение зрителей, и поэтому я прислушиваюсь к мнению критики; неважно – положительное оно или нет.

В последнее время я стал выполнять заказные работы; это, как правило, копии картин известных художников. Я знаю, что для многих моих собратьев по профессии, копирование считается низкопробным видом деятельности, как бы принижающим собственное творчество. Но я понял, что этот вид деятельности художника помогает ему глубже понять творчество того или иного художника, приоткрыть тайны его творчества.

Особенно меня убедило в эффективности копирования картин известных мастеров, как одного из элементов роста индивидуального мастерства, прочтение книги Луиджи Туарньери «Двойная жизнь Вермеера». Герой книги голландский художник Хан Ван Меегерен достиг такого уровня в понимании тайн мастерства Вермеера, его подходов к композиционному построению картин, умению работать с цветом, что, когда он ступил на путь фальсификации картин Вермеера, признанные эксперты не могли выявить подвох. А ведь началось все с копирования. Я, конечно, не оправдываю изготовление фальсифицированных картин. Но по себе могу сказать, что копирование, несомненно, способствовало моему профессиональному росту.

Мы поинтересовались, сколько из развешанных по стенам квартиры картин принадлежат внуку, а сколько деду? Оказалось, что основная доля картин – это картины Элизбара. Это в какой-то мере объяснимо; ведь все, что им написано, осталось в доме, а картины Давида разошлись по всему миру, находятся в частных коллекциях, экспонируются на многочисленных выставках. И понятно, почему это происходит; ведь для Элизбара живопись была хобби, а для Давида – единственный источник существования.

Наверное, если вам выпало счастье соприкоснуться с подлинным искусством, и неважно, что это – театр, кино, книга или картина, то оно надолго, если не навсегда будет с вами, в вашей душе, в вашем сердце.

Но вместе с тем у вас остается чувство сожаления, что это уже было и ушло, и уже никогда не вернется. Будет что-то другое, може, даже лучше, но этого уже не будет.

Этот дом мы покидали с двойственным чувством – чувством сожаления расставания с подлинным искусством и ожидания новых встреч.

Борис СОКОЛОВ
Георгий ХАТИСКАЦИ

С Пласидо Доминго

С министром культуры Испании

ОН РОЖДЕН ДЛЯ РИГОЛЕТТО

Мы встретились с Георгием Гагнидзе несколько лет назад, и тогда можно было только предполагать, как сложится его дальнейшая творческая судьба. Потому что никто и никогда не может со стопроцентной уверенностью гарантировать блестящую карьеру даже очень талантливого артиста.

И вот – феерический международный успех, слава, поклонники, комплименты!

Гия Гагнидзе по вокальным возможностям и сценической интерпретации признан лучшим в мире исполнителем партии Риголетто и одним из лучших баритонов нашего времени. Об этом пишет авторитетный немецкий

журнал «Opernwelt». Первую победу вокалист одержал в 1995 году, завоевал третье место в республиканском конкурсе музыкантов-исполнителей.

- Тогда моим педагогом был Тамаз Лаперашвили, концертмейстером — Виктория Чаплинская. А первые мои педагоги еще до консерватории — профессор Дизи Хелашвили и Джони Саралидзе, - вспоминает Гия. - Вокальные способности обнаружились у меня в 16–17 лет. Запел в компании под аккомпанемент гитары и обратил на себя внимание. Я хорошо играл на шестиструнной, много песен знал. Да и отец исполнял народные песни, даже выступал в ансамбле профсоюзов... Дизи Хелашвили заметил меня еще в музыкальной школе. Я стал серьезно заниматься сольфеджио, изучать другие предметы. И в конце концов поверил в себя! А поверив в себя, стал интенсивно готовиться к вступительным экзаменам в Тбилисскую консерваторию имени Вано Сараджишвили. Поступил и начал заниматься у Дизи Хелашвили. По камерному пению у меня был другой педагог — Тамаз Лаперашвили, ученик выдающегося Санкт-Петербургского педагога, профессора Василия Луканина, воспитавшего Елену Образцову и Евгения Нестеренко. Когда Хелашвили по состоянию здоровья не смог работать со мной, мною занялся Тамаз Лаперашвили. Словом, у меня была хорошая школа!

В 1994 году Гию Гагнидзе услышал Джансуг Кахидзе, причем в камерной ситуации, и сразу пригласил в оперу в качестве солиста. Певцу было тогда всего 23 года... Первой его партией стал Мурман из оперы «Абесалом и Этери». А самым первым появлением Гии на сцене было концертное выступление в сопровождении Государственного симфонического оркестра под руководством Джансуга Кахидзе — он исполнил арию Жермона из «Травиаты».

Дебютом Гагнидзе на оперной сцене стала партия Ренато в спектакле Тбилисского национального театра оперы и балета имени З. Палиашвили «Бал-маскарад» Верди.

Именно Кахидзе посоветовал талантливому юноше выехать за границу... Ведь в Грузии он раскрывался не в полной мере - пел в год не более 15 спектаклей. Став в 2005 году солистом Немецкого национального театра в Веймаре, Гия начал активно работать. А еще до этого решил попробовать свои силы за рубежом, принять участие в различных конкурсах. Ведь возраст их участников, как правило, до 35 лет. Первым международным творческим конкурсом стал для Георгия конкурс в Стамбуле. Тогда он вышел в финал, стал обладателем премии и 1000 долларов за лучшее исполнение арии — это была ария Елецкого из «Пиковой дамы» Чайковского. Его заметили представители Ла Скала, а в оперном театре Монте-Карло предложили исполнить партию Роберта в «Иоланте». Правда, из этой затеи ничего не получилось: вовремя не удалось оформить визу. Тогда и созрело решение уехать в Германию.

«Время мчится стремительно, как говорится, кто не успел, тот опоздал. Вот я и рискнул!» - говорит Гия.

Риск оправдался в полной мере. В 2001 году Георгий Гагнидзе завоевал третью премию на международном конкурсе молодых оперных певцов Елены Образцовой — как обладатель «большого подвижного голоса». Но впереди его ожидал еще больший успех.

В 2005-м Гия Гагнидзе стал обладателем первой премии в конкурсе «Вердиевские голоса», проходящем в Буссето. Он выступил в своей коронной партии Риго-

летто. Она стала его визитной карточкой и, в конечном итоге - путевкой на музыкальный Олимп. В жюри были знаменитый Хосе Каррерас, звезда оперной сцены Катя Ричарелли, арт-директор театра Ла-Скала Лука Тарджетти... Грузинский певец выступил в своей коронной, как пишут специалисты, «знаковой» партии.

«Георгий Гагнидзе создает удивительный образ: его Риголетто – грузный мужик среднего возраста, а не старик, как мы привыкли. Он бы и сам был не против оказаться на месте Герцога, но не судьба. Чуть kloкочущий, иногда булькающий, а иногда сверкающий тембр певца создает многокрасочный образ рефлексивной социально-психологической субстанции, вся самостоятельность которой – в непомерной амбициозности (как Шариков у Булгакова). Джильда ему нужна («Ты для меня... Береги для меня... Как же я без тебя?») - очень важные реплики дуэтов Риголетто с Джильдой и Джованной!) как единственная надежда на очищение утопающей в грязи души, согретой когда-то бескорыстным теплом безымянной красавицы. Памятью об этих счастливых мгновениях в жизни Риголетто является Джильда. Она - память, которую он хранит от всего мира «за семью замками, за пятью заборами»... И неслучайно именно этот символ его неудавшегося очищения гибнет. Ведь даже после проклятия Монтероне Риголетто не «одумывается», не раскаивается, а лезет в новую авантюру с похищением графини Чепрано! Ну, и какие «силы небесные» это выдержат? Страдания Риголетто в исполнении Гагнидзе – это горе потерявшего человеческого облик существа».

- Риголетто - одна из сложнейших партий вердиевского репертуара, - говорит Георгий. - Хосе Каррерас был в восторге именно от моего Риголетто! Я впервые выступал с этой партией уже в Германии. Я был тогда совсем молод и неопытен. Режиссер Томас Мюнстерман подошел ко мне после спектакля и сказал: «Мы доверили тебе самую сложную для баритона оперную партию. Ты исполнил ее хорошо. Считаю, что сегодня ты преодолел гору!» Образ Риголетто близок мне своим трагизмом. Отец, потерявший единственную дочь Джильду, он унижен, уничтожен... Эту эмоцию нужно уметь передать, пережить вместе со своим героем. В Италии, на конкурсе, я ощущал себя не участником соревнования, а актером в роли, на сцене. Вообразил себе ситуацию, откуда и возникло состояние души...

После конкурса Георгий подошел к Каррерасу за автографом и услышал от него «grande complimenti». И буквально взлетел от счастья!

На этом завершились его конкурсные выступления. Сразу позвали в Японию, Испанию. Получил приглашение из Ла Скала - в 2007 году выступил вместе с выдающимся маэстро Нью-Йоркской филармонии Лорином Маазелем в опере «Травиата».

За этим последовало концертное турне в Avery Fisher Hall под руководством того же Лорина Маазеля – Гия Гагнидзе выступил в роли Скарпиа из «Тоски». О грузинском драматическом баритоне громко заговорила пресса.

В 2008 году на Вердиевском фестивале в Парме певец выступил снова в партии Риголетто... А 17 сентября 2009 года – в партии Скарпиа, на открытии сезона в Метрополитен-опера. Это событие транслировалось в прямом эфире на 56 стран. А также на большом экране нью-йоркского Таймс-сквер — площади в центральной части Манхэттена, расположенной на пересечении Бродвея и Седьмой авеню в промежутке между 42-й и 47-й улицами. Одно из наиболее популярных и часто посещаемых мест в Нью-Йорке.

«Столь знаковую роль в памятный вечер в Метро-

политен-опера пел представитель советской вокальной школы, грузинский баритон Георгий Гагнидзе, только в этом сезоне дебютировавший на прославленной нью-йоркской сцене в партии Риголетто. За плечами у певца уже Жермон в «Ла Скала» и Симон Бокканегра во Дворце искусств в Валенсии, начало же карьеры было положено в 1996 году как нетрудно догадаться в Тбилиси, в театре имени Палиашвили, после чего певец являлся в течение нескольких сезонов штатным солистом оперного города Веймара. У Гагнидзе звучный, мощный голос, яркая подача звука, хорошее дыхание. Это в совокупности позволило ему провести сложную, достаточно затратную партию без преувеличения блестяще – все экспрессивные, драматические места весьма убеждали. Пожалуй, его Скарпиа совсем не был вкрадчивым исполнителем-обольстителем, только насильником и жестоким тираном, но такова концепция режиссера, и певец ее добросовестно отрабатывает. Внушительная комплекция Гагнидзе также играла на раскрытие образа словно довлеющего, нависающего над всеми отвратительного гигантского тарантула» (Александр Матусевич, Opera.news.ru)

Нынешний творческий график Георгия охватывает пять лет! Так, уже в текущем году состоялись его выступления в Барселоне («Сельская честь» и «Паяцы»), Цюрихе («Травиата»), Вене («Риголетто»), Мадриде («Тоска»), на сцене Арена Ди Верона («Травиата» и «Тоска»).

В октябрьские дни Гия Гагнидзе поет в Токио – в спектакле «Трубадур». В ноябре он выйдет на венские оперные подмостки в спектакле «Набукко». А в январе 2012 года грузинская звезда вновь блеснет на сцене «Метрополитен-опера» в образе Скарпиа.

31 декабря 2009 года певец по приглашению Президента Грузии выступил в Батуми, на грандиозном новогоднем концерте.

К большому сожалению соотечественников, Гия на родине не частый гость! С одной стороны, это огорчает – нам редко доводится слушать звезду вживую. С другой – радуется, ведь это свидетельствует о востребованности Гагнидзе за рубежом, славе грузинского вокала. Еще один бриллиант украсил оперную корону нашей страны!

Несколько лет назад я спросила певца: «Страшно быть ниже уже обретенной в искусстве высоты?» Гия ответил так: «Этот страх есть у всех. Шалапин писал, что одно дело - обрести высоту и совсем другое - сохранить ее».

Эталоны в опере для него - Лучано Паваротти, Пласидо Доминго, Хосе Каррерас...

«Я пошел по творческой линии выдающегося певца Пааты Бурчуладзе. Он стимулировал мое развитие... Из грузинских певцов образцы в оперном искусстве - Маквала Касрашвили, Зураб Соткилава, мне лично особенно дороги Давид Гамрекели, Петрз Амираншвили».

По мнению Гии, «человек не должен думать о себе больше, чем он есть на самом деле. Это в жизни. А на сцене он может представить себя хоть Наполеоном!»

На вопрос, занимает ли музыка всю его жизнь или часть души он отдает чему-то другому, Гия ответил исчерпывающе: «Семье, прежде всего. У меня жена и двое детей».

С семьей

Инна БЕЗИРГАНОВА

РЕАНИМИРОВАТЬ РЕАНИМАЦИЮ

Республиканская больница. Тбилиси

У грузинской медицины великая история и имена, но в последние два десятилетия казалось, что будущего нет!

- При таком количестве целебных источников и чудодейственных могил, понятно, почему больницы у вас в ужасном состоянии – издевались иностранные врачи. Но нам было не смешно. Каждый хоть раз испытал леденящий ужас от мысли, что близкому человеку станет плохо, а помочь не смогут!

Громоздкая система советской медицины рухнула, погубленная коррупцией, отсутствием финансирования и медицинского менеджмента. Десятилетиями она всасывала в себя тысячи недоученных врачей и тонны некачественных медицинских препаратов, ютилась в обветшалых зданиях с давно устаревшим оборудованием. Народ был нетребовательным. Мы и не знали, что такое качественные медицинские услуги...

У всего бывает предел! Теперь здание республиканской больницы стоит пустым. Выселены даже беженцы, которые появились в нем лет пятнадцать назад после известных событий, принеся в больницу еще и свою боль.

Возрождение началось не с первой попытки. С интервалом в несколько месяцев три раза торжественно открывали департамент неотложной и критической медицины (в народе «emergency») в похожем на фонарик маленьком двухэтажном здании, примыкающем к старой республиканской больнице. Пока он, наконец,

окончательно не открылся, оборудованный новейшей медицинской аппаратурой, укомплектованный тщательно отобранным, специально обученным медицинским персоналом, ориентированным на американские медицинские стандарты. Медицина стала официально платной! Надо было сделать медицинские услуги платными, чтобы параллельно в хорошем темпе начала развиваться система медицинского страхования. Да и кто сказал, что наша старая медицина была бесплатной?

Прошло четыре года. Все эти годы Грузия живет в новой медицинской эпохе. Фонарик оказался прожектором.

На третий год у главы департамента появился свой кабинет – до этого его место было возле каждого тяжелого больного. Бывали случаи, что неделями не выходил из больницы. Он и сейчас регулярно дежурит в кардиореанимации. А как иначе создавать систему ценностей коллектива? Врачи и медсестры, кто не смог работать с полной отдачей, ушли сами.

Изначально врачей выбирали очень тщательно. Молодые, хорошо образованные, быстро мыслящие и быстро принимающие решения, прошедшие практику в американских или европейских клиниках.

Но не надо думать, что американский медицинский сервис был отштампован на грузинской почве. На самом деле создавали симбиоз американских технологий и менеджмента и грузинской медицинской культуры.

ры. Не случайно, что в департаменте работают, в том числе, и врачи, происходящие из старинных грузинских медицинских династий. Они с детства знают, что наследственность - это не помощь в продвижении по службе и поиск легких путей, а зов крови и круглосуточная ответственность.

Чем же американская реанимация принципиально отличается от той, что была в наших больницах? В первую очередь - скоростью и качеством оказания услуг, что возможно благодаря новейшему медицинскому оборудованию, как диагностическому, так и лечебному, наличию всех необходимых новейших медицинских препаратов и вспомогательных средств, постоянному присутствию около больного персональной медсестры.

Но главное, универсальными врачами, специально подготовленными по программе *emergence* в американской резидентуре, умеющими и имеющими право оказывать практически любую помощь самостоятельно, не привлекая профильных специалистов.

Шесть отделений департамента – приемное, реанимация, неотложное операционное, кардиохирургия, неврология и кардиореанимация - с первых же дней начали принимать огромный поток больных. Жертвы аварий, войн, политических столкновений, несчастных случаев и преступлений, инфарктники и инсультники, астматики и аллергики, с «острым животом» и «острой интоксикацией», с кровотечением и прохождением камней. И так далее – по медицинскому справочнику от А до Я. Подежурив сутки и приняв десятки больных, уже дома, врачи сквозь сон продолжают делать назначения, отправлять на рентген и анализы тех, кто им снится. Родные улыбаются. Они привыкли к больничной инерции. Нельзя быть врачом только в рабочее время!

За четыре года в департаменте лежали самые близ-

коза и заговорил. И сейчас живет нормальной жизнью. Очевидно, помогла коллективная молитва и отсутствие американского рационализма.

В первый день войны глава департамента создал и возглавил палаточный военный госпиталь сразу за линией фронта. С ним выехали практически все мужчины-врачи. Медицинская палатка оказалась в центре военных действий. Снаряды противника рвались вокруг нее. Но и в таких условиях госпиталь принимал раненых, а самых тяжелых оперировали на месте. В то же время в Тбилиси к *emergence* одна за другой с интервалом в пять минут подъезжали машины скорой помощи. Каждая везла 4-5 раненых. Их принимали оставшиеся в департаменте врачи, в основном женщины. Несколько суток они не покидали больницы, при этом еще сдавали кровь. На стене в приемной был вывешен постоянно обновляющийся список поступивших раненых. Несчастные родители сверлили его глазами. Им тоже периодически становилось плохо, и нужна была помощь.

Сегодня в Грузии уже другие времена, другие требования и совсем другой медицинский сервис. Но, несмотря на это, в Министерстве здравоохранения до сих пор идет дискуссия о лицензировании специалистов *emergence* и открытии резидентуры по этой специальности.

Население уже давно проголосовало «за»! Не удовлетворяясь качеством медицинских услуг в поликлиниках и других клиниках, люди идут сюда днем и ночью с разными, и совсем не неотложными и никак не реанимационными жалобами. То кашель давно не проходит, то «живот что-то давно болит», а то «перебрал вчера». Врачи порой злятся, что их отвлекают от тяжелых больных. Но всегда оказывают помощь, чаще всего - психологическую. Они понимают, что страх перед реанимационным отделением сменился верой в

кие люди первых лиц государства и самые ярые оппозиционеры, воины, иностранные дипломаты и бомжи. Здесь проводились уникальные операции. Порой происходили чудеса. Был случай, когда американские консультанты утверждали, что больной безнадежен. Что даже если выживет, будет лежать без сознания. При подобном диагнозе и прогнозе в Америке не оперируют. Но в приемной, как это принято в Грузии, стояли все родственники, друзья, знакомые. Никто не смог сказать им об американских нормах. Грузинские врачи сделали операцию. Больной проснулся после нар-

его всемогущество.

Постепенно департамент взял на себя почти все функции республиканской больницы и сделал возможным ее закрытие на реконструкцию. За эти годы в Грузии открыты и открываются и другие клиники со своими реанимациями – государственные и частные. У населения появился выбор. Создана система медицинских полисов. А значит, качество жизни становится лучше. Но совершенно очевидно, что первым, давшим надежду на медицинскую помощь и изменившим медицинскую действительность, был *emergence*!

Ирина МАСТИЦКАЯ

УШЕЛ ВЕЛИКИЙ ЛИЦЕДЕЙ

Ушел великий Рамаз Чхиквадзе, человек - легенда. Увы, он слишком рано покинул подмошки в расцвете творческих сил и долгие годы боролся со смертельным недугом, не теряя надежды вернуться в театр, к своим зрителям.

Не прошло и двух месяцев, как не стало Наташи Чхиквадзе, и вот ушел из жизни ее коронованный супруг. Судьба сложилась так, что в трагические для семьи дни, предшествовавшие их уходу, я достаточно тесно общалась с Наташей и Рамазом. Видела, как борются эти двое. Борются за жизнь. Как появлялась и угасала надежда. И как однажды наступило отчаяние, чтобы уже никогда не покинуть стены этого гостеприимного дома. Удивительно, что на фоне этих страданий – физических и нравственных – Рамаз и Наташа остро переживали политические и культурные события, происходящие в стране, живо реагировали на все, чему были свидетелями. Не могли молчать. Не зря последним их активным выступлением было интервью в связи с увольнением Роберта Стуруа. Однажды Рамаз сказал: «Моя жизнь – это я и Наташа. Не дай бог, наш тандем рассыплется. К сожалению, в конце концов или в одну, или в другую сторону неизбежное произойдет...» И оно произошло... Правда, эти два любящих человека расстались совсем ненадолго.

Наташа очень переживала не только болезнь мужа, но и то, что Рамаз рано покинул сцену. Остро переживал это и сам Рамаз. Правда, очень редко высказывался на эту тему, и если заходила речь о возможном возвращении, говорил так: «Годы прибавляются, силы, память уходят, и выходить на сцену становится тяжело. Ведь мы играем без суфлера – в отличие от актеров старых времен. Так что никто мне на сцене в случае чего не поможет, самому придется выкарабкиваться. Я не помню, чтобы актер выходил на сцену в 82 года. Исключение – единицы! А я не хочу играть свои роли хуже, чем играл».

И все-таки, да простят меня, он был в этих словах не совсем искренен – актер хотел, мечтал работать. Помню, как во время нашего телефонного разговора Наташа шепотом, по большому секрету сообщила, что Рамазу предлагают выступить в «Буре» и, кажется, он готов согласиться. Но... коварная болезнь не позволила осуществиться этим планам – она вновь одержала верх над творцом. Сегодня можно только вообразить, каким Просперо был бы Рамаз Чхиквадзе!

Однако неистребимый творческий дух, заключенный в больную телесную оболочку, проявлял себя и на пороге смерти... Когда Рамазу Чхиквадзе становилось чуть лучше, он подходил к фортепиано и играл. Вдохновенно, упоенно, радостно. И вспоминались его сценические создания, потрясшие весь мир, - Аздак, Ричард III, Король Лир... Да, всему миру известно, что свои лучшие роли артист сыграл в спектаклях Роберта Стуруа на сцене театра имени Шота Руставели. Он был во всем однолюбом – всю жизнь проработал в одном театре, женился однажды и навсегда...

Рассказывают, что Рамаз Чхиквадзе, обладатель многих наград, был абсолютно нечестолюбивым человеком. По словам супруги, его никогда не волновали ни звания, ни пресса. «Рамаз не прочел о себе ни одного материала, ни одной рецензии и вообще всегда относился к этому равнодушно, без всякого любопытства! Спектакль завершался – и все. Другие актеры надолго задерживались, и все еще получали комплименты, их приглашали на ужины, приемы, а Рамаз даже этого не мог себе позволить. Потому что уже на следующий день у него был спектакль, а то и два. Жизнь во время гастрольных поездок у него была очень сложной.» - вспоминала Наташа.

Известные деятели грузинской культуры, как и весь народ Грузии, прощаются со своим кумиром.

Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ:

- Ушел великий актер, потрясающая личность, который украсил нашу жизнь. Он в последнее время тяжело болел и мы его не видели, но оставалась надежда для всех...

Гоги КАВТАРАДЗЕ:

- Если грузинский театр популярен в мире, если его феномен признан уникальным, то в первую очередь в связи с этим нужно назвать имя Рамаза Чхиквадзе. Сейчас этот большой актер уже принадлежит истории. Роли Рамаза Чхиквадзе, с его фантастической пластикой, музыкальностью, – это нечто исключительное! Таких актеров всегда оценивают как выдающееся явление мировой культуры!

Николай СВЕНТИЦКИЙ:

- Творчество Рамаза Чхиквадзе принадлежало не только Грузии, но и всей планете. Потому что это личность, безусловно, планетарного масштаба. Личность, благодаря которой десятки тысяч людей полюбили действо под названием театр. Он обладал особой магией. Когда он выходил на сцену, я едва дышал и, затаившись, следил за игрой. Этот человек, думается, вошел во всемирную энциклопедию искусства как один из лучших сынов грузинского народа, которым гордится страна. Я счастлив, что был знаком с Рамазом. Каждый раз общение с ним было для меня праздником! Он не мог жить без Наташи и последовал за ней. Пусть земля ему будет пухом.

Авандил ВАРСИМАШВИЛИ:

- Для меня он величайший актер всех времен – такой же великий, как Лоуренс Оливье, Чарли Чаплин... Рамаз Чхиквадзе относится к когорте самых великих, самых легендарных, самых гениальных. На мой взгляд, такого большого актера грузинская сцена не знала никогда. Мне посчастливилось не только созерцать его творчество, но и работать с ним – в моем спектакле «Играем Стриндберга» Рамаз сыграл свою последнюю блистательную театральную роль. Было праздником, счастьем работать с ним. С собой он закрыл одну из самых ярких страниц истории грузинского театра.

Материал подготовила
Инна БЕЗИРГАНОВА

Фото Александра Сватикова

Тбилисоба - 2011

